

ISSN 1816-9228 (Print)
ISSN 2078-9114 (Online)

ВЕСТНИК

Югорского государственного университета

Основан
в 2005 году

2(61)
2021

Основные материалы номера:

- Конфликт между субъектами принятия решения, возникающий в ходе расследования неосторожных преступлений, совершаемых медицинскими работниками.
- Установление мотивов как условие для выработки мер профилактики домашнего насилия.
- Сущность объекта уголовно-правовой охраны допинговых преступлений.
- О проблемах применения обычного права при уголовном преследовании лиц из числа коренных малочисленных народов Севера.

г. Ханты-Мансийск

ВЕСТНИК ЮГОРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ВЫПУСК 2(61)/2021

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-73606 от 31 августа 2018 г.

г. Ханты-Мансийск
2021 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ЮГОРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»

Лашин Валерий Федорович – главный редактор, доктор юридических наук, проректор по научной работе ФГБОУ ВО «Югорский государственный университет», v_lapshin@ugrasu.ru, +7 (3467) 377-000 (доб. 559);

Шарова Полина Сергеевна – ответственный секретарь редакционной коллегии, заведующий единой редакцией научных журналов ФГБОУ ВО «Югорский государственный университет», p_sharova@ugrasu.ru, +7 (3467) 377-000 (доб. 421).

05.13.00 Информатика, вычислительная техника и управление по специальности 05.13.18 Математическое моделирование, численные методы и комплексы программ (технические науки):

Пятков Сергей Григорьевич – доктор физико-математических наук, профессор Института цифровой экономики ФГБОУ ВО «Югорский государственный университет», ответственный редактор по научной отрасли/специальности;

Быстров Виталий Викторович – кандидат технических наук, старший научный сотрудник Института информатики и математического моделирования – обособленное подразделение ФГБУН ФИЦ «Кольский научный центр Российской академии наук» (по согласованию);

Вохминцев Александр Владимирович – кандидат технических наук, заведующий научно-исследовательской лабораторией «Интеллектуальные информационные технологии и системы» ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет» совместно с ФИЦ «Информатика и управление Российской академии наук Института системного анализа» (по согласованию);

Попков Юрий Соломонович – доктор технических наук, профессор, академик РАН, директор Института системного анализа Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» Российской академии наук; ведущий научный сотрудник кафедры систем обработки информации, моделирования и управления ФГБОУ ВО «Югорский государственный университет»;

Мельников Андрей Витальевич – доктор технических наук, профессор базовой кафедры ФГБОУ ВО «Югорский государственный университет» на базе АУ «Югорский научно-исследовательский институт информационных технологий», директор АУ «Югорский научно-исследовательский институт информационных технологий»;

Полищук Юрий Михайлович – доктор физико-математических наук, профессор, главный научный сотрудник центра дистанционного зондирования Земли АУ «Югорский научно-исследовательский институт информационных технологий» (по согласованию);

Кожанов Александр Иванович – доктор физико-математических наук, профессор ФГБУН «Институт математики имени С. Л. Соболева Сибирского отделения Российской академии наук»;

Халиуллина Дарья Николаевна – кандидат технических наук, научный сотрудник Института информатики и математического моделирования – обособленное подразделение ФГБУН ФИЦ «Кольский научный центр Российской академии наук» (по согласованию).

05.16.00 Металлургия и материаловедение по специальности 05.16.09 Материаловедение (по отраслям) (технические науки):

Гуляев Павел Юрьевич – доктор технических наук, ведущий научный сотрудник Института нефти и газа ФГБОУ ВО «Югорский государственный университет», ответственный редактор по научной отрасли/специальности;

Баев Владимир Константинович – доктор технических наук, главный научный сотрудник ФГБУН «Институт теоретической и прикладной механики имени С. А. Христиановича Сибирского отделения Российской академии наук» (по согласованию);

Бороненко Марина Петровна – кандидат технических наук, доцент Института нефти и газа ФГБОУ ВО «Югорский государственный университет»;

Долматов Алексей Викторович – кандидат технических наук, доцент Института цифровой экономики ФГБОУ ВО «Югорский государственный университет»;

Иордан Владимир Иванович – кандидат физико-математических наук, доцент Института цифровых технологий, электроники и физики ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» (по согласованию);

Алымов Михаил Иванович – доктор технических наук, профессор, член-корреспондент РАН, Директор ФГБУН «Институт структурной макрокинетики и проблем материаловедения (ИСМАН) РАН»;

Котванова Маргарита Кондратьевна – кандидат химических наук, доцент Института нефти и газа ФГБОУ ВО «Югорский государственный университет»;

Милюкова Ирина Васильевна – кандидат физико-математических наук, доцент Института нефти и газа ФГБОУ ВО «Югорский государственный университет».

12.00.00 Юридические науки по специальности 12.00.08 Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное (юридические науки):

Розенко Станислав Васильевич – кандидат юридических наук, директор Юридического института ФГБОУ ВО «Югорский государственный университет», ответственный редактор по научной отрасли/специальности;

Авдеев Вадим Авдеевич – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса Юридического института ФГБОУ ВО «Югорский государственный университет»;

Козаченко Иван Яковлевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет» (по согласованию);

Рарог Алексей Иванович – доктор юридических наук, профессор научный руководитель кафедры уголовного права ФГБОУ ВО «Московский государственный Юридический университет имени О. Е. Кутафина» (по согласованию);

Кибальник Алексей Григорьевич – доктор юридических наук, профессор заведующий кафедрой уголовного права и процесса ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» (по согласованию);

Шеслер Александр Викторович – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права ФКОУ ВО «Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний», профессор кафедры уголовного права ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет»;

Наваан Гантулга – кандидат юридических наук, профессор, начальник Института исполнения судебных решений МНР (по согласованию);

Сергеев Владимир Анатольевич – доктор юридических наук, профессор, директор Центра прикладного уголовного правосудия, профессор Школы правоохранения и управления юстицией Западного Иллинойского университета (по согласованию);

Понятовская Татьяна Григорьевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина» (по согласованию);

Анисимов Валерий Филиппович – доктор юридических наук, профессор кафедры правоохранительной деятельности и адвокатуры Юридического института ФГБОУ ВО «Югорский государственный университет».

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС
НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ
Science Index

ISSN 1816-9228 (печатная версия)
ISSN 2078-9114 (электронная версия)
Журнал издается с 2005 года
Журнал включен в РИНЦ

© ФГБОУ ВО «Югорский
государственный университет», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ	7
<i>Иголина Е. О.</i> Конфликт между субъектами принятия решения, возникающий в ходе расследования неосторожных преступлений, совершаемых медицинскими работниками	9
<i>Лапшин В. Ф.</i> Дифференциация уголовной ответственности в зависимости от признаков субъекта состава транспортного преступления	15
<i>Титлова Д. В.</i> Сущность объекта уголовно-правовой охраны составов допинговых преступлений	23
<i>Хармаев Ю. В., Латыпова К. С., Саранова Ю. А.</i> Криминологические проблемы противодействия распространению криминальной субкультуры в молодежной среде	31
<i>Якубенко А. К.</i> Наказания за экономические преступления в уголовном законодательстве Великобритании и США	37
ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ НАУКИ	45
<i>Камалов Р. Н.</i> Преступления, посягающие на избирательные права граждан: понятие и классификация	47
<i>Мамхягов З. З.</i> Понимание административной преюдиции в уголовном праве (законодательстве): основные доктринальные подходы	52
<i>Меньшикова А. Г., Поторочина Е. О.</i> «Сопряженность» в уголовном законе: вопросы понимания и применения	57
МОДЕРНИЗАЦИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА В КОНТЕКСТЕ ОПТИМИЗАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ	65
<i>Квитко А. В.</i> Ретроспективный анализ уголовно-правовых и криминологических мер обеспечения экологической безопасности	67

<i>Ситникова А. И.</i> Структурная организация уголовно-правовых предписаний главы 22 УК РФ с позиций законодательной текстологии	78
<i>Степанов О. А.</i> О развитии теоретической уголовно-правовой научной школы Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ.....	84
УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА РФ В СФЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ И ИНЫХ МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА	91
<i>Авдеева Е. В.</i> Актуальные вопросы реализации уголовного штрафа.....	93
<i>Акинина Н. Ю., Анисимов В. Ф., Галкин В. Т.</i> О проблемах применения обычного права при уголовном преследовании лиц из числа коренных малочисленных народов Севера	101
<i>Думанская Е. И.</i> Установление мотивов как условие для выработки мер профилактики домашнего насилия	106
<i>Наши авторы</i>	112

АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Е. О. Игонина

**КОНФЛИКТ МЕЖДУ СУБЪЕКТАМИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ, ВОЗНИКАЮЩИЙ
В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ НЕОСТОРОЖНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СОВЕРШАЕМЫХ МЕДИЦИНСКИМИ РАБОТНИКАМИ**

Многообразие толкования «причинно-следственной связи» различными субъектами правоприменительной деятельности приводит к рождению абсолютно новой «вещи в себе» – нового процесса. Тогда причинно-следственная связь, будучи производной категорией, обретает новый смысл и новую сущность, что приводит к ее видоизменению, противоречиям в судебной практике и конфликтам между субъектами принятия решений.

Ключевые слова: причинно-следственная связь, последствия, уголовная ответственность, ятрогенные преступления, сущность, критерии

Е. О. Igonina

**CONFLICT BETWEEN DECISION-MAKING SUBJECTS THAT ARISES
DURING THE INVESTIGATION OF CARELESS CRIMES COMMITTED
BY MEDICAL STAFF**

The diversity of the interpretation of the cause-and-effect relationship by various subjects of law enforcement activity leads to the birth of an absolutely new thing in itself – a new process. Then the causal relationship, being a derived category, acquires a new meaning and a new essence, which leads to its modification, contradictions in judicial practice and conflicts between decision-making subjects.

Keywords: causation, consequences, criminal liability, iatrogenic crimes, entity, criterion.

Причинная связь в уголовном праве – это объективно существующая связь между общественно опасным деянием и наступившими вредными последствиями при условии, что деяние во времени предшествует последствию, создает реальную возможность его наступления, является единственным и необходимым условием такого результата, а последствие закономерно, с неизбежностью, вытекает именно из данного деяния [9, с. 90].

Существующие в науке уголовного права критерии установления причинной связи позволяют однозначно удостоверить наличие причинной связи между процессами. Сперва устанавливается наличие объективной связи между деянием и последствием, затем определяется вина по интеллектуально-волевому отношению к причинному последствию. Научное сообщество отмечает три основных критерия, действующих в правовом поле:

- 1) временной, т. е. общественно опасное деяние предшествует во времени наступившим последствиям;
- 2) реальный, т. е. возможность наступления последствий, предусмотренных конкретной уголовно-правовой нормой, в результате совершения деяния;
- 3) критерий неизбежности наступления предусмотренных уголовным законом последствий в результате совершения противоправного деяния.

Совершенное деяние неизбежно вызывает преступный результат, являясь необходимым и исключительным составляющим причинно-следственной цепочки. Достаточно вычленить деяние из цепи детерминации, чтобы установить, является ли деяние необходимой причиной для наступления негативных последствий. Например, пациент – жертва, которой причинён средний по тяжести вред здоровью в результате медицинской ошибки, умирает на операци-

онном столе. Что будет являться «необходимой причиной» гибели человека? Будет ли это первоначальное деяние (травмы, возраст, диагностика других заболеваний и т. п.) причиной последствий, или же необходимо рассматривать неправомерные действия врача, проводившего операцию, без предварительного ознакомления с историей болезни, консилиума с коллегами, элементарной подготовки к операции и т. д. Кроме того, у врача могла быть дилемма: минимальный, но всё-таки шанс на успех оперативного вмешательства при высоком риске наступления ответственности в случае смерти пациента либо «ожидание чуда» по принципу невмешательства (нарушение клятвы Гиппократ), но при минимальной уголовной ответственности за последствие в виде летального исхода. В каком случае врач становится спасителем или убийцей?

Вопросы, связанные с определением понятия причинно-следственных связей, а также установление данных связей по конкретным уголовным делам до настоящего времени в следственной и судебной практике не находят единообразного толкования, что препятствует правильному применению уголовного закона. Для понимания того или иного понятия, явления, процесса необходимо уяснить сущность изучаемого объекта, которая отражает глубинные связи и отношения, присущие понятию, явлению, процессу. Сущность – это философская категория для обозначения внутренней, относительно скрытой и устойчивой стороны объективной действительности, которая определяет природу предмета, процесса и присущие им закономерности развития [4]. Сущность и явление – философские категории, с помощью которых фиксируются субстанциональность основания сущего, его самостоятельность, а также совокупность существенных свойств и качеств вещи в понятии «сущность» и чувственно воспринимаемые характеристики вещи, выражающие наличие сенсорно не заданной сущности в понятии «явление» [10, с. 40].

В своем произведении «Учение о сущности» Г. В. Ф. Гегель писал, что сущность («вещь в себе») тождественна сама себе при любых условиях и обстоятельствах, происходящих «во вне». «Вещь в себе» не должна иметь никакого определенного многообразия и потому приобретает оное, лишь будучи перенесена во внешнюю рефлексию, причем остается к нему безразличной (вещь в себе имеет цвет, лишь будучи поднесена к глазу, запах – к носу и т. п.). Ее различия возникают лишь через соображение другого, они суть определенные отношения этого другого к вещи в себе, а не ее собственные определения. Таким образом, субъект попадает в дилемму наделения смыслом объектов и явлений окружающего мира. Субъект – это значимый актер с активным и ответственным поведением; он может не обладать достаточной квалификацией суждения, но его способность изучить, осмыслить и понять становится важнейшей характеристикой по отношению к внешнему миру случайных и закономерных событий. Сам Г. В. Ф. Гегель придерживался концепции, что различие одной и той же «вещи в себе» – это отношение некоторых других (т. е. субъектов познания) к «вещи в себе», «но это другое есть не устойчивое для себя, а лишь отношение к вещи в себе» как к объекту определённо дешифрованной и соответствующим образом понятой реальности [3, с. 80]. Таким образом, «вещь в себе» как понятие и производная от неё «вещь в себе» как реальность имеют различие «не в себе самих» – они есть одно и то же, а в тех связях, которые были созданы внешней рефлексией.

Субъекты познания, понимая истину «вещи в себе» и исследуя ее сущность, свои знания о «вещи в себе» помещают в определённую форму (представление о ней), считая, что данная форма истинна и достоверна. При этом чем больше субъектов познания, тем больше таких форм (представлений о «вещи в себе»), при этом каждая новая форма, по мнению Г. В. Ф. Гегеля, является другой (очередной) «вещью в себе», неотличимой от первой визуально, но абсолютно другой по содержанию. Снова дилемма: либо познающим субъектам необходима догматика восприятия сущности вещей, что приведёт к остановке развития знания и потере субъектами свой субъектности, либо бесконечное количество рефлексий относительно исследуемой «вещи в себе» приведёт не только к концепции многообразия единого во внешней

рефлексии, но и к абсолютному многообразию представления и понимания смысла понятия, явления, предмета, вещи (вплоть до абсолютного хаоса).

Действительно, в правовом поле многообразие определений одного и того же деяния является недопустимым (логический закон тождества), поскольку принципы его существования и функционирования императивны и предполагают устойчивость формулировок (логический закон непротиворечия) и единообразное толкование основных норм и понятий (логический закон «третьего не дано») – всё это и закладывает основу для нормального функционирования и развития правовой системы.

Однако в случае выяснения медицинской ошибки, а, точнее, правильности действий врача, его зависимость от обстоятельств, возможностей медицины вообще – система догматического подхода к определениям скорее относительно по отношению к правовому полю вообще, нежели соотносительна по отношению к правосудию, в частности. Справедливость – этическое правило, а не логичная норма, более того – часто оппозиционная Закону.

Тогда многообразие случаев возможно решить по схеме некоего объединения в обобщающее единое? Согласно гегелевской концепции, бесконечное умножение вещей превращается в размывание закона: неограниченный процесс однообразных, однотипных изменений, ничем не разрешающихся («дурная бесконечность»), на самом деле есть последовательность витков бесконечной спирали «абстрактный объект <-> процесс». И этот бесконечный переход в процессе познания от одного суждения к другому, изменяя содержание категорий и суждений, обретая новые и новые смыслы, деформирует первоначальную сущность категории (обесмысливая её).

Соответственно, не имея чётких критериев определения «врачебной ошибки» в каждом конкретном случае, мы занимаемся трансформированием содержания одной и той же категории в краткосрочном временном периоде, что приводит к классическому диалектическому противоречию, когда в каждом «конечном» (в течение последовательно сменяющих друг друга интервалов времени) скрывается «бесконечность» его потенциалов развития, что приводит к деградации «конечного». Иными словами, в результате суммы рассмотренных дел, связанных с врачебной ошибкой, исследователь приходит к выводу о чётком и догматическом определении этого понятия в целом и об абсолютно неоднозначном его правоприменении; т. е. «врачебная ошибка» = «профессиональная деятельность врача».

Причинно-следственная связь в данном случае, являясь одной из базисных основ правовой системы, на деле не работает по причине отсутствия нулевой позиции отсчёта, когда возможно точно установить, правомерны или нет были действия врача относительно прибывшего пациента. Точка отсчёта «с момента поступления больного» или «с момента встречи больного и врача» в данном случае является очень условной. Особая сложность в понимании данного термина и его сущности возникает при расследовании неосторожных преступлений, совершенных медицинскими работниками. В случае бесконечного толкования правоприменительными субъектами содержания термина «причинно-следственная связь» происходит размывание его сущности, что служит предпосылкой для ошибочной квалификации действий медицинских работников.

На сегодняшний день понятие причинно-следственной связи правоприменителями толкуется по-разному, каждый субъект правоприменения толкует данную категорию с точки зрения своего мировоззрения, знания, жизненного и профессионального опыта, исключая общие философские и логические начала и принципы определения сущности того или иного феномена либо явления. Имеющееся на сегодняшний день в правовом поле «поливариативное пространство» данной философской категории приводит к складыванию противоречий и процессу его видоизменения, и различному применению практическими работниками. Противоречия влекут к возникновению конфликтов между субъектами принятия решений, что в свою очередь может привести к нарушению конституционных прав человека и равным образом к «поломке сложившейся правовой системы». Многочисленность научных теорий и противоречивость взглядов существенно осложняют работу следственных и судебных органов.

Рассмотрим практические примеры, свидетельствующие о наличии конфликтов между субъектами принятия решений: модели «обвинение – суд» и «обвинение, суд первой инстанции – суд апелляционной инстанции».

По мнению обвинения, Ш. У. Халилова, находясь в должности заведующей акушерско-гинекологическим отделением больницы и врача акушера-гинеколога, без уважительных причин не оказала рожденному младенцу первичную реанимационную помощь и не сообщила другим медицинским работникам о живорождении ребенка, самонадеянно рассчитывая, что работники сами установят факт живорождения ребенка и примут меры к сохранению его жизни. В результате бездействия Ш. У. Халиловой в короткое время после рождения ребенок умер от гипоксии. В случае оказания своевременной квалифицированной медицинской помощи младенцу имелась возможность сохранить ему жизнь. При этом сторона обвинения полагала, что мотивом убийства ребенка Халиловой явилось желание избежать повышения показателя детской смертности. Халилова обвинялась в убийстве находившегося в беспомощном состоянии ребенка.

Суд не согласился с позицией обвинения, указав, что ни одно из представленных доказательств не подтверждает вину Ш. У. Халиловой и наличия у нее умысла на убийство новорожденного. Как установлено судом, Халилова не оказала помощь ребенку, так как рассчитывала на то, что это сделают другие работники. Это бездействие Ш. У. Халиловой состоит в прямой причинной связи с наступлением смерти младенца. Суд переквалифицировал содеянное Ш. У. Халиловой с пп. «в», «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ на ч. 2 ст. 124 УК РФ [7].

Другим примером модели конфликта между субъектами принятия решений «обвинение – суд» является приговор Краснокаменского городского суда Забайкальского края от 23.09.2019, где врач-хирург Р. Н. Кожин оправдан в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 109 УК РФ. Согласно обвинительному заключению, у пациентки Ермолаевой после проведенной операции аппендэктомии в связи с «острым аппендицитом» развился недиагностированный и непролеченный перитонит, ставший причиной смерти. Перитонит явился осложнением внутрибрюшинного кровотечения. По мнению стороны обвинения, своевременная диагностика и лечение заболевания могли спасти жизнь пациентки [8].

В обосновании вынесения оправдательного приговора судья указал, что для привлечения лица к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 109 УК РФ необходимо наличие прямой причинно-следственной связи между содеянным и его последствиями, какую он не установил между действиями Р. Н. Кожина при оказании медицинской помощи и смертью Ермолаевой. В приговоре судья акцентировал внимание на том, что оказание медицинской помощи является специфическим видом деятельности, проведение медицинских мероприятий, даже при условии их точного соответствия установленным нормам, не может гарантировать полного выздоровления, поскольку действенное оказание медицинской помощи зависит не только от выбранной тактики лечения, но и от индивидуальных особенностей организма, неподдающихся точному прогнозированию.

Рассмотрим пример, где имеет место более сложная конфликтная конфигурация («сторона обвинения, судья – судья»).

Так Шелковский районный суд Чеченской Республики 31.07.2017 признал А. С. Алиеву виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 109 УК РФ. Согласно материалам уголовного дела, А. С. Алиева, являясь заместителем главного врача по материнству и детству, не распорядилась о транспортировке роженицы М., входившей в группу высокого риска перинатального фактора, в медицинское учреждение соответствующего уровня для госпитализации. Состояние здоровья пациентки ухудшилось, основную роль сыграл временной фактор, обусловленный отсутствием оказания надлежащей медицинской помощи, в результате чего наступила смерть. Согласно обвинительному заключению, между действиями А. С. Алиевой, достоверно знавшей, что в ЦРБ не имеется возможностей для оказания медицинской помощи при повреждениях соответствующей тяжести, и наступившими последствиями в виде смерти имеется прямая причинно-следственная связь.

Однако, согласно выводам комиссии судебно-медицинских экспертов, труп пациентки не подвергался патологоанатомическому исследованию; причина смерти достоверно не установлена. Смерть признана условно-предотвратимой при выполнении всеми должностными лицами в полном объеме своих функциональных обязанностей и необходимого комплекса мероприятий [1]. Верховный Суд Чеченской Республики приговор Шелковского районного суда отменил, а А. С. Алиеву оправдал. В обосновании решения указано, что причина смерти роженицы не установлена, выводы суда первой инстанции о наличии прямой причинной связи между действиями А. С. Алиевой и наступлением смерти пациентки основаны на предположении, в связи с чем приговор не может быть признан законным и обоснованным.

Таким образом, суд первой инстанции при вынесении приговора не учел критерий «неизбежности», являющийся обязательным для установления причинно-следственной связи. Деяние должно создавать реальную опасность наступления последствия, и следствие с неизбежностью вытекает из этого деяния. А так как причина смерти потерпевшей неизвестна, то говорить о наличии причинной связи между дефектами оказания медицинской помощи со стороны А. С. Алиевой и смертью пациентки не представляется возможным (теоретически смерть пациентки могла наступить и от разрыва аорты сердца). Наличие причинной связи в правовом поле не может строиться на предположениях. Требование поиска объективной истины является важной гарантией обеспечения справедливости правосудия, отправляемого в форме уголовного судопроизводства, а также конституционного права на него [2, с. 30].

При решении вопроса о наличии либо отсутствии причинной связи суд не должен исходить из неких загадок или трактовать цепь интересующих его событий как «случайность, отражающую непознанную закономерность». Доказательство наличия причинной связи должно опираться на четкие и понятные для остальных участников уголовного процесса критерии [5]. Основная проблема, возникающая в правовом поле при расследовании ятрогенных преступлений, это необходимость установления верного «критерия разграничения причинных связей, которые следует считать достаточными для уголовной ответственности, и таких связей, которые являются слишком отдаленными, несущественными или по иным основаниям должны быть признаны для уголовной ответственности недостаточными» [11].

По итогу проведенного анализа можно сделать вывод о том, что в правовом поле использование понятия «причинно-следственная связь», предполагающего высокую степень абстрагирования при его уяснении, обязывает правоприменителей договориться о некотором семантическом однообразии его употребления ввиду избегания возникновения конфликтов принятия решений между субъектами. Унификация терминологии, совместно используемой как медиками, так и юристами, насущно необходима, если они хотят «говорить на одном языке» и понимать друг друга [6, с. 38].

Литература

1. Апелляционный приговор Верховного суда Чеченской Республики от 24 мая 2018 г. по делу № 22-185/2018. – Текст : электронный // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/wTz2FEag12lB> (дата обращения: 15.05.2021).
2. Бастрыкин, А. И. Объективная истина как основной элемент российского уголовно-процессуального законодательства / А. И. Бастрыкин. – Текст : непосредственный // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2014. – № 2. – С. 28–31.
3. Гегель, Г. В. Ф. Наука логики / Г. В. Ф. Гегель. – Москва : Издание профкома слушателей института красной профессуры, 1929. – 686 с. – Текст : непосредственный.
4. Данильян, О. Г. Философия : учебник / О. Г. Данильян, В. М. Тараненко. – Москва : Эксмо, 2005. – 512 с. – Текст : непосредственный.
5. Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник / М. П. Журавлев, А. В. Наумов, С. И. Никулин [и др.] ; под редакцией А. И. Рарога. – издание 10-е, переработанное и дополненное. – Москва : Проспект, 2018. – 895 с. – Текст : непосредственный.

6. Петрова, Т. Н. Врачебные ошибки и дефекты оказания медицинской помощи: в поисках различий / Т. Н. Петрова. – Текст : непосредственный // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2017. – № 1. – С. 38–42.
7. Приговор Калужского областного суда Калужской области от 19 декабря 2018 г. по делу № 2-11/2018. – Текст : электронный // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/3r4zKRfx7vZ8/> (дата обращения: 15.05.2021).
8. Приговор Краснокаменского городского суда Забайкальского края от 23.09.2019 по делу 1-218/2018. – Текст : электронный // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/8A1bVc37yvx1/> (дата обращения: 01.04.2021).
9. Ревина, В. П. Уголовное право России. Особенная часть : учебник / В. П. Ревина. – Москва : Юстицинформ, 2010. – 389 с. – Текст : непосредственный.
10. Шуталева, А. В. Философия : учебное пособие / А. В. Шуталева, Н. И. Савцова. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2017. – 111 с. – Текст : непосредственный.
11. Ярмыш, Н. Н. Теоретические проблемы причинно-следственной связи в уголовном праве (философско-правовой анализ) : монография / Н. Н. Ярмыш. – Харьков : Право, 2003. – 512 с. – Текст : непосредственный.

В. Ф. Лапшин

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ПРИЗНАКОВ СУБЪЕКТА СОСТАВА ТРАНСПОРТНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Предмет исследования: признаки субъекта составов преступлений, предусмотренных ст. 264 и 264¹ Уголовного кодекса России (далее – УК).

Цель исследования: формулирование предложений по содержанию категории «субъект составов транспортных преступлений», в зависимости от которой обеспечивается качественная дифференциация ответственности за преступления, сопряжённые с использованием механических транспортных средств.

Перечень методов и объектов исследования. Для получения результатов исследования использовались методы познания, применяемые в гуманитарных (юридических) науках. Метод контент-анализа применялся при исследовании содержания ст. 264, 264¹, 109 и 118 УК, а также Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9.12.2008 № 25. Диалектический метод использовался при изучении мнений по вопросам квалификации некоторых транспортных преступлений. Логический и системно-структурный методы были применены при исследовании типовой степени общественной опасности личности преступника.

Выводы по результатам исследования: 1) субъект составов преступлений, предусмотренных ст. 264 и 264¹ УК, является специальным. Он определяется на основании наличия официального права на управление транспортным средством и корреспондирующей ему обязанности соблюдения соответствующих правил безопасности; 2) инструктор обладает признаками субъекта составов транспортных преступлений в случаях, когда он имел реальную возможность управления учебным транспортным средством и (или) осуществлял непосредственное управление им совместно с обучаемым.

Ключевые слова: транспортная безопасность, приёмы законодательной техники, субъект транспортного преступления, дифференциация уголовной ответственности, типовая степень общественной опасности личности виновного.

V. F. Lapshin

DIFFERENTIATION OF CRIMINAL LIABILITY DEPENDING ON THE SIGNS OF THE SUBJECT OF THE COMPOSITION OF A TRANSPORT CRIME

Subject of research: signs of the subject of the offenses under Art. 264 and 264¹ of the Criminal Code of Russia (hereinafter – the Criminal Code).

Purpose of the study: formulation of proposals on the content of the category "subject of traffic crimes", depending on which a qualitative differentiation of responsibility for crimes involving the use of motor vehicles is ensured.

List of methods and objects of research. To obtain the results of the research, the methods of cognition used in the humanities (legal) sciences were used. The method of content analysis was used in the study of the content of Art. 264, 264¹, 109 and 118 of the Criminal Code, as well as Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 9, 2008 No. 25. The dialectical method was used in the study of opinions on the qualification of some transport crimes. Logical and systemic-structural methods were applied in the study of the typical degree of social danger of the criminal's personality.

Conclusions based on the results of the study: 1) the subject of the offenses under Art. 264 and 264¹ CC is special. It is determined on the basis of the existence of an official right to drive a vehi-

cle and the corresponding obligation to comply with the relevant safety rules; 2) the instructor possesses the characteristics of a subject of corpus delicti of transport crimes in cases when he had a real opportunity to drive a training vehicle and (or) exercised direct control of it together with the student.

Keywords: transport security, legislative techniques, the subject of a transport crime, the differentiation of criminal liability, the typical degree of public danger of the identity of the perpetrator.

Введение

Уголовно-правовая теория и следственно-судебная практика не признают возможность привлечения лица к уголовной ответственности, если в совершённом им деянии не содержится всех признаков состава преступления. Исключительность такого основания уголовной ответственности закреплено в ст. 8 Уголовного кодекса России (далее – УК) и вряд ли будет поставлено под сомнение в обозримом будущем, ибо в противном случае потребуются кардинальный пересмотр многих базовых институтов, а, возможно, – принятие нового уголовного закона.

Одним из ключевых элементов состава преступления является его субъект, который представлен совокупностью предусмотренных уголовным законом юридически значимых признаков: физическое лицо, которое достигло возраста уголовной ответственности и находилось в момент совершения преступления в состоянии вменяемости. Отсутствие возможности безальтернативного установления данных признаков в процессе квалификации у лица, совершившего запрещённое уголовным законом деяние, исключает привлечение последнего к уголовной ответственности независимо от характера и степени общественной опасности совершённого им деяния.

Несколько сложнее обстоит вопрос с определением в процессе инкриминирования признаков специального субъекта, то есть специфических юридически значимых признаков, предусмотренных нормой Особенной части УК: правовой статус, половая принадлежность, род профессиональной деятельности и др. В некоторых случаях установить действительное наличие юридически значимого признака субъекта преступления крайне затруднительно. К примеру, в составах так называемых транспортных преступлений лицо, управляющее транспортным средством и (или) обеспечивающее его безопасную эксплуатацию, должно обладать знаниями правил, в соответствии с которыми осуществляется эксплуатация транспортного средства, а их соблюдение гарантирует безопасность движения транспортных средств как для самого водителя, так и для иных лиц. Необходимость установления факта ознакомления с указанными правилами корреспондирует особенностям субъективной стороны большинства транспортных преступлений. Неосведомлённость о существовании предусмотренных, например, правилами дорожного движения, нормативных запретов, равно как и добросовестное (объективное) заблуждение в их содержании, будут исключать наличие не только умышленной, но и неосторожной формы вины в совершённом общественно опасном деянии. По этой причине лицо, подлежащее уголовной ответственности за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, может быть признано субъектом данного преступления при наличии дополнительного юридически значимого признака – осознанной обязанности соблюдать нормативно установленные правила транспортной безопасности.

Разумеется, что не во всех случаях представляется возможным установить данную «идеальную» для квалификации совокупность признаков специального субъекта составов преступлений, предусмотренных ст. 264, 264¹ УК. И такие случаи известны следственно-судебной практике:

1. Водитель не обладает достаточными знаниями о правилах дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, вследствие чего не имеет официального разрешения на управление транспортным средством.

2. Лицо проходит обучение для приобретения практических навыков управления транспортным средством под руководством водителя-инструктора.

Несмотря на сложность установления в таких случаях признаков субъекта составов преступлений, предусмотренных ст. 264, 264¹ УК, современная следственно-судебная практика уже использует выработанные наукой и подтверждённые официальными разъяснениями решения по применению юридических презумпций и фикций. Но даже при официальном одобрении полностью согласиться с такими вариантами квалификации не представляется возможным, поскольку они в полной мере не согласуются с уголовно-правовыми принципами законности, вины и справедливости. Это обстоятельство явно свидетельствует о необходимости дополнительных исследований в области юридического содержания субъекта составов транспортных преступлений для формулирования решения, не противоречащего содержанию перечисленных уголовно-правовых принципов.

Результаты и обсуждение

Современная уголовно-правовая доктрина содержит несколько развёрнутых классификаций тех признаков, которыми должен обладать специальный субъект состава преступления [3, с. 13–16]. В качестве одной из выделяемых классификационных групп авторы справедливо предлагают установление факта возложения на лицо обязанностей по соблюдению специфических правил, которые оно должно выполнять при осуществлении профессиональной или иной деятельности [5, с. 69]. В основном эта деятельность сопряжена с использованием источников повышенной опасности, ненадлежащее обращение с которыми (или использование которых) причиняет значительный вред, в том числе и охраняемым уголовным законом общественным отношениям, или создаёт реальную угрозу причинения такого вреда.

Все подобные преступления предусматриваются нормами Особенной части УК, в названии которых содержится указание на нарушение «правил» или «требований», которые лицо, обладающее признаками специального субъекта, обязано соблюдать при осуществлении профессиональной или иной деятельности: ст. 143, 215, 216, 218, 224, 225 УК и др. Но в то же время лицо, которое не осведомлено о содержании соответствующих Правил, не прошло необходимое обучение и официально не подтвердило свои удовлетворительные знания о предъявляемых требованиях безопасности, не может быть допущено к соответствующей деятельности или к владению предметами, использование которых признаётся источником повышенной опасности. В противном случае лицо, должным образом не осведомлённое о существовании нормативных запретов либо не обученное обращению с предметами, представляющими повышенную опасность для окружающих, по общему правилу (!) не может привлекаться к уголовной ответственности за причинение вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям в виду отсутствия вины в совершённом деянии.

Перечисленные юридически значимые признаки специального субъекта, указывающие на наличие обязанности выполнения специальных правил, имеют место и в составах преступлений, предусмотренных ст. 264 и 264¹ УК. Лицо, управляющее механическим транспортным средством, должно знать нормативно закреплённые правила дорожного движения и предъявляемые требования к безопасной эксплуатации транспортного средства. Подтверждением этих знаний и необходимых практических навыков вождения является официальное разрешение, выдаваемое органами государственной власти, на право управления транспортным средством определённой категории. Соответственно, лицо, управляющее транспортным средством и имеющее соответствующее разрешение, достоверно знает о тех требованиях, которые предъявляются к безопасному вождению и эксплуатации транспортных средств. Нарушение установленных правил, влекущее по неосторожности предусмотренные

уголовным законом последствия, при прочих равных условиях влечёт для этого лица применение мер уголовной ответственности по ст. 264 или 264¹ УК.

К сожалению, далеко не всегда у следственных и судебных органов имеется возможность установления подобной совокупности юридически значимых признаков, характеризующих субъект состава транспортного преступления. Прежде всего, это связано с теми случаями, когда лицо, совершившее предусмотренное ст. 264 или 264¹ УК деяние, не имеет официального разрешения на управление транспортным средством. При учёте данного обстоятельства оно по объективным причинам может не знать о существовании нарушенных правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, что, в свою очередь, исключает наличие вины в совершённом деянии.

Данная теоретическая несогласованность по определению у лица, совершившего запрещённое ст. 264 или 264¹ УК деяние, наличия признаков специального субъекта состава транспортного преступления была разрешена на уровне высшей судебной инстанции. Пленум Верховного Суда РФ, очевидно, исходил из того, что отказаться от привлечения лиц, не имеющих права на управление транспортным средством, к ответственности за преступления против безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, недопустимо. В противном случае такой теоретически обоснованный отказ мог привести к существенному снижению превентивной функции уголовного права в виде безнаказанности значительной части тех водителей, в результате противоправных деяний которых причиняется вред жизни и здоровью граждан – иных участников дорожного движения. Кроме этого, водители, получившие право на управление транспортным средством в установленном законом порядке, оказывались бы в менее выгодном положении в сравнении с лицами, управляющими транспортными средствами без получения официального разрешения на осуществление данной деятельности (использования источника повышенной опасности). В этой связи Пленум Верховного Суда РФ в п. 2 Постановления от 9.12.2008 № 25 (Российская газета. 2008. 26 дек.) указал, что субъектом составов преступлений, предусмотренных ст. ст. 264 и 264¹ УК является «не только водитель, сдавший экзамены на право управления указанным видом транспортного средства и получивший соответствующее удостоверение, но и любое другое лицо, управлявшее транспортным средством». Дав подобное разъяснение, Пленум ввёл в юридический оборот презумпцию, в соответствии с которой любое лицо, приступившее к управлению транспортным средством, в должной мере осведомлено обо всех правилах дорожного движения и об особенностях безопасной эксплуатации данного механического транспортного средства.

Разумеется, подобное решение потребовало «особого» научного подхода и объяснения юридической специфичности субъекта составов транспортных преступлений, которая одновременно не отрицала знания специальных правил и выполнения специальных обязанностей, возложенных на водителя, хотя их отсутствие не создавало проблем для установления признаков специального субъекта в процессе квалификации транспортного преступления. В этой части исследователи предложили теоретическое обоснование нескольких точек зрения на сущность субъекта транспортного преступления.

А. Ю. Пожарский, А. И. Чучаев и др., руководствуясь приведёнными выше разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ, пришли к выводу, что субъект составов преступлений, предусмотренных ст. 264 и 264¹ УК, является общим [6, с. 132; 1, с. 234]. По мнению этих специалистов, отказ от необходимости установления специальных познаний в области правил дорожного движения и безопасной эксплуатации транспортных средств, а также наличия официального разрешения на управление транспортным средством, привёл к тому, что к уголовной ответственности за совершение рассматриваемых преступлений может быть привлечено любое лицо, обладающее признаками общего субъекта состава преступления.

Напротив, иные авторы не изменили мнения относительно признания специальным субъектом составов преступлений, предусмотренных ст. 264 и 264¹ УК, но в то же время отказались от использования при этом указания на наличие специальных познаний в области

правил безопасного вождения и (или) эксплуатации транспортных средств. Так, Р. Д. Шарпов, С. Н. Шатилович, С. А. Зворицина, Д. В. Собин и др. видят признак специального субъекта в том, что физическое, вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста, является управляющим транспортным средством. В. В. Климкин конкретизирует, что вид транспортного средства имеет юридическое значение и для определения субъекта преступления, поскольку в соответствии с действующим законодательством не все виды (средства) транспорта могут быть признаны средствами совершения рассматриваемых преступлений. Факт управления механическим транспортным средством уже достаточен для привлечения лица к уголовной ответственности при установлении в процессе квалификации иных признаков одного из составов рассматриваемых преступлений [9 с. 40; 8, с. 80-81; 4, с. 18]. В принципе, это является единственным юридически значимым признаком, позволяющим, по мнению указанных авторов, произвести разграничение между общим и специальным субъектом состава транспортного преступления.

Все высказанные суждения носят довольно дискуссионный характер, поскольку не отражают в должной мере сущность транспортного преступления и не учитывают типовую степень общественной опасности личности преступника, которая значительно превышает общественную опасность лица, не имеющего признаков специального субъекта. Во-первых, субъект составов транспортных преступлений не может быть общим, поскольку на лицо, управляющее транспортным средством, возлагается специфическая обязанность – обеспечение безопасности участников дорожного движения, равно как и иных лиц, которые могут пострадать от нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Подобная обязанность не возлагается на лицо, которое не является стороной транспортных правоотношений, что и предопределяет недопустимость признания общим субъекта составов рассматриваемых преступлений.

Во-вторых, управление транспортным средством представляет собой сущность общественно опасного деяния, которое предусмотрено ст. 264 и 264¹ УК. Не управляя (не эксплуатируя) транспортным средством, совершить указанные преступления не представляется возможным по объективным причинам. В этой связи авторы, указывающие на факт управления транспортным средством как на специфический признак субъекта состава преступления, допускают логическую ошибку, заключающуюся в смешении оснований, на которых формулируется умозаключение [2, с. 235–236]. По этой причине, соглашаясь с выводом, что субъект составов транспортных преступлений является только специальным, невозможно признать справедливость доводов по обоснованию такого решения.

Думается, что предложенный Пленумом Верховного Суда РФ подход не свободен от критики, поскольку уравнивание типовой степени общественной опасности любых лиц, управляющих транспортным средством, влечёт некачественную дифференциацию уголовной ответственности. В свою очередь, это способно привести к нарушению принципа справедливости при определении меры ответственности, назначаемой за совершённое преступление. Лицо, которое имеет официальное разрешение на управление транспортным средством, осознаёт весь объём негативных последствий, которые могут наступить в случае игнорирования им правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, имеет бóльшую общественную опасность в сравнении с иными лицами, которые не обладают достаточным объёмом знаний для получения права на управление транспортным средством. Поэтому и ответственность за совершение преступлений, предусмотренных ст. 264 и 264¹ УК, для водителя, прошедшего профессиональную подготовку по управлению транспортным средством соответствующей категории, должна быть на порядок строже в сравнении с ответственностью для водителя-дилетанта, совершившего аналогичное запрещённое уголовным законом деяние.

Говоря о необходимости признания общим субъекта составов рассматриваемых преступлений, некоторые авторы отмечают, что мнение, в соответствии с которым субъект составов транспортных преступлений является специальным, «не основано на законе» [1, с.

234]. Пленум Верховного Суда РФ указывает на любое лицо, способное совершить рассматриваемые преступления и, как следствие, подлежащее привлечению к ответственности по ст. 264 и 264¹ УК. Данное заявление демонстрирует стремление авторов выдать желаемое за действительное. Уголовный закон как раз и не содержит указания на «любое лицо», способное нести ответственность за совершение рассматриваемых транспортных преступлений. Напротив, системное толкование диспозиций ст. 264 и 264¹ УК свидетельствует о возложении на лицо специальных обязанностей по соблюдению правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Высшая судебная инстанция своим решением в действительности не уточнила, а расширила пределы юридического содержания субъекта составов преступлений, предусмотренных ст. 264 и 264¹ УК, закрепив в п. 2 Постановления от 09.12.2008 № 25 положение, противоречащее содержанию диспозиций указанных уголовно-правовых норм.

Постановления Пленума Верховного Суда РФ не являются источником права и выполняют функцию толкования положений как уголовного закона, так иных нормативных актов. Следовательно, разъяснение относительно содержания субъекта составов преступлений, предусмотренных ст. 264 и 264¹ УК в действительности противоречит сущности данных уголовно-правовых норм и может ввести в заблуждение при квалификации нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

Некоторую дискуссионность представляет решение об уголовной ответственности инструктора, под непосредственным руководством которого осуществляется обучение практическому вождению транспортного средства. В п. 2 указанного Постановления Пленума Верховного Суда РФ данное лицо обозначено в качестве «обучающего вождению на учебном транспортном средстве с двойным управлением». На основании этого разъяснения некоторые авторы полагают, что за все действия обучающегося вождению, повлекшие по неосторожности тяжкие телесные повреждения или смерть потерпевшего, ответственность несёт инструктор, находящийся в этот момент в транспортном средстве. Он признаётся виновным ввиду наличия юридической фикции, позволяющей считать, что управление транспортным средством осуществляется инструктором, а не учеником. В подтверждение справедливости этого мнения приводится решение Верховного Суда РСФСР, в соответствии с которым водитель-инструктор, не принимавший непосредственного участия в управлении транспортным средством, был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 211 УК РСФСР (ч. 3 ст. 264 УК), а фактически совершивший дорожно-транспортное происшествие с причинением смерти пассажиру водитель-курсант освобождён от уголовной ответственности [1, с. 234].

При решении вопроса о привлечении инструктора к ответственности за совершение транспортного преступления следует обращать внимание не только на его обязанности по обеспечению контроля за действиями водителя-ученика, но и на возникновение и развитие причинно-следственной связи между деянием и наступившими последствиями. Во-первых, следует установить факт, что инструктор имел реальную возможность в любой момент взять на себя управление транспортным средством. В этой связи Пленум Верховного Суда РФ справедливо указывает не на водителя-инструктора вообще, а только на то лицо, которое осуществляло обучение вождению на «транспортном средстве с двойным управлением». Объективная невозможность управлять транспортным средством, на котором производится обучение, свидетельствует об отсутствии у лица всех признаков субъекта состава преступления, предусмотренного ст. 264 УК, равно как и об отсутствии причинно-следственной связи между его деянием и наступившими общественно опасными последствиями.

Во-вторых, отсутствие оборудования, с помощью которого обеспечивается двойное управление транспортным средством, не может исключать уголовную ответственность лица, обучающего вождению. В этих случаях необходимо установить факт совместного физического управления автомобилем и учеником, и инструктором. Так, Фрунзенским районным судом Санкт-Петербурга К. и Х. осуждены по ч. 2 ст. 264 УК. В ходе судебного разбирательства установлено, что Х. по просьбе К. обучал её вождению легкового автомобиля. Специ-

альное оборудование, обеспечивающее двойное управление, на транспортном средстве установлено не было. Однако Х., находясь на пассажирском сиденье, вместе с К. переключал передачи, придерживал руль и совершал иные действия, которыми обеспечивалось управление автомобилем. В процессе движения ни К., ни Х. не заметили пешехода, с которым было допущено столкновение. От полученных травм потерпевший скончался. Х., наряду с К., был признан виновным в совершении транспортного преступления, поскольку не только осуществлял обучение вождению путём дачи советов и указаний, но и непосредственно принимал участие в управлении транспортным средством [7, с. 32]. Юридическая обоснованность решения о признании К. виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 264 УК, сомнений не вызывает, несмотря на отсутствие в автомобиле оборудования, посредством которого обеспечивается двойное управление.

Заключение и выводы

1. Системный анализ сущности субъекта составов преступлений, предусмотренных ст. 264 и 264¹ УК, позволяет утверждать, что данные уголовно-правовые нормы предусматривают ответственность исключительно для лиц, имеющих официальное разрешение – право на управление транспортным средством. Это право предоставляется только после установления факта знания лицом всех правил безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также наличия необходимых навыков безопасного управления транспортным средством. Указанному праву корреспондирует специфическая обязанность, заключающаяся в соблюдении всех правил транспортной безопасности, которые действуют в процессе управления механическим транспортным средством. Достоверное знание и осознанное нарушение указанных правил существенно повышает типовую степень общественной опасности личности водителя-преступника, что и позволяет применить к нему специальную уголовно-правовую норму Особенной части УК, санкция которой предусматривает более строгие меры ответственности. Напротив, аналогичные действия лица, не обладающего специальными знаниями правил транспортной безопасности и (или) не имеющего практических навыков безопасного вождения, следует квалифицировать в соответствии с общими уголовно-правовыми нормами гл. 16 УК об ответственности за неосторожное причинение вреда жизни или здоровью. Данный подход к определению признаков субъекта составов транспортных преступлений в большей степени соответствует принципам законности и справедливости, а потому будет способствовать назначению уголовных наказаний, соразмерных не только тяжести совершённого преступления, но и типовой степени общественной опасности личности виновного.

2. За неосторожное причинение вреда жизни и здоровью потерпевших в процессе обучения вождению уголовную ответственность несёт как водитель-ученик, так и инструктор. Последний признаётся субъектом состава нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств только в тех случаях, когда имел реальную возможность управления учебным транспортным средством и (или) непосредственно управлял транспортным средством совместно с водителем-учеником.

Литература

1. Беспилотники на дорогах России (уголовно-правовые проблемы) : монография / под редакцией А. И. Чучаева. – Москва : Проспект, 2021. – 520 с. – Текст : непосредственный.
2. Войшвилло, Е. К. Логика : учебник для высших учебных заведений / Е. К. Войшвилло, М. Г. Дегтярёв. – Москва : ВЛАДОС-ПРЕСС, 2011. – 528 с. – Текст : непосредственный.
3. Караваева, Ю. С. Специальный субъект преступления: криминологическо-правовой подход : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Ю. С. Караваева. – Омск, 2017. – 24 с. – Текст : непосредственный.

4. Климкин, В. В. Уголовно-правовая характеристика преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения, и их квалификация : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / В. В. Климкин. – Москва, 2004. – 23 с. – Текст : непосредственный.

5. Крюкова, О. Ю. К вопросу о классификации признаков специального субъекта преступления в уголовном законодательстве / О. Ю. Крюкова. – Текст : непосредственный // Уголовное наказание в России и за рубежом: проблемы назначения и исполнения : сборник материалов Международной научно-практической конференции (к 60-летию принятия ООН Минимальных стандартных правил обращения с заключёнными). – Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2016. – С. 66–71.

6. Пожарский, А. Ю. Система норм о транспортных преступлениях в уголовном праве России (становление и развитие) : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / А. Ю. Пожарский. – Москва, 2016. – 224 с. – Текст : непосредственный.

7. Рогатых, Л. Ф. Квалификация нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ст. 264 УК РФ) : учебное пособие / Л. Ф. Рогатых, В. Б. Малинин. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры РФ, 2004. – 60 с. – Текст : непосредственный.

8. Собин, Д. В. Противодействие нарушениям правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ст. 264, 264¹ УК РФ): проблемы построения составов преступлений, пенализации и предупреждения : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Д. В. Собин. – Краснодар, 2019. – 187 с.

9. Шарапов, Р. Д. Субъект транспортного преступления : монография / Р. Д. Шарапов, С. Н. Шатилович, С. А. Звorigина. – Тюмень : Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2018. – 114 с. – Текст : непосредственный.

Д. В. Титлова

СУЩНОСТЬ ОБЪЕКТА УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ СОСТАВОВ ДОПИНГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Предметом исследования являются общественные отношения, возникающие в процессе подготовки и участия спортсмена к соревнованиям международного, всероссийского и регионального уровней. Цель исследования заключается в обозначении пределов уголовно-правовой охраны общественных отношений в сфере спорта, связанных с потреблением медицинских препаратов стимулирующего и иного действия на организм человека.

Методы и объекты исследования. В представленной работе использованы общенаучные и частнонаучные методы познания, основными из которых являются: диалектический, формально-логический, анализ, синтез, системно-структурный и др. Объект исследования представлен комплексом отношений в сфере спорта, особенностями установления запрета на потребление допинг-препаратов, а также уголовной ответственности за его нарушение.

Результаты и выводы исследования сводятся к необходимости систематизации и содержательной корректировке уголовно-правовых норм об ответственности за склонение потерпевшего к потреблению препаратов, оказывающих стимулирующее и иное воздействие, и использование данных препаратов против или помимо воли спортсмена-потерпевшего.

Ключевые слова: общественные отношения в сфере спорта, объект уголовно-правовой охраны, уголовная ответственность за потребление допинга, согласие на причинение вреда, личность преступника-спортсмена, предупреждение преступлений в сфере спорта.

D. V. Titlova

THE ESSENCE OF THE OBJECT OF CRIMINAL LAW PROTECTION THE STRUCTURES OF DOPPING CRIMES

The subject of the scientific research is social relations, arising in the process of preparation and participation of the athlete in competitions at the international, Russian and regional levels. The purpose of the research identify the limits of criminal legal protection of social relations in the sphere of sports, related to the consumption of medical products of stimulating and other effects on the human body.

Methods and objects of research. The presented work uses general scientific and private scientific methods of cognition, the main of which is: dialectical, formal logical, analysis, synthesis, system-structural and etc.

The object of the research is represented by a complex of relations in the field of sports, the peculiarities of establishing prohibition on the consumption of doping drugs, as well as criminal liability for its violation.

The results and conclusions of the research are boils down to the need for systematization and meaningful correction of criminal law norms on liability for declination of the victim to consume drugs that have a stimulating and other effect, and using these drugs against or besides the will of the athlete-victim.

Keywords: social relations in the sports sphere, the object of criminal law protection, the criminal liability for the use of doping, approval to cause harm, the identity of the criminal-athlete, crime preventions in the sphere of sport.

Введение

Российское уголовное законодательство находится на начальной стадии формирования в части установления сущности общественных отношений в сфере спорта, а также определения пределов их правовой охраны. В этой связи в настоящее время особенно актуален вопрос об определении объекта уголовно-правовой охраны в сфере профессионального и любительского спорта. Значимость решения данных проблем достаточно высока, поскольку именно от выбранного пути развития национального уголовного права зависит как эффективность правоприменительной деятельности в отношении лиц, виновных в нарушении антидопинговых правил, так и время достижения превентивных целей борьбы с преступностью данного вида. Непрерывающиеся допинговые скандалы наносят большой урон не только развитию отечественного спорта, но и международному авторитету Российской Федерации как ведущей спортивной державы.

Уголовно-правовые средства охраны тех или иных общественных отношений являются одним из достаточно эффективных средств противодействия преступности и иного противоправного поведения. Однако в современной литературе до настоящего времени не выработаны общепризнанные концептуальные идеи о круге субъектов преступлений, криминализация которых основана на фактах нарушения антидопинговых правил, окончательно не решён вопрос о содержании охраняемых общественных отношений в сфере спорта, а равно об оценке общественной опасности данных деяний и пределах их наказуемости.

Таким образом, настоящая работа предполагает формулирование решений по кругу обозначенных вопросов. Полнота и качество авторских предложений предопределяется, в том числе, совокупностью применённых методов научного исследования, которые в виду высокой степени эффективности традиционно применяются в гуманитарных (юридических) научных исследованиях.

Результаты и обсуждение

Проблема противодействия потреблению допинга в целях улучшения результатов спортивной деятельности и достижений в области любительского и профессионального спорта имеет давние корни. Со времён организации зрелищных состязаний, впоследствии переросших в спортивные соревнования, их участники стремились к получению любых преимуществ перед противником для достижения победы [1, с. 43]. Данная мотивация, сопровождаемая сугубо меркантильными целями, стала основой не только физического развития, осуществляемого в процессе длительных по времени тренировок, но и потребления различных субстанций, использования нетрадиционных методов подготовки к соревнованиям, в результате которых человек набирает нужную спортивную форму за короткий период и без выполнения должной программы физических упражнений.

Долгое время подобные варианты подготовки к спортивным состязаниям оставались в пределах «правового поля», видимо, по причине обеспечения их зрелищности как первостепенной задачи данных мероприятий. Здоровье (а, иногда, и жизнь) спортсмена, особенно на ранних этапах формирования соответствующих общественных отношений, вообще не рассматривалось в качестве объекта обеспечения охраны. Поэтому, несмотря на известность использования самых различных растительных и синтезированных препаратов при подготовке атлетов, международная борьба за «честный спорт» началась только в первой половине XX века. Так, в 1928 году Федерацией лёгкой атлетики (IAAF) впервые в истории спорта принято решение о недопущении использования спортсменами-легкоатлетами допинга. Спортсмен, нарушивший данное правило, отстраняется от участия в любом соревновании, которое организуется и (или) проводится от имени IAAF. Впоследствии запреты на использование допинг-препаратов поддержали и иные международные спортивные организации, что было вызвано не только стремлением к демонстрации честных результатов проводимых соревнований, но и обеспечением безопасности жизни спортсменов. Высокая степень синтеза стимулирующих веществ в появляющихся допинг-препаратах, использование при их изготовле-

нии наркотических средств, психотропных веществ, стали приводить к гибели некоторых спортсменов, принимающих сильнодействующие стимуляторы [2].

К настоящему времени противодействие потреблению запрещённых субстанций и (или) применению методов, запрещённых для использования в спорте, в процессе подготовки к соревнованиям различного уровня приобрело характер международной контрольно-надзорной деятельности. Она осуществляется Всемирным антидопинговым агентством (WADA), созданным в ноябре 1999 года и имеющим свои представительства в странах-участницах международного олимпийского движения.

Проблема современного спорта (в том числе и российского) заключается в значительной распространённости применения спортсменами допинга для обеспечения достижения высоких результатов спортивной деятельности. Россия в настоящее время официально признана страной, которая не может гарантировать «чистоту» спортсменов, представляющих её на международных соревнованиях. Следствием этого стали многократные отстранения российских атлетов от участия в престижных соревнованиях международного уровня, запрет проведения международных соревнований на территории России. Беспрецедентным в истории спорта стало решение о недопущении России к участию в Олимпиаде и Паралимпиаде 2016 года (Бразилия) независимо от результатов допинг-проб и запрет на использование государственных символов: флага и гимна, российскими спортсменами – участниками международных спортивных состязаний до декабря 2022 года [13].

Все перечисленные обстоятельства негативно отразились не только на авторитете отдельных спортсменов, но и существенно подорвали международный престиж России. Это заставило разработать национальную «дорожную карту» противодействия потреблению допинга в российском спорте. Одним из средств достижения поставленной задачи стало введение в действующее уголовное законодательство норм об ответственности за склонение спортсмена к употреблению допинга или использования им запрещённых для использования в спорте методов, а также применение указанных субстанций и методов против или помимо воли спортсмена-потерпевшего [3, с. 97–99].

Думается, что введение этих норм в гл. 25 УК «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности», во-первых, является лишь началом для реализации законодательных инициатив в области противодействия преступности в сфере спорта, защиты прав и законных интересов всех участников соревнований различного уровня. До настоящего времени остаётся нерешённым вопрос о целесообразности признания преступными действий спортсменов, дающих согласие на применение в отношении них допинг-препаратов, способных повлечь за собой негативные последствия для здоровья. Представляется, что от варианта решения, принятого по данному вопросу, зависит общее развитие как отечественного, так и мирового спорта, поскольку уголовно-правовой запрет является достаточно действенным средством профилактики правонарушений, в том числе в сравнении с мерами дисциплинарного воздействия (дисквалификация и др.).

Во-вторых, определение родового объекта уголовно-правовой охраны, в структуру которого включены непосредственные объекты составов преступлений, предусмотренных ст. 230¹ и 230² УК, вызывает серьёзные сомнения в правильности такого решения. С учётом того обстоятельства, что первые виды препаратов (субстанций), оказывающих стимулирующее действие на организм человека, могли включать в себя наркотические средства и психотропные вещества, законодатель признал данные преступления в качестве отдельных видов посягательств на здоровье населения. В то же время используемые в настоящее время фармакологические средства стимулирующего и иного действия, запрещённые для употребления спортсменами, не являются наркотиками или психотропами, а методы, запрещённые для использования в спорте, объективно не могут негативно отражаться на здоровье населения, то есть неопределённого числа граждан.

Вопрос о возможности отказа от применения мер уголовной ответственности к лицу, которое причиняет физический вред потерпевшему или ставит его в условия реальной угрозы

причинения такого вреда, в отечественном праве решался по-разному. Так, ст. 143-6 УК РСФСР 1922 года указывала на отсутствие общественной опасности в деянии лица, которое совершило убийство потерпевшего из чувства сострадания и по настоянию последнего. Однако содержание данной нормы было пересмотрено и уже в 1923 году наличие общественной опасности такого вновь было зафиксировано уголовно-правовыми предписаниями [14, С. 53].

Более поздние источники отечественного уголовного права не содержали указаний на возможность отказа от признания преступности деяния, совершённого по просьбе и (или) с согласия потерпевшего, в результате чего последнему причинялся физический вред. Однако в исключительных случаях, предусмотренных Законом РФ от 22.12.1992 № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека», причинение физического вреда донору при выполнении ряда условий не может признаваться в качестве противоправного (уголовно наказуемого) деяния.

Применительно к предмету настоящего исследования целесообразно провести сравнительный анализ условий признания легитимности изъятия органов и (или) тканей потерпевшего с теми условиями, при которых спортсмен соглашается на употребление запрещённых субстанций и (или) применения к нему запрещённых для использования в спорте методов. Так, перед изъятием у донора органа и (или) ткани, которое не повлечёт за собой угрозы для его жизни, но причинит физический вред здоровью, необходимо выполнить ряд процедурных строго формализованных действий. Их целью является полное доведение до лица сути предполагаемого в будущем медицинского вмешательства в его организм, а также полной информации о всевозможных вариантах последствий осуществлённого изъятия донорского материала. Прежде чем приступить к операции по изъятию органа и (или) ткани, лицо должно дать письменное согласие на проведение такого изъятия [10, с. 124–126]. Подобный вариант причинения физического вреда современным уголовным законодательством может быть с определёнными оговорками оценен как обстоятельство, исключающее преступность деяния, то есть деяние, совершённое в состоянии крайней необходимости. Причиняя физический вред донору-потерпевшему, лицо обеспечивает предупреждение наступления, например, смерти иного лица, нуждающегося в экстренной операции по замене собственных органов и (или) тканей донорским материалом.

Несмотря на наличие схожести ряда фактических обстоятельств проведения медицинского вмешательства / воздействия на организм донора и спортсмена, нельзя признать постановку последнего в опасное для здоровья состояние или реальное причинение ему физического вреда каким-либо из обстоятельств, исключающих преступность деяния. Данный вывод можно сделать по результатам анализа сущности целей, описанных выше деяний. В первом случае причинение относительно небольшого физического вреда потерпевшему-донору направлено для достижения безоговорочно полезной социальной цели – спасение жизни человека или восстановление в значительной степени состояния его здоровья. Во втором же случае цель не может претендовать на признание социальной полезности. Напротив, последующее участие в спортивных состязаниях подобных лиц и даже их попадание в число призёров или рекорсменов в действительности не приносит авторитета ни виду спорта, ни престижу страны в международном сообществе. Победы и высокие спортивные достижения, которых лицо добивается в результате применения запрещённых для использования в спорте субстанций и методов, не могут быть признаны справедливыми итогами честной спортивной борьбы. Поэтому создание условий для причинения в будущем физического вреда здоровью спортсмена, равно как и реальное причинение такого вреда путём применения к нему допинга и (или) запрещённых для использования в спорте методов подготовки к соревнованиям, являются действиями, общественная полезность которых исключается. На этом же основании следует признать общественно опасными и действия спортсмена, который, понимая недопустимость применения соответствующей субстанции и (или) метода, нарушает эти пра-

вила и впоследствии скрывает данный факт от представителей организаций, осуществляющих контрольные функции в сфере спорта.

Конечно, в отношении спортсмена можно предположить, что нарушение им существующих правил подготовки и участия в соревнованиях вызвано не корыстными или иными негативными мотивами, а, напротив, патриотизмом, стремлением популяризации спорта в своей стране (регионе, населённом пункте), воспитанием населения, пропагандой здорового образа жизни [2, с. 76] и др. Но и в этом случае недопустимо признание социальной нейтральности и, тем более, общественной полезности нарушения им антидопинговых правил.

В судебной практике, преимущественно в решениях по делам о должностных преступлениях, подобная мотивация получила точное определение в виде «ложно понятых интересов службы». Так, осуждённые за злоупотребление или превышение должностных полномочий, служебный подлог и некоторые иные преступления, предусмотренные нормами гл. 30 УК, в стремлении, например, обеспечить показатели высокой результативности деятельности отдельных подразделений в государственных или муниципальных органах власти, а равно государственного (муниципального) учреждения или органа в целом, демонстрации их государственного и социального значения, прибегают к совершению действий, запрещённых действующими уголовно-правовыми нормами. Но и в случае установления подобных мотивов суды справедливо указывают на факт виновности лиц в инкриминируемых деяниях, назначая предусмотренное уголовным законом наказание, корреспондирующее общественной опасности совершённого преступления [7; 8].

Таким образом, современное уголовное законодательство в части определения общественной опасности и противоправности деяний, посягающих на отношения в сфере спорта, как представляется, нуждается в пересмотре с целью уточнения особенностей привлечения к уголовной ответственности за склонение к потреблению и применение в отношении участников спортивных состязаний субстанций и методов, запрещённых действующими антидопинговыми правилами. Также следует решить вопрос о совокупности криминообразующих факторов, установление которых позволяет признать в действиях спортсмена, умышленно нарушающего антидопинговые правила, той общественной опасности, которая будет достаточна для признания указанного нарушения общественно опасным и, как следствие, уголовно-наказуемым.

Но в этом случае вряд ли можно будет согласиться с решением законодателя о том, что подобные действия находятся в плоскости родового объекта в виде отношений по обеспечению охраны здоровья населения. Из всех представленных видов родовых объектов уголовно-правовой охраны, содержание которых отражено в названии глав Особой части действующего уголовного закона, достаточно трудно подобрать именно тот вид родового объекта, который в полной мере соответствовал бы сущности совершаемых общественно опасных деяний тренеров, спортсменов, представителей медицинского персонала и иных лиц, обеспечивающих потребление спортсменом запрещённых субстанций (использование методов), тем самым оказывая негативное влияние на общие результаты спортивных состязаний.

Для понимания истинного содержания объекта уголовно-правовой охраны, объединяющего в себе непосредственные объекты составов преступлений, предусмотренных ст. 230¹ и 230² УК, необходимо проанализировать особенности юридического содержания предмета данных преступлений. Так, в настоящее время действует Перечень видов субстанций и методов, склонение спортсмена к применению которых, или применение которых к спортсмену против или помимо его воли при прочих равных условиях влечёт за собой уголовную ответственность [6]. Запрещёнными субстанциями признаются: анаболические агенты (S1), пептидные гормоны, факторы роста и миметики (S2), гормоны и модуляторы метаболизма (S4), бета-2-агонисты (S3), диуретики и маскирующие агенты (S5), симуляторы (S6), глюкокортикоиды (S9), бета-блокаторы (P1). Разновидностями запрещённых в спорте методов являются 1) манипуляции с кровью и её компонентами (M1), 2) химические и физические манипуляции (M2), 3) генный и клеточный допинг (M3).

Кроме этого, с 1 января 2021 года вступил в действие Приказ Минспорта России от 16.12.2020 № 927, которым были расширены и классифицированы все запрещённые для использования в спорте субстанции и методы, определяемые на уровне специальных нормативных актов международного права [9]. В соответствии с данным приказом все субстанции и методы классифицируются на три группы: 1) запрещённые всё время, 2) запрещённые только в соревновательный период, 3) запрещённые в отдельных видах спорта. В дополнение к субстанциям и методам, указанным в Постановлении Правительства РФ от 28.03.2017 № 339, здесь указываются не одобренные субстанции (S0), наркотики (S7), каннабиоиды (S8).

На основании анализа видов всех запрещённых в спорте субстанций и методов можно утверждать, что, во-первых, далеко не все из них признаются наркотическими средствами или психотропными веществами, полностью изъятых или ограниченных в гражданском обороте [15]. Более того, далеко не все из них относятся к иным средствам, веществам и препаратам (прекурсоры, аналоги, сильнодействующие, ядовитые и проч.), обращение которых ограничено или запрещено в виду создания угрозы для здоровья населения [11, с. 29]. Поэтому оборот многих перечисленных субстанций, равно как и применение описанных методов, использование которых является нарушением антидопинговых правил, в целом не ставит в опасность ни здоровье населения, ни общественную нравственность. Сопоставление содержания норм международного права о запрете оборота наркотических средств, психотропных и иных одурманивающих веществ, а также норм о запрещённых субстанциях и методах в спорте, указывает, что они принципиально отличаются друг от друга и по содержанию, и по целям правоприменительной деятельности, и по сущности угроз от неконтролируемого оборота и использования соответствующих препаратов, субстанций и методов, и по сферам правовой регламентации [5, с. 93; 12, с. 40–71].

Как отмечается в научной литературе, некоторые из запрещённых антидопинговыми правилами субстанции, находят широкое применение в медицине, так как обладают свойствами, положительно влияющими на процесс выздоровления больного [5, с. 94]. Данный факт свидетельствует о явном несоответствии содержания родового объекта гл. 25 УК и непосредственных объектов составов преступлений, предусмотренных ст. 230¹ и 230² УК, что является нарушением системности построения норм Особенной части отечественного уголовного закона.

Указав на ошибочность размещения рассматриваемых статей в гл. 25 УК, тем не менее, подобрать им альтернативное место расположения, то есть иную главу Особенной части УК, в настоящее время не представляется возможным. Общественные отношения в сфере спорта сами по себе обладают значительной социально-правовой спецификой, что в той или иной степени затрагивает (может затрагивать) следующие объекты уголовно-правовой охраны:

- 1) здоровье личности;
- 2) здоровье населения;
- 3) трудовые отношения;
- 4) экономические отношения;
- 5) государственные интересы.

Поскольку ни один из предусмотренных действующим УК родовых объектов не обладает соответствующим содержанием, а также учитывая потребность в формировании нормонолл, устанавливающих ответственность за общественно опасные посягательства в сфере спорта, необходимо формировать новую главу раздела IX УК, нормы которой обеспечивали бы охрану отдельных общественных отношений, выступающих предметом формирующихся в настоящее время отраслей (подотраслей) российской системы права – медицинское право и спортивное право.

Заключение и выводы

Объект уголовно-правовой охраны отношений, сложившихся в сфере спорта, является комплексным, многогранным социально-правовым феноменом. Он включает в себя значи-

тельное число общественных отношений, уже охраняемых уголовным законом, но ответственность за посягательства на которые предусмотрена нормами различных глав и даже разделов УК. По этой причине признать правильность включения ст. 230¹ и 230² в гл. 25 УК крайне сложно, однако в настоящее время родовый объект, определённый в названии данной главы, в большей степени соответствует содержанию непосредственных объектов составов преступлений, предусмотренных данными уголовно-правовыми нормами.

Для обеспечения должной унификации содержания родовых и непосредственных объектов составов преступлений, посягающих на общественные отношения в сфере спорта, необходимо включение в раздел IX УК отдельной главы, нормы которой охраняют общественные отношения, которые регламентируются медицинским и спортивным правом. Также для обеспечения должной охраны рассматриваемых общественных отношений необходимо решить вопрос об установлении уголовной ответственности спортсменов за нарушение действующих антидопинговых правил подготовки и участия в соревнованиях различного уровня.

Литература

1. Брусникина, О. А. Практика применения допинга в профессиональном спорте и последствия для здоровья спортсменов / О. А. Брусникина, А. Н. Песков. – Текст : непосредственный // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2014. – Т. 10, № 31. – С. 41–54.
2. Кочегарова, И. А. Физическая культура и спорт – основа формирования здорового образа жизни / И. А. Кочегарова. – Текст : непосредственный // Вестник Югорского государственного университета. – 2015. – № 1. – С. 76–78.
3. Кошаева, Т. О. К вопросу об установлении уголовной ответственности за нарушения законодательства о допинге / Т. О. Кошаева, Е. В. Ямашева. – Текст : непосредственный // Журнал российского права. – 2017. – № 6. – С. 97–105.
4. Литвинова, Я. История допинга: «Нам победа как воздух нужна» / Я. Литвинова. – Текст : электронный // BBC News : Русская служба. – URL: https://www.bbc.com/russian/sport/2015/11/151118_doping_sport_hystory (дата обращения: 10.02.2021).
5. Понятовская, Т. Г. Основания уголовно-правового запрета допинга в России / Т. Г. Понятовская, А. И. Рарог, Т. В. Шахова. – Текст : непосредственный // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2018. – Т. 8, № 4. – С. 90–100.
6. Об утверждении перечня субстанций и (или) методов, запрещённых для использования в спорте, для целей статей 230¹ и 230² Уголовного кодекса Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 28.03.2017 №339. – Текст : непосредственный // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 14. – Ст. 2074.
7. Приговор от 2 февраля 2017 года №1-14/2017 : уголовное дело №1-14/2017 / Ленинский районный суд г. Тюмени // Архив Ленинского районного суда г. Тюмени.
8. Приговор от 26 июня 2019 года №1-19/2019 / Калининский районный суд г. Уфы Республики Башкортостан. – Текст : электронный // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/kGmHq9DpFfoP/> (дата обращения: 10.04.2021).
9. Об утверждении перечней субстанций и (или) методов, запрещённых для использования в спорте : приказ Минспорта России от 16.12.2020 № 927. – Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/573161194> (дата обращения: 10.04.2021).
10. Савинов, А. Причинение вреда с согласия лица или по его просьбе: медицинский, спортивный, гражданско-правовой, научно-экспериментальный и иные аспекты / А. Савинов. – Текст : непосредственный // Уголовное право. – 2011. – № 4. – С. 123–130.
11. Сумачев, А. В. Уголовная политика России в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков (с 70-х годов – до наших дней) / А. В. Сумачев. – Текст : непосредственный // Вестник Югорского государственного университета. – 2018. – № 2. – С. 24–30.

12. Чеботарёв, А. В. Трудовой аспект нарушения спортсменом и тренером антидопинговых правил в Российской Федерации : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / А. В. Чеботарёв. – Москва, 2020. – 194 с. – Текст : непосредственный.
13. Шамонаев, О. Дело о «русском допинге». За что наш спорт унижают шесть лет? / О. Шамонаев. – Текст : электронный // Спорт-экспресс. – URL: <https://www.sport-express.ru/olympics/reviews/polnaya-hronologiya-rossiyskogo-dopingovogo-skandala-za-chto-nas-lishili-flaga-1776006/> (дата обращения: 10.04.2021).
14. Широков, К. Согласие на причинение вреда как обстоятельство, исключающее преступность деяния / К. Широков. – Текст : непосредственный // Законность. – 2006. – № 9. – С. 53–55.
15. Gold, M. Performance Enhancing Medications and Drugs of Abuse / M. Gold. – Boca Raton : CRC Press, 2007. – 66 p. – URL: <https://www.taylorfrancis.com/books/edit/10.1201/9781439804285/performance-enhancing-medications-drugs-abuse-mark-gold> (date of application: 10.04.2021).

Ю. В. Хармаев, К. С. Латыпова, Ю. А. Саранова

**КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
РАСПРОСТРАНЕНИЮ КРИМИНАЛЬНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ
В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ¹**

Предметом настоящего исследования является криминальная субкультура как одна из основных элементов современных деструктивных течений в молодежной среде, а также вопросы по противодействию ее распространению. Авторами подчеркивается, что указанный феномен был в центре внимания исследователей различных отраслей знаний в разные времена, и активно изучался не только отечественными учеными. Цель написания статьи заключается в анализе основных современных тенденций распространения криминальной субкультуры в обществе, в частности, в молодежной среде. Научная новизна работы состоит в изучении характеристик криминальной субкультуры в современных условиях распространения информации через социальные сети, интернет и другие достижения науки. Практическая значимость статьи заключается в ознакомлении субъектов профилактики новых знаний в ходе деятельности по противодействию распространения негативного влияния криминальной субкультуры в обществе. В исследовании использовался диалектический подход в анализе указанных выше явлений, который и предопределил набор научных методов познания: сравнительный, системный, историко-правовой, документальный, социологический и др.

Ключевые слова: криминологические детерминанты преступности, преступность молодежи, криминальная субкультура, противодействие преступности; профилактика преступлений.

Yu. V. Kharmayev, K. S. Latypova, Yu. A. Saranova

**CRIMINOLOGICAL PROBLEMS OF COUNTERING THE DISTRIBUTION
OF CRIMINAL SUBCULTURE IN YOUTH ENVIRONMENT**

The subject of this research is the criminal subculture, as one of the main elements of modern destructive trends in the youth environment. The authors emphasize that this phenomenon has been the focus of attention of researchers in various fields of knowledge at different times and has been actively studied not only by domestic scientists. The purpose of this article is to analyze the main modern trends in the spread of the criminal subculture in society, in particular among the youth. The scientific novelty of the work lies in the study of the characteristics of the criminal subculture in modern conditions of information dissemination through social networks, the Internet and other scientific achievements. The practical significance of the article is to familiarize the subjects of prevention of new knowledge in the course of activities to counter the spread of the negative influence of the criminal subculture in society. The study used a dialectical approach in the analysis of the above phenomena, which predetermined a set of scientific methods of cognition: comparative, systemic, historical and legal, documentary, sociological, etc.

Keywords: criminological determinants of crime, youth crime, criminal subculture, crime prevention; prevention of crimes.

Криминология как общетеоретическая наука, изучающая основные элементы в виде преступности, причины преступных проявлений, личности тех, кто совершает преступления, а

¹ Статья подготовлена в рамках инициативного Гранта БГУ имени Доржи Банзарова 2021 № 21-13-0502.

также формы и методы противодействия существованию преступности, отличается своим прикладным значением. Не секрет, что законодательные инновации чаще всего в уголовном и других кодексах происходят после проведенных криминологических исследований. В изучении преступности в целом не обходится без изучения ее внутреннего содержания («идеологии»), к которой можем отнести криминальную («тюремную», «каторжанскую» и т. д.) субкультуру. Феномен указанной субкультуры, которая противостоит установленным традиционным общечеловеческим ценностям, с завидной периодичностью является предметом рассмотрения учеными-пенитенциаристами, специалистами уголовного права. В то же время нельзя не отметить интерес со стороны представителей таких отраслей знаний, как философия, история, социология, педагогика, психология, юриспруденция и других². Активность обращения к теме криминальной субкультуры в последнее время со стороны исследователей объясняется существующей в современном обществе проблемой возросшего уровня криминальной активности преступников, правового нигилизма со стороны населения, ухудшающегося социально-экономического состояния в обществе и других факторов [5, с. 443]. Особенно эта тема стала актуальна и привлекает внимание большого количества людей на современном этапе, в век Интернета и социальных сетей, и вызывает порой у большинства из них неоднозначную реакцию.

Ранее в советский период вся информация, касающаяся криминальной (тюремной) субкультуры, особенно о методике и тактике противодействия негативному их влиянию на общество, рассматривалась узко, для определенной категории лиц (либо под грифом «секретно», либо «для служебного пользования»). С данными материалами и исследованиями могли быть ознакомлены лишь специалисты и сотрудники правоохранительных структур, непосредственно в пределах своих компетенции и полномочий³. Более чем тридцатилетний опыт практической работы в правоохранительных органах (на оперативной работе) дает основание сравнить современную возможность получить информацию, в том числе и с помощью Интернета, и советский период.

Вполне понятен интерес со стороны обывателей, особенно молодежи, когда многое по данной проблематике стало доступно любому пользователю и выложено в открытом доступе в социальных сетях. Дополнительным толчком для актуализации указанной выше проблемы может стать и акцентирование данного вопроса известной (авторитетной) персоне в средствах массовой информации, а также в социальных сетях. К примеру, забайкальский вариант «АУЕ»⁴, по мнению известного историка Д. В. Громова, не в последнюю очередь стал «все-

² Громов В.Г. Российская криминальная субкультура: философский аспект // Теология. Философия. Право. 2017. № 2 (2). С. 44-57.; Попп И.А., Попп И.С., Шахнович И.С. Молодежные общественные патриотические организации как альтернатива криминальным субкультурам // Педагогическое образование в России. 2017. № 10. С. 56-61.; Ченцов И.М. Криминальная субкультура молодежи как объект социологического исследования // В сборнике: Социокультурные процессы в эпоху глобализации: вызовы современности. Материалы международной научно-практической конференции. 2017. С. 276-280.; Пономарев С.Б. Криминальная субкультура с позиции этологии человека и теории систем // Ижевск. 2017.; Королев А.А. Формирование криминальной субкультуры в России в XIX веке: история и историография // В сборнике: История отечественной и мировой психологической мысли: судьбы ученых, динамика идей, содержание концепций. Материалы всероссийской конференции по истории психологии «VI Московские встречи». Отв. редакторы: А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Ю.Н. Олейник. 2016. С. 531-537.; Романова Н.М. Психология мошеннической группы: элементы организационной культуры и криминальной субкультуры // В сборнике: Организационная психология: люди и риски. Сборник материалов II российско-американской конференции. Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского; под редакцией Л.Н. Аксеновской. 2011. С. 142-145.; Дмитриев Ю.А., Казак Б.Б. Пенитенциарная психология: Учебник. – 2-е издание., перераб. и доп. Изд-во: Феникс. Высшее образование. 2007. 682 С.

³ Хармаев Ю.В. Узники Гулага в период Великой Отечественной войны: от Отечественной до «сучьей» войны. // Криминологические чтения: материалы XV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти заслуженного юриста Российской Федерации и Республики Бурятия, профессора Б.Ц. Цыденжапова / Науч. ред. Э.Л. Раднаева, отв. ред. Е.В. Плещачевская. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2020. С. 39-45.

⁴ 17.08.2020 г. Верховный суд России постановил признать экстремистской организацией.

российским мемом, в том числе из-за повышенного внимания маргинальному событию девиантного поведения несовершеннолетних, озвученному на самом высоком федеральном уровне»⁵. Данное явление не является чем-то новым для нашего общества, как в территориально-географическом измерении, так и в историческом контексте. Криминальная субкультура издавна была в центре внимания, как у зарубежных ученых, так и у отечественных исследователей.

Одним из первых за рубежом понятие «субкультура» принялся исследовать американский социолог Толкотт Парсонс. В середине XX столетия именно криминальную субкультуру стали исследовать представители американской социологической школы (Т. Селин, А. Коэн, Р. Мертон). Концептуальный подход в описании криминальных субкультур принадлежит перу американского социолога А. Коэна в 1955 г., который подробно описал изнутри структуру бандитских группировок. Он отчетливо выделил особенности и специфику субкультурных ценностей криминальных группировок. В контексте исследования преступных группировок автор выделял в указанных микрогруппах свойственные им свои миникультуры (ценности, взгляды, жизненные ориентиры, привычки, умения, стереотипы поведения, нормы общения, права и обязанности, меры наказания нарушения норм и др.). Впоследствии в научной литературе данное явление получило название субкультуры. За рубежом указанная проблематика нашла отражение в многочисленных трудах криминологов, таких как Д. Клемер, В. Миллер, К. Шрег, В. Фокс и др.

Одним из первых советских ученых, обратившихся к проблеме криминальной субкультуры, следует отнести Михаила Николаевича Гернета, который в своих трудах подробно остановился на исследовании среды обитателей тюрем, их обычаев, традиций, развлечений (тюремные игры)⁶.

Начиная с середины 30-х и до конца 50-х гг., за исключением исследования Д. С. Лихачева «Черты первобытного примитивизма воровской речи» [3, с. 47], официальных научных изысканий по данной теме не проводилось. Именно в этот период во всех учебных заведениях страны курс «Криминология» был исключен из преподавания для студентов юридического профиля. Ученые были практически отстранены от изучения проблемы, что в конечном итоге серьезно отразилось на формировании отечественной криминологической школы. Следует все же отметить, что монографические и диссертационные исследования, посвященные изучению «воровского движения» и их влиянию на преступность в стране, проводились, но они носили гриф «секретно» и в основном были известны очень узкому кругу лиц, так как защищались в ведомственных учебных заведениях МВД и КГБ СССР.

Одним из первых исследователей криминальных обычаев и традиций советского преступного сообщества в 80-х годах прошлого века является С. Я. Лебедев⁷. Известные российские криминологи такие как: В. Н. Кудрявцев, Ю. М. Антонян, Я. И. Гишинский, И. М. Мацкевич, А. И. Гуров, В. Ф. Пирожков, В. М. Анисимков, А. Н. Репецкая, О. П. Дубягина, Е. А. Антонян, В. С. Разинкин, В. А. Номоконов, Д. А. Корецкий и др. не

⁵ Доктор наук: АУЕ стало «модным всероссийским мемом» [Электронный ресурс]. – URL : <https://www.baikal-daily.ru/news/20/257041> (дата обращения: 03.04.2021).

⁶ Луцкий А.И. Вклад профессора М.Н. Гернета в развитие юридической науки / А.И. Луцкий, М.И. Луцкий, Б.В. Киндюк // Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – Т. 13, № 3. – С. 519-529. – DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(3).519-529.; «Право и жизнь» (М., 1923), «В тюрьме» (М., 1925), «История царской тюрьмы» (М.; Л., 1951).

⁷ Лебедев С. Я. Антиобщественные традиции, обычаи и их влияние на преступность: Учеб. пособие. – Омск: ВШМ МВД СССР, 1989.; Лебедев С.Я. Традиции и обычаи в криминологической детерминации (теоретические и методологические основы исследования): автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 1995.; Лебедев С.Я. Традиции, обычаи и преступность. Теория, методология, опыт криминологического анализа. – М.: Межрегион. центр коммерч. безопасности, 1995. 166 с.

оставили без внимания набирающий вес в обществе феномен криминальной субкультуры, особенно в 90-годы XX столетия⁸.

В связи с тем, что криминология как учебная дисциплина с середины 30-х годов и до начала 60-х годов XX столетия была исключена из преподавания во всех юридических вузах страны в основном по причине, имеющей идеологический подтекст, исследования криминальной субкультуры приостановились или изучались в рамках смежных дисциплин. Основные научные достижения по изучению криминальной субкультуры и с темами близкими к ней приходится на 80-е и 90-е годы XX века. В этот период издаются монографии, защищаются диссертации⁹, проводятся исследования, имеющие междисциплинарную направленность¹⁰.

Неоднозначность подходов к оценке и определению криминальной субкультуры, как в отечественной, так и в зарубежной юридической литературе, заставляет выделить дополнительные характеристики и тенденции современной криминальной субкультуры с целью обозначить ее специфические особенности, а также попытаться определить те факторы, которые влияют на актуализацию данного феномена – криминальная субкультура. Почему это явление периодически становится значимым, привлекающим внимание не только специалистов, но и других членов общества, в том числе и молодежь?

Нельзя не согласиться с В. Ф. Пирожковым, указывающим, «что преступности без криминальной субкультуры не бывает, так же как данная субкультура не может существовать без преступности... Невозможно понять суть преступности вообще, а преступности несовершеннолетних и молодежи – в особенности, без анализа криминальной субкультуры, являющейся ее питательной средой» [4, с. 43].

Внимательный анализ известных определений криминальной субкультуры позволяет констатировать, что указанный перечень дефиниций отражает, в первую очередь, исторические и социально-экономические особенности переживаемого обществом периода. Несмотря на эти разные подходы, на наш взгляд, можно выделить ряд характерных присущих ей тенденций, особенно в условиях современного распространения информации через социальные сети, Интернет и другие средства коммуникации.

Как справедливо отмечают Е. А. Антонян и Е. А. Борисов, «методы распространения субкультуры... предполагают и использование современных технологий, информационных ресурсов, имеющих колоссальный охват аудитории и позволяющих с использованием мини-

⁸ Гилинский Я.И. Субкультура за решеткой // Советская этнография. 1990. №2. С.100-103.; Анисимков В.М. Россия в зеркале уголовных традиций тюрьмы. – СПб. 2003. 202 с.; Кудрявцев В.Н. Преступность и нравы переходного общества. – М., 2002.; Антонян Ю. М. Изучение личности преступника: учеб. пособие / Ю. М. Антонян. – М.: Изд-во ВНИИ МВД СССР, 1982. – 80 с.; Мацкевич И.М. Мифы преступного мира. – М.: Изд-во Проспект. 2015. 368 с.; Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность/А. И. Гуров. -М., 1990. -304 с.; Пирожков В.Ф. Законы преступного мира молодежи (криминальная субкультура) – Тверь. ЧПП: Приз. 1994. 250 с.; Разинкин В.С. «Воры в законе» и преступные кланы. М., 1995.; Корецкий Д. А. Криминальная субкультура и ее криминологическое значение / Д. А. Корецкий, В. В. Тулегенов. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. – 243 с.; Антонян Е.А., Борисов Е.А. К вопросу о популяризации криминальной субкультуры среди молодежи // Lex russica. 2017. № 12. С.180-186.; Номоконов В.А., Филиппов В.В. Теневое государство и преступность // В сборнике: Криминальные реалии, реагирование на них и закон. Под редакцией профессора А.И. Долговой. М., Российская криминологическая ассоциация, 2018. – С. 18-26.; Дубягина О. П. Криминологическая характеристика норм, обычаев и средств коммуникации криминальной среды : монография / О. П. Дубягина. – М. : Юрлитинформ, 2008. – 204 с.; Репецкая А.Л. Проблемы противодействия криминальной субкультуре // Проблемы противодействия криминальной субкультуре: материалы Всероссийской научно-практической конференции, 8 декабря 2017г. М.: Юриспруденция, 2018. С. 37-42.

⁹ Лебедев С.Я. Традиции и обычаи в криминологической детерминации (теоретические и методологические основы исследования): автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 1995.

¹⁰ Мацкевич И.М. Мифы преступного мира. – М.: Изд-во Проспект. 2015. 368 с.; Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность/А. И. Гуров. -М., 1990. -304 с.; Пирожков В.Ф. Законы преступного мира молодежи (криминальная субкультура) – Тверь. ЧПП: Приз. 1994. 250 с. и др.

мальных временных и финансовых вложений получать максимальный разрушительный эффект» [1, с. 181].

Как неоднократно отмечается в исследованиях, посвященных изучению предмета исследования, криминальная субкультура как любое социальное явление (как и преступность) существовала ранее, существует и будет существовать, независимо от политического строя и режима государства. От общества (ее правоохранительных и иных государственных институтов), зависит ее уровень и влияние на менталитет, и поведение населяющих данное общество людей. Иными словами, криминальная субкультура выступает как некая идеология «преступного мира», оправдывающая поведение и порядок тех индивидов, которые подчиняются установленным ими «неформальным» нормам и правилам.

Следует также заметить, что как любое социальное явление, криминальная субкультура, в соответствии законам диалектики, имеет свой «пик» (наивысшую точку подъема), за которым следует обязательное падение (но не исчезновение). Она, как «мода», приходит и уходит. В ходе исследования данной проблемы обнаруживается определенная зависимость и тенденции изменения указанного явления. Наиболее острая фаза развития и распространения криминальной идеологии в обществе приходится на годы сложных социально-экономических условий общества и государства¹¹.

Привлекательность криминальной субкультуры увеличивается в тот момент, когда официальные государственные структуры, власти, правоохранительные органы, судебная система показывает свою несостоятельность, бессилие, иными словами не является истинным авторитетом для общества и населения [1].

Популярность криминальной субкультуры в определенный исторический временной период во многом зависит от определенных факторов, которые непосредственно влияют на поведение людей, в частности молодого поколения. Усиливающееся социальное расслоение, увеличение населения с низким достатком, безработица, двойные стандарты, т. е. негативные явления сегодняшнего дня, вот тот небольшой перечень условий, которые не вызывают положительных эмоций у населения. К сожалению, тема криминальной субкультуры в такой ситуации для определенной категории молодежи становится более чем привлекательной.

Традиции и обычаи нельзя ни уничтожить, ни запретить в одночасье, поскольку невозможно веками унаследованные взгляды, образ мышления, привычки изменить сразу. Также отчетливо понимаем, что запретить и искоренить криминальную субкультуру – задача невыполнимая, но минимизировать влияние в общественной жизни, особенно на молодежь, представляется возможным. Комплексный подход, государственное отношение к проблеме, своевременное и эффективное реагирование на негативные последствия – все это в конечном итоге позволит влияние криминальной субкультуры на общество, в том числе молодое поколение, минимизировать.

Как ни банально звучит, среди приоритетных задач противодействия распространения криминальной субкультуры в молодежной среде можно выделить следующие: повышение роли и значения института семьи, обеспечить вовлеченность детей в дополнительные образовательные учреждения, кружки, спортивные секции, наладить работу дворовых инструкторов, тренеров, иными словами, организовать свободное время, досуг молодежи.

XXI столетие отчетливо показало, что развитие и распространение любого социального явления сегодня невозможно без социальных сетей, Интернета. Профилактика распространения криминальной субкультуры в молодежной среде возможна в рамках повышения правовой культуры и правосознания населения, в том числе, силами студентов юридических вузов страны.

К сожалению, наиболее подверженными влиянию деструктивных субкультур оказываются, прежде всего, несовершеннолетние, оказавшиеся в наиболее сложных условиях (вос-

¹¹ Пример: 60–70-е годы XX столетия в городах Улан-Удэ, Казани и в других городах СССР – активизация территориальных молодежных группировок; 90-е годы XX в. – «бандитский» передел; сегодня – кризисные явления после «жирных» и «тучных» (нефтяных) нулевых XXI века.

питанники детских домов, интернатов; социальные сироты; несовершеннолетние, состоящие на учете в ПДН и др.).

Задача педагогов, представителей общественности, юридического сообщества, правоохранительных органов состоит в направлении представления о будущем этой категории подростков в более полезное русло, как для них самих, так и для общества. Они должны увидеть, что альтернатива для них существует. Прекрасные возможности в этом направлении представляет система мер в рамках патриотического воспитания молодежи.

Литература

1. Авдеев, В. А. Уголовно-правовая политика РФ в сфере противодействия преступности в условиях глобализации / В. А. Авдеев, О. А. Авдеева. – Текст : непосредственный // Вестник Югорского государственного университета. – 2018. – № 2 (49). – С. 9–17.
2. Антонян, Е. А. К вопросу о популяризации криминальной субкультуры среди молодежи / Е. А. Антонян, Е. А. Борисов. – Текст : непосредственный // Lex russica. – 2017. – № 12. – С. 180–186.
3. Ломакина, С. Дикая свобода 90-х. Бандиты, «челноки» и политики в воспоминаниях ростовчан / С. Ломанкина. – Текст : электронный // Аргументы и факты. – 2019. – 21 февраля (№ 8). – URL:https://rostov.aif.ru/society/persona/dikaya_svoboda_90-h_bandity_chelnoki_i_politiki_v_vospominaniyah_rostovchan (дата обращения: 20.10.2020.).
4. Лихачев, Д. С. Черты первобытного примитивизма воровской речи / Д. С. Лихачев. – Текст : непосредственный // Язык и мышление. – Москва ; Ленинград, 1935. – Т. 3-4. – С. 47–100.
5. Пирожков, В. Ф. Законы преступного мира молодежи (криминальная субкультура) / В. Ф. Пирожков. – Тверь : Приз, 1994. – 250 с. – Текст : непосредственный.
6. Хармаев, Ю. В. К вопросу о криминальной субкультуре: мифы и реальность / Ю. В. Хармаев. – Текст : непосредственный // Уголовно-исполнительное право. – 2017. – Т. 12, № 4. – С. 443–447.

А. К. Якубенко

НАКАЗАНИЯ ЗА ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И США

Аннотация. Предметом представленного исследования являются уголовно-правовые нормы о наказаниях и иных мерах уголовно-правового воздействия, применяемых в Великобритании с США к лицам, которые признаны виновными в совершении экономических преступлений.

Цель исследования: представить научно обоснованные предложения о целесообразности включения в российский уголовный закон отдельных мер уголовно-правового воздействия, которые применяются к лицам, осужденным за совершение экономических преступлений, как эффективное средство предупреждения «беловоротничковой» преступности.

Перечень методов и объектов исследования. В процессе проведения исследования были использованы в совокупности диалектический, сравнительно-правовой, формально-логический, а также иные методы познания, применяемые в теоретико-правовых исследованиях.

Выводы по результатам исследования: в Великобритании и США практика привлечения лиц, признанных виновными в совершении многих экономических преступлений, отличается высокой степенью строгости. Наказания и другие меры уголовно-правового воздействия, как правило, предполагают назначение тюремного заключения на длительные сроки. Кроме того, к виновному применяются штрафные санкции, направленные на изъятие незаконно полученных материальных ценностей, а также компенсации вреда, причинённого потерпевшим в результате осуществления преступной деятельности.

Подобные методы противодействия экономической преступности имеют высокий эффект частного предупреждения совершения новых преступлений. Но значительное количество содержащихся в местах лишения свободы лиц крайне негативно сказывается на финансовых и иных интересах государства. Поэтому российская политика гуманизации уголовной ответственности видится более перспективной в части противодействия современной экономической преступности. В то же время правило о применении наказаний имущественного характера необходимо рассматривать в качестве приоритетного направления борьбы с экономическими преступлениями.

Ключевые слова: экономическое преступление, экономическая преступность, англосаксонская правовая система, уголовное наказание, уголовно-правовое воздействие, противодействие экономической преступности уголовно-правовыми средствами.

A. K. Yakubenko

PENALTIES FOR ECONOMIC CRIMES IN THE CRIMINAL LAWS OF THE UK AND THE USA

The subject of the presented research is the criminal law on punishment and other measures of criminal law applied in Great Britain and the United States to persons who have been found guilty of committing economic crimes. Purpose of the study: to present scientifically grounded proposals on the advisability of including in the Russian criminal law certain measures of criminal law that are applied to persons convicted of economic crimes, as an effective means of preventing white-collar crime. List of methods and objects of research. In the course of the research, dialectical, comparative-legal, formal-logical, as well as other methods of cognition used in theoretical and legal research were used in aggregate. Conclusions of the study: in the UK and the US, the practice

of attracting persons convicted of many economic crimes is characterized by a high degree of severity. Punishments and other measures of criminal law, as a rule, involve the imposition of imprisonment for long periods. In addition, the perpetrator is subject to penalties aimed at the seizure of illegally obtained material values, as well as compensation for harm caused to the victim as a result of criminal activity. Such methods of combating economic crime have a high effect of private prevention of the commission of new crimes. But a significant number of people held in places of deprivation of liberty has an extremely negative effect on the financial and other interests of the state. Therefore, the Russian policy of humanizing criminal responsibility is seen as more promising in terms of countering modern economic crime. At the same time, the rule on the application of property-related punishments should be considered as a priority in the fight against economic crimes.

Keywords: economic crime, economic crime, the Anglo-Saxon legal system, criminal punishment, criminal law impact, counteraction to economic crime by criminal law means.

Введение

Экономическая преступность, наряду с коррупцией и экстремизмом, продолжает оставаться одной из угроз для современного российского общества и государства. Традиционно высокими, т. е. превышающими 50-процентный порог, являются показатели экономических уголовно-наказуемых деяний в общей массе ежегодно регистрируемых преступлений и публикуемых МВД России в сводных отчётах о состоянии преступности. К примеру, за последние десять лет данные показатели варьировались от 104,9 тыс. в 2019 году и до 112,4 тыс. в 2015 году [5]. Данный факт свидетельствует о неэффективности применяемых мер, направленных на предупреждение экономической преступности, в т. ч. и предусмотренных уголовным законодательством мер государственного принуждения.

Официальные заявления представителей высших органов государственной власти о проведении политики «гуманизации уголовного законодательства» указывают на необходимость пересмотра деятельности правоохранительных и судебных органов, связанных с назначением и исполнением как уголовных наказаний, так и иных мер, в сторону смягчения уголовно-правового воздействия. Соответствующие решения уже приняты в части ответственности за преступления в сфере экономической деятельности. Это выразилось в снижении верхних пределов наказаний, предусмотренных санкциями ряда норм гл. 22 УК РФ, введение специального основания освобождения от уголовной ответственности за совершение значительного числа указанных преступлений (ст. 76.1 УК РФ), увеличение размеров ущерба или незаконно извлечённой выгоды, по которым осуществляется разграничение состава уголовно-наказуемого деяния от состава иного правонарушения, за которое предусмотрен другой вид юридической ответственности. Но, по оценкам экспертов, все предпринимаемые с 2003 года меры либерализации уголовной ответственности принципиально не изменили криминальную ситуацию по противодействию экономической преступности, а, возможно, и привели к противоположному результату – стимулированию совершения экономических преступлений [3, с. 5].

В сложившихся условиях для нас повышенный интерес представляет законотворческий и правоприменительный опыт тех зарубежных стран, которые добились ощутимых результатов в области противодействия экономической преступности. Учитывая современные интеграционные процессы в сфере нормотворчества, особое значение представляет собой законодательство стран англо-саксонской правовой системы, главными представителями которой являются Великобритания и США. Изучение опыта как этих, так и иных государств по противодействию экономической преступности уголовно-правовыми средствами воздействия [4, с. 33–42] представляет для современной России достаточно высокую актуальность, поскольку отечественные подходы, используемые в этой области, указывают на низкую превентивную эффективность.

Результаты и обсуждение

По оценкам британских специалистов экономическая преступность получила очередной виток своего развития и в Соединённом Королевстве, и во многих странах мира после международного финансового кризиса 2007–2008 годов, а также менее глобальными экономическими потрясениями более поздних периодов времени. Тогда был отмечен существенный рост преступлений, в совершение которых были вовлечены представители банковского сектора экономики и менеджеры крупных корпораций страны. Выявленные преступления, совершённые в указанное время, причинили существенный материальный ущерб как отдельным хозяйствующим субъектам, так и в целом государственной финансовой системе [10]. Современные власти Соединённого Королевства вынуждены признать, что многие из принятых в указанный период времени мер противодействия экономической преступности оказались неэффективными. В Государственном Плане борьбы с экономическими преступлениями на 2019–2022 годы, утверждённом 4 мая 2021 года, указывается, что для Великобритании экономическая преступность продолжает представлять серьёзную угрозу, поскольку жертвами мошеннических действий является каждый пятнадцатый житель страны, а легализация преступно полученных доходов в совокупности со взяточничеством и иными коррупционными преступлениями причиняют существенный вред для экономики и общества страны. По итогам аналитических исследований было установлено, что подданные Соединённого Королевства страдают от проявления экономической преступности чаще, чем от любого другого вида официально признаваемых угроз национальной безопасности: наркопреступность, терроризм, проявления насильственной преступности и др., а общий ущерб от экономических преступлений составляет не менее 37 миллиардов фунтов стерлингов в год [9].

Одна из особенностей уголовного законодательства Великобритании заключается в том, что оно под экономическими преступлениями понимает разнородные общественно опасные посягательства, что не характерно для российского уголовного права. В частности, экономические преступления в Соединённом Королевстве включают в себя собственно преступления в сфере экономической деятельности, все виды мошенничеств (за исключением общеуголовных, т. е. не связанных с осуществлением экономической деятельности), взяточничество, коммерческий подкуп и иные коррупционные преступления [13]. На основании данных особенностей в Великобритании официально определяются следующие признаки, по которым производится разграничение экономических преступлений и иных (общеуголовных) уголовно-наказуемых посягательств:

- извлечение выгоды из доходов, получаемых от преступной деятельности, или финансирование преступной деятельности;
- нанесение ущерба финансовой системе государства и причинение вреда интересам законного бизнеса;
- подрыв интересов Великобритании как международного финансового центра;
- создание угрозы для национальной безопасности страны, ее развития и репутации на международной арене [9].

Очевидно, что в основе такого деления находится не конкретный объект – общественные отношения, охрана которых обеспечивается уголовным законом, а вид вреда и правовые особенности субъекта преступной деятельности. Вред характеризуется исключительно материальными показателями финансового ущерба, причиняемого обществу и государству. Субъектом экономических преступлений выступают как представители государственных и частных корпораций, так и сами корпорации, поскольку они также могут нести уголовную ответственность. В последнем случае ответственность для юридического лица может наступать, во-первых, если преступление совершено руководителем или иным представителем данной организации. Во-вторых, если преступление совершено иными лицами, но в интересах конкретного юридического лица, получившего или стремящегося к получению прямых

или косвенных выгод и преференций в результате совершённого противоправного деяния [2, с. 168; 6, с. 67–68].

Ещё одной особенностью уголовного законодательства Великобритании является отсутствие единого или основного источника данной отрасли права. Поэтому нормативной основой для противодействия экономической преступности являются отдельные законы, которыми устанавливается ответственность за конкретные виды преступлений: Закон о доходах от преступной деятельности 2003 года, Закон о взяточничестве 2010 года, Закон о преступлениях и судах 2013 года и др. [10]. Поэтому и в этих специализированных нормативных актах, и в иных источниках уголовного права Великобритании содержатся нормы, в соответствии с которыми осуществляется уголовная ответственность за отдельные виды экономических преступлений.

Вопросы назначения уголовного наказания решаются, в основном, по тем же правилам, которые предусмотрены и российским законодательством. Суд определяет окончательный вид наказания и срок его исполнения при учёте общественной опасности совершённого преступления, установленных законом особенностей назначения наказания за его совершения (степень завершенности, наличие смягчающих наказание обстоятельств и др.), согласие лица с предъявляемым обвинением и факт раскаяния в совершении этого деяния, особенности личности преступника и его финансовое положение.

Предусмотренная британским законодательством система мер уголовной ответственности включает в себя пять видов, которыми являются:

1. Освобождение от уголовной ответственности. Данная мера применяется к лицу, которое признано виновным в совершении преступления, но применять к нему уголовное наказание суд считает нецелесообразным. Это решение может быть вызвано малозначительностью совершённого деяния, полным возмещением причинённого ущерба, особенностями личности преступника и др. В соответствии с уголовным законом освобождение может быть или абсолютным, т. е. не предполагающим установления каких-либо дополнительных условий для преступника, или условным. В последнем случае лицу устанавливается испытательный срок, в течение которого он должен доказать своё исправление и окончательность отказа от противоправной деятельности. В случае совершения нового преступления в течение испытательного срока осуждённый привлекается к уголовной ответственности на общих основаниях как за первое преступление, так и за вновь совершённое.

2. Штраф и компенсация. Данные меры уголовной ответственности назначаются за незначительные по характеру и степени общественной опасности преступления. Эти меры назначаются только с учётом материального положения осуждённого, которое должно свидетельствовать о реальной возможности исполнения такого наказания. Особенностью компенсации является перечисление всей её суммы не в доход государства, а в пользу потерпевшего, при этом штраф может не назначаться.

3. Лишение права управлять автотранспортным средством или начисление штрафных баллов для водителей транспортных средств. Наказание в виде лишения права управления автомобилем может применяться за совершение любого преступления, в т. ч. и не связанного с использованием автотранспорта. Начисление же баллов как мера уголовно-правового воздействия, напротив, применяется только за совершение преступлений, связанных с использованием транспортного средства, и при определённых условиях может повлечь лишение права управления им на определённый срок.

4. Общественное наказание представляет собой разновидность предусмотренных российским уголовным законодательством наказаний, не связанных с изоляцией от общества, а также обязанностей, налагаемых на условно осуждённого либо условно-досрочно освобождённого в течение испытательного срока. Это могут быть неоплачиваемые работы от 40 до 300 часов, ограничение свободы, обязательное лечение от алкогольной зависимости и др.

5. Лишение свободы в уголовном законодательстве Соединённого Королевства подразделяется на три разновидности: с отсрочкой исполнения, на определённый срок и лишение

свободы на неопределённый срок, включая пожизненное лишение свободы. В последнем случае суд должен определить минимальный срок, который осуждённый должен отбыть в местах заключения, после чего принимается решение о возможности прекращения отбывания им назначенного наказания [11].

Теоретически британский суд не ограничен в выборе видов наказаний, в т. ч. и за совершение коррупционных преступлений. Но с учётом официально признаваемой высокой общественной опасности экономических преступлений суды склонны к назначению наказаний, отличающихся повышенной строгостью. Учитывая, что экономическое преступление всегда совершается с корыстными побуждениями, суды стремятся применить имущественные меры принуждения как карательного, так и компенсационного характера. Это обеспечивает эффективность предупредительной деятельности судебной системы, поскольку преступная экономическая деятельность становится явно убыточной.

Во многом схожая ситуация наблюдается в правоприменительной деятельности органов государственной власти США, где традиционно экономические преступления признаются в качестве одного из наиболее опасных криминальных явлений. Как и в британском законодательстве, в уголовном праве США «экономическое преступление» не имеет строго обозначенных границ. Под ними принято считать преступления «белых воротничков», т.е. корыстные посягательства, совершаемые представителями государственных или частных корпораций с целью извлечения дохода или иной незаконной имущественной выгоды [1, с. 103–104]. По действующему федеральному законодательству и законодательству отдельных штатов разнообразными экономическими преступлениями являются многие виды мошеннических действий, преступления в сфере банкротства, взяточничества, кредитования, валютного и фондовых рынков и др. [7].

Мировой финансовый кризис, который, по мнению многих экспертов, берёт своё начало с обрушения американского рынка ипотечного кредитования, детерминировал рост экономической преступности в США. Данное обстоятельство вызвало значительное увеличение числа осуждённых за экономические преступления, которым назначено к реальному исполнению лишение свободы [8]. Необходимость назначения строгого наказания за экономическое преступление в США в настоящее время ставится под сомнение, поскольку содержание значительного количества осуждённых за данные ненасильственные преступления в местах лишения свободы не менее негативно отражается на всё тех же финансовых интересах страны. Поэтому в 2014 году уже на государственном уровне поднимался вопрос о возможном смягчении общих правил назначения наказаний за экономические преступления по причине несоответствия назначаемого строгого наказания принципу справедливости. Здесь же отмечалось, что суды выносят приговоры без должного учёта деталей совершения преступления, времени его подготовки, мотивацию виновного и проч.

Несмотря на попытки государства смягчить практику привлечения виновных к ответственности за совершение экономических преступлений, в обществе подобные инициативы не нашли поддержки. Напротив, общественное мнение указывает на необходимость максимально строго реагировать на факты совершения экономических преступлений и особенно в тех случаях, когда предмет данных преступлений являются частные сбережения [8]. Наиболее показательным примером в этом случае является приговор 2009 года, вынесенный в отношении финансового менеджера Бернарда Мэдоффа, приговорённого к 150 годам лишения свободы за махинации денежными средствами граждан, что повлекло причинение последним ущерба на сумму 65 млрд. долларов США [14].

В настоящее время преступления, составляющие в США основу «беловоротничковой преступности», относятся к категориям В или С, что позволяет назначать за их совершение лишение свободы на срок от двенадцати месяцев до двадцати лет и штраф до ста тысяч долларов США. Дополнительно суд возлагает на виновного обязанность возместить расходы, связанные с производством по уголовному делу, и причинённый потерпевшему имущественный вред. Осуждённый за экономическое преступление даже после отбытия назначен-

ного наказания остаётся ограниченным во многих правах, включая выбор вида профессиональной деятельности и места её осуществления [12].

Заключение и выводы

1. В Великобритании и США практика привлечения лиц, признанных виновными в совершении многих экономических преступлений, отличается высокой степенью строгости. Наказания и другие меры уголовно-правового воздействия, как правило, предполагают назначение тюремное заключение на длительные сроки. Кроме того, к виновному применяются штрафные санкции, направленные на изъятие незаконно полученных материальных ценностей, а также компенсации вреда, причинённого потерпевшим в результате осуществления преступной деятельности. Подобные методы противодействия экономической преступности имеют высокий эффект частного предупреждения совершения новых преступлений, но вовсе не гарантируют положительного общепреventивного воздействия на общество. Представителей «беловоротничковой» преступности не останавливает строгость возможных мер уголовной ответственности перед решением о совершении экономического преступления, особенно в условиях финансовых кризисов.

2. Агрессивная карательная политика Соединённого Королевства и США по противодействию экономической преступности, что выражается в значительном увеличении количества содержащихся в местах лишения свободы лиц, крайне негативно сказывается на финансовых и иных интересах государства. В США данная проблема встала на столько остро, что была создана государственная Комиссия по пересмотру основных начал определения справедливости выносимых судебных решений по уголовным делам об экономических преступлениях. Учитывая данные обстоятельства можно заключить, что российская политика гуманизации уголовной ответственности видится более перспективной в части противодействия современной экономической преступности.

3. Экономическое преступление всегда предполагает получение злоумышленником незаконной имущественной выгоды, в т. ч. путём причинения имущественного ущерба потерпевшему. Поэтому применение к преступнику имущественных уголовных наказаний, размеры которых превышают суммы незаконно полученных доходов и иных материальных выгод и преимуществ, является обязательным условием эффективности предупредительной деятельности. Данное правило успешно реализуется в судебной деятельности британских и американских судов, но не всегда учитывается в российской судебной практике. Учитывая положительный опыт правосудия указанных стран англо-саксонской правовой системы, российской судебной системе следует рассматривать в качестве приоритетного направления борьбы с экономическими преступлениями наказания имущественного характера.

Литература

1. Гамзалов, Д. А. История возникновения и развития концепции беловоротничковой преступности / Д. А. Гамзалов. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета МВД России. – 2009. – № 9. – С. 100–104.
2. Додонов, В. Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть : монография / В. Н. Додонов ; под общей редакцией С. П. Щербы. – Москва : Юрлитинформ, 2009. – 446 с. – Текст : непосредственный.
3. Коваленко, Т. С. Актуальные проблемы назначения наказаний за преступления в сфере экономики / Т. С. Коваленко. – Текст : непосредственный // Российский следователь. – 2021. – № 5. – С. 56–59.
4. Лапшин, В. Ф. Особенности установления ответственности за финансовые преступления в отдельных странах Евроазиатского региона / В. Ф. Лапшин. – Текст : непосредственный // Вестник Югорского государственного университета. – 2018. – № 2. – С. 33–42.

5. Статистика и аналитика. – Текст : электронный // Министерство внутренних дел Российской Федерации России. – URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 30.06.2021).
6. Трунцевский, Ю. В. Об эффективности корпоративных антикоррупционных процедур / Ю. В. Трунцевский, А. К. Есаян. – Текст : непосредственный // Вестник Югорского государственного университета. – 2020. – № 4. – С. 66–71.
7. 18 U.S. Code PART I – CRIMES // Legal Information Institute. – URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/part-I> (дата обращения: 30.06.2021).
8. Bukh A. Economic Crime Penalties Under Consideration for Revision [Электронный ресурс] // URL: <https://nyccriminallawyer.com/economic-crime-penalties-under-consideration-for-revision/> (date of application: 30.06.2021).
9. Economic Crime Plan, 2019 to 2022, accessible version : updated 4 May 2021 // GOV.UK. – URL: <https://www.gov.uk/government/publications/economic-crime-plan-2019-to-2022/economic-crime-plan-2019-to-2022-accessible-version> (date of application: 30.06.2021).
10. Fighting economic crime in the modern world : solicitor General makes the opening speech of the 31st Cambridge International Symposium on Economic Crime // GOV.UK. – URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/fighting-economic-crime-in-the-modern-world> (date of application: 30.06.2021).
11. Titchener, N. Types of criminal sentencing under UK law / N. Titchener // Lawtons Solicitors. – URL: <https://www.lawtonslaw.co.uk/resources/sentencing/> (date of application: 30.06.2021).
12. White Collar Crimes // NYCriminal Defense/ – URL: <https://nyccriminallawyer.com/white-collar-crimes/> (date of application: 30.06.2021).
13. Wilson, W. Criminal law / W. Wilson // ResearchGate. – URL: https://www.researchgate.net/publication/337772368_Criminal_law (date of application: 30.06.2021).
14. Yang, S. Bernie Madoff died in prison after carrying out the largest Ponzi scheme in history – here's how it worked / S. Yang, G. Kay // Insider. – URL: <https://www.businessinsider.com/how-bernie-madoffs-ponzi-scheme-worked-2014-7> (date of application: 30.06.2021).

ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ НАУКИ

Р. Н. Камалов

**ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПОСЯГАЮЩИЕ НА ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ ПРАВА ГРАЖДАН:
ПОНЯТИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ**

В представленной статье рассматривается определение понятия и классификация преступлений, посягающих на избирательные права граждан, с учетом отличительных признаков.

Ключевые слова: право участвовать в управлении делами государства, право избираться, избирательный процесс, прямой умысел, формы прямого народного волеизъявления, преступления небольшой тяжести, преступления средней тяжести.

R. N. Kamalov

**CRIMES INFRINGING ON THE ELECTORAL RIGHTS OF CITIZENS:
THE DEFINITION AND CLASSIFICATION**

The article considers the definition of the concept and classification of crimes that infringe on the electoral rights of citizens, taking into account their distinctive features.

Keywords: the right to participate in the management of state Affairs, the right to be elected, the electoral process, direct intent, forms of direct popular expression, crimes of minor gravity, crimes of medium gravity.

Обеспеченная обоюдными правами и обязанностями политико-правовая взаимосвязь гражданина и государства, взаимное доверие между ними, условия для которого создаются в России в соответствии со ст. 75¹ Конституции РФ¹, предполагает реализацию закрепленного в ч. 1 ст. 32 Основного российского закона права граждан участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей. Конкретизация приведенной нормы в ч. 2 ст. 32 Конституции РФ позволяет заметить, что названное право участвовать в управлении делами государства охватывает собой в том числе правомочия граждан РФ избирать и быть избранными (либо, что точнее, – *избираться* в отсутствие обязанности избрать конкретного гражданина) в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также участвовать в референдуме, будучи для них родовым понятием.

В числе форм прямого народного волеизъявления – участия граждан в управлении делами государства – называют выборы и референдум (п. 9, 53 ст. 2 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»² – далее Закон о гарантиях). Новейшей такой формой в соответствии с п. 7 ст. 2 Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»³ значится *общероссийское голосование* (на основе всеобщего равного прямого и свободного волеизъявления), внесенное в наименования и диспози-

¹ Конституция Российской Федерации с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года // СПС «КонсультантПлюс».

² Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СПС «КонсультантПлюс».

ции ст. 141, 142, 142¹, 142² Уголовного кодекса РФ⁴, устанавливающих ответственность за посягательства на избирательные права граждан.

Удовлетворяющее вкуче теоретическим интересам и практическим потребностям определение понятия дается через отличительные признаки определяемого объекта. Объем искомого понятия – все множество преступлений, посягающих на избирательные права граждан; содержание искомого понятия – обобщительный признак, то есть избирательные права граждан. Преступление, посягающее на избирательные права граждан, с очевидностью обладает всеми признаками собственно преступления. Необходимо еще принять во внимание используемые в дефиниции словосочетания, имеющие собственное содержание в иных отраслях права.

Пункт 28 ст. 2 Закона о гарантиях определяет избирательные права граждан как совокупность 1) конституционного права граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также 2) права участвовать в выдвижении кандидатов, списках кандидатов, в предвыборной агитации, в наблюдении за проведением выборов, работой избирательных комиссий, включая установление итогов голосования и определение результатов выборов, в других избирательных действиях в порядке, установленном законами общероссийскими и субъектов. В свою очередь п. 51 ст. 2 Закона о гарантиях определяет право на участие в референдуме как конституционное право граждан Российской Федерации голосовать по вопросам референдума, а также участвовать в других действиях по подготовке и проведению референдума. Понятие общероссийского голосования законодательно не определено.

Как видно, легальные определения избирательных прав граждан не отличаются логическим совершенством, что не может не затруднять уяснение сущности преступлений, посягающих на известные права, и их квалификацию. Так, право на участие в референдуме раскрывается через голосование в отличие от других избирательных прав граждан. Иные избирательные права, кроме избирать / активного, избираться / пассивного избирательных прав и права на участие в референдуме, не считаются конституционными и именуются *другими избирательными действиями*, но при перечислении названных действий не указана возможность наблюдения за установлением итогов голосования и определением результатов референдума, что не позволяет полностью реализовать конституционное право гражданина на участие в референдуме.

Обращение к словарным источникам показало, что одни из них право участвовать в управлении делами государства рассматривают отдельно от избирательного права, определяемого либо как совокупность активного и пассивного избирательного права⁵; либо как право гражданина голосовать (vote – голос, голосовать, избирать), то есть формально выражать мнения или желания по утверждению/неутверждению предложения, резолюции или кандидатуры на должность; или же право участвовать в решении каких-либо государственных/общественных вопросов путем голосования – заявления своего мнения в пользу или против кого-чего либо, а также в ходе этой процедуры заявлять свое мнение принятым в данном случае способом⁶, при выборе должностных лиц, а также принимать или отклонять предлагаемые законы. Другие же раскрывают избирательные права – активное (конституционная возможность граждан избирать) и пассивное (юридическая возможность быть избранным) – как доли комплексного права на участие в управлении делами государства⁷. Право на

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 27.10.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ См.: Юридический словарь / Под ред. А. Н. Азрилияна. 2-е изд. М.: Институт новой экономики, 2014. С. 649, 661.

⁶ См.: Морковкин В.В., Богачёва Г.Ф., Луцкая Н.М. Большой универсальный словарь русского языка / Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина; Под ред. В.В. Морковкина. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2018. С. 200-201.

⁷ См.: Иванов А.А. Справочник по теории государства и права: основные категории и понятия / автор-составитель А.А. Иванов. 2-е изд., стереотип. М.: Экзамен, 2007. С. 14, 213; Краткий юридический словарь / А.В. Малько и др.; отв. ред. А.В. Малько. М.: Проспект, 2010. С. 128, 149, 154; Юридический энциклопедический словарь / под ред. А.В. Малько. 2-е изд. М.: Проспект, 2017. С. 178-179.

участие в референдуме словники не относят к избирательным правам граждан. Референдум и инициатива определяются как избирательные инструменты, с помощью которых голосующие могут выразить свою волю, касающуюся политики правительства или предлагаемых законов⁸.

Многokrатно упомянутое волеизъявление, будучи внешним выражением человеком воли (свободы, желания, приказа, а также способности достигнуть намеченной цели⁹) каким-либо способом и в форме предусмотренной/допускаемой законом, лежит в основе любого избирательного права гражданина. Следовательно, преступления, предусмотренные ст. 141–142² УК РФ, непосредственно *посягают на какую-либо форму прямого народного волеизъявления*¹⁰, охватываемого конституционным правом граждан участвовать в управлении делами государства.

При характеристике объективной стороны составов преступлений, предусмотренных ст. 141–142² УК РФ, считаем необходимым указывать в качестве обязательного признака *время совершения деяния*, поскольку любое посягательство на избирательные права граждан вне избирательного процесса не может быть оценено как таковое.

При попытках вывести определение известных преступлений у ряда исследователей возникло мнение, что с субъективной стороны такие деяния характеризуются не только прямым, но и косвенным умыслом, а также специальной целью – достижением определенного промежуточного/конечного результата в ходе избирательной кампании/референдума. Однако в формальных по конструкции составах, к которым относятся все преступления, посягающие на избирательные права граждан, последствия законодателем не определены и в диспозициях не прописаны, следовательно, волевой элемент вины ограничен деянием. Что касается цели как обязательного признака, то она свойственна не всем составам преступлений, посягающих на избирательные права граждан, и фигурировать в дефиниции группы преступлений не должна.

Таким образом, понятие преступлений, посягающих на избирательные права граждан, должно с необходимостью включать такие отличительные признаки деяния (действий либо бездействия), как: 1) непосредственное направление в ущерб реализации какой-либо формы прямого народного волеизъявления, охватываемого конституционным правом граждан участвовать в управлении делами государства, 2) время совершения – избирательный процесс, 3) прямой умысел.

Классификация преступлений, посягающих на избирательные права граждан, имеет два звена: во-первых, на основе характера и степени общественной опасности известные действия/бездействие официально категоризируются по правилам ст. 15 УК РФ (законодательная классификация); во-вторых, по избранному автором критерию деяния, направленные в ущерб реализации какой-либо формы прямого народного волеизъявления, охватываемого конституционным правом граждан участвовать в управлении делами государства, делятся на определенные группы/виды, приводятся в систему (доктринальная классификация).

Известная и зафиксированная в ст. 15 УК РФ классификация преступлений в зависимости от характера и степени их общественной опасности называет четыре категории деяний: небольшой тяжести, средней тяжести, тяжкие, особо тяжкие. Используя такую градацию, можно оценить любую группу преступлений. Так, преступления, посягающие на избирательные права граждан, делятся на два вида и могут быть либо небольшой (ч. 1 ст. 141 УК РФ; ч. 1, 2 ст. 141¹ УК РФ; ч. 2, 3 ст. 142 УК РФ; ч. 2 ст. 142² УК РФ), либо средней (ч. 2, 3 ст. 141 УК РФ; ч. 1 ст. 142 УК РФ; ст. 142¹ УК РФ; ч. 1, 3 ст. 142² УК РФ) тяжести.

⁸ См.: Всемирный энциклопедический словарь / Гл. ред. М.В. Адамчик; Гл. науч. ред. В.В. Адамчик. Минск: Современный литератор, 2007. С. 1119.

⁹ См.: Семенов А.В. Этимологический словарь русского языка. М.: ЮНВЕС, 2006. С. 127.

¹⁰ Считаем, что не у всех преступлений, закрепленных законодателем в ст. 141–142² УК РФ, совпадает непосредственный объект. Некоторые деяния посягают в первую очередь на порядок управления. Тем не менее в рамках настоящей работы при формулировании понятия и в ходе классификации мы охватили все составы преступлений, посягающих на избирательные права граждан, отнесенные к таковым законодателем.

Классификации доктринальные изобилуют основаниями для их проведения, научный поиск не прекращается, что, безусловно, оправданно и ценно для правотворческой, правоприменительной и интерпретационной работы. Заметим, что при наличии множества разноплановых частных делений предусмотренных гл. 19 УК РФ преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина, по сути сводящихся с учетом социальной сферы совершения в более-менее однородные группы путем переноса какого-то права из числа личных в порядок социально-экономических, политических, гражданских, фактически не классифицированы преступления, посягающие на избирательные права граждан, предварительно не выявлены сущностные признаки таких деяний.

Считаем, что конституционно закрепленное *интегральное право* участвовать в управлении делами государства объединяет в себе все возможные избирательные права, то есть каждое из таких правомочий обеспечено общей нормой Основного закона и конституционно по своей сути. Принцип непосредственного/прямого действия конституционных норм о правах и свободах граждан следует внедрить в правоприменительную практику, ускорив тем самым становление политической культуры граждан и сферы ее применения – гражданского общества.

Вместе с тем все избирательные права предлагаем разделить на две группы: 1) *основные избирательные права*, прямо определенные Конституцией РФ, к которым относим правомочия избирать, избираться, на участие в референдуме и на участие в общероссийском голосовании, и 2) *факультативные избирательные права*, вытекающие из основных, к каковым причисляем все другие установленные и не установленные законодательством, реализуемые гражданами на стадиях подготовки, проведения и подведения итогов избирательных мероприятий правомочия. Следовательно, по такому основанию, как *виды избирательных прав*, исследуемые автором деяния дифференцируются на 1) преступления, посягающие на основные избирательные права граждан (ч. 1, 2 ст. 141 УК РФ; ст. 142² УК РФ), и 2) преступления, посягающие на факультативные избирательные права граждан (ст. 141 УК РФ; ст. 141¹ УК РФ; ст. 142 УК РФ; ст. 142¹ УК РФ).

По *формам прямого народного волеизъявления*/по видам избирательных мероприятий преступления, посягающие на избирательные права граждан, подразделяются на: 1) преступления, посягающие на право избирать; 2) преступления, посягающие на право избираться; 3) преступления, посягающие на право участия в референдуме; 4) преступления, посягающие на право участия в общероссийском голосовании.

Согласно п. 4 ст. 4 Закона о гарантиях на основании международных договоров РФ и в порядке, установленном законом, иностранные граждане, постоянно проживающие на территории соответствующего муниципального образования, имеют право избирать и быть избранными в органы *местного самоуправления*, участвовать в иных избирательных действиях на указанных выборах, а также участвовать в *местном референдуме* на тех же условиях, что и граждане РФ. В современных условиях глобализации расширение прав иностранцев на национальном уровне, распространение некоторых прав граждан конкретных государств также на иностранных граждан действительно приобретает характер устойчивой тенденции.

Кроме того, некоторые преступления, посягающие на избирательные права граждан, могут быть совершены только физическим лицом, обладающим наряду с основными признаками еще и дополнительными свойствами – член избирательной комиссии, член комиссии референдума, уполномоченный представитель избирательного объединения, уполномоченный представитель группы избирателей, уполномоченный представитель инициативной группы по проведению референдума, кандидат, уполномоченный кандидатом представитель.

Поэтому по субъекту преступления деяния, посягающие на избирательные права граждан, распадаются на: 1) преступления, совершенные гражданами РФ, и преступления, совершенные иностранными гражданами; 2) преступления, характеризующиеся общим субъектом (ч. 1, п. «а», «в» ч. 2 ст. 141 УК РФ; ч. 1 ст. 141¹ УК РФ; ч. 2, 3 ст. 142 УК РФ; ч. 2, 3 ст. 142² УК РФ), и преступления, характеризующиеся специальным субъектом (п. «б» ч. 2, ч. 3 ст. 141 УК РФ; ч. 2 ст. 141¹ УК РФ; ч. 1 ст. 142 УК РФ; ст. 142¹ УК РФ; ч. 1, 3 ст. 142² УК

РФ). При этом предлагаем в примечании к ст. 141 УК РФ закрепить *исчерпывающий перечень* участников избирательного процесса.

По времени совершения известные деяния делятся на: 1) совершенные до начала избирательного мероприятия (ч. 1, 2 ст. 141 УК РФ; ст. 141¹ УК РФ; ст. 142 УК РФ; ст. 142¹ УК РФ); 2) совершенные непосредственно во время избирательного мероприятия (ст. 141 УК РФ; ст. 142 УК РФ; ст. 142¹ УК РФ; ст. 142² УК РФ); 3) совершенные после окончания избирательного мероприятия (ч. 3 ст. 141 УК РФ; ст. 142 УК РФ; ст. 142¹ УК РФ; ст. 142² УК РФ).

Предложенное частное деление преступлений на группы может быть использовано при корректировке наименований и диспозиций уголовно-правовых норм, а также применимо в плане установления того или иного вида наказания за совершение конкретного деяния.

Таким образом, *преступления, посягающие на избирательные права граждан*, – это общественно опасные деяния (действия либо бездействие) небольшой либо средней тяжести, предусмотренные ст. 141-142² УК РФ, совершаемые во время избирательного процесса с прямым умыслом, непосредственно направленные в ущерб реализации какой-либо формы прямого народного волеизъявления, охватываемого конституционным правом граждан участвовать в управлении делами государства. Классификация преступлений, посягающих на избирательные права граждан, имеет *два звена*. *Первое звено* – законодательная классификация. На основе характера и степени общественной опасности преступления, посягающие на избирательные права граждан, делятся на два вида и могут быть либо небольшой, либо средней тяжести. *Второе звено* – доктринальная классификация. Автором предложены следующие критерии классификации преступлений, посягающих на избирательные права граждан: 1) виды избирательных прав; 2) формы прямого народного волеизъявления/виды избирательных мероприятий; 3) субъект преступления; 4) время совершения.

Литература

1. Всемирный энциклопедический словарь / главный редактор М. В. Адамчик ; главный научный редактор В. В. Адамчик. – Минск : Современный литератор, 2007. – 1640 с. – Текст : непосредственный.
2. Справочник по теории государства и права: основные категории и понятия / автор-составитель А. А. Иванов. – 2-е издание, стереотипное. – Москва : Экзамен, 2007. – 510 с. – Текст : непосредственный.
3. Краткий юридический словарь / ответственный редактор А. В. Малько. – Москва : Проспект, 2010. – 496 с. – Текст : непосредственный.
4. Морковкин, В. В. Большой универсальный словарь русского языка / В. В. Морковкин, Г. Ф. Богачёва, Н. М. Луцкая ; под редакцией В. В. Морковкина. – Москва : АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2018. – 1456 с. – Текст : непосредственный.
5. Семенов, А. В. Этимологический словарь русского языка / А. В. Семенов. – Москва : ЮНВЕС, 2006. – 704 с. – Текст : непосредственный.
6. Юридический словарь / под редакцией А. Н. Азрилияна. – 2-е издание. – Москва : Институт новой экономики, 2014. – 1152 с. – Текст : непосредственный.
7. Юридический энциклопедический словарь / под редакцией А. В. Малько. – 2-е издание. – Москва : Проспект, 2017. – 1136 с. – Текст : непосредственный.

З. З. Мамхягов

**ПОНИМАНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИИ
В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ (ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ):
ОСНОВНЫЕ ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ**

Последовательное увеличение количества уголовно-правовых норм с административной преюдицией требует адекватного доктринального осмысления этого юридического явления. Данное обстоятельство приобретает актуальность по причине отсутствия легального определения административной преюдиции. Автор приходит к выводу о существовании четырех основных концептуальных подходов в понимании административной преюдиции в уголовном праве: формально-юридического, социально-юридического, межотраслевого и криминологического. В статье отмечается, что ни одна из этих концепций не может рассматриваться в качестве доминирующей.

Ключевые слова: уголовное законодательство, административная преюдиция, уголовно-правовое воздействие, доктрина уголовного права.

Z. Z. Mamkhyagov

**UNDERSTANDING OF ADMINISTRATIVE PREJUDICE
IN CRIMINAL LAW (LEGISLATION):
MAIN DOCTRINAL APPROACHES**

A consistent increase in the number of criminal-law norms with administrative prejudice requires an adequate doctrinal understanding of this legal phenomenon. This circumstance becomes relevant due to the lack of a legal definition of an administrative prejudice. The author comes to the conclusion that there are four main conceptual approaches in understanding the administrative prejudice in criminal law (legislation): formal-legal, socio-legal, intersectional and criminological. The article notes that none of these concepts can be considered as dominant.

Keywords: criminal legislation, administrative prejudice, criminal-law impact, doctrine of criminal law.

В настоящее время существует самый широкий спектр мнений относительно понимания административной преюдиции и ее юридической природы. Полагаем, что данное обстоятельство определяется, прежде всего, тем, что отсутствует легальное определение административной преюдиции, а законодательное конструирование «преюдиционных» норм УК РФ само по себе не обладает качеством единообразия.

Анализ доктринальных позиций позволяет говорить о наличии четырех основных концептов в понимании административной преюдиции в уголовном праве (законе): формально-юридического, социально-юридического, межотраслевого и криминологического.

1. В формально-юридическом смысле административная преюдиция в уголовном праве (законе) традиционно понимается как особый прием законодательной техники или способ конструирования уголовно-правовой нормы.

Этот подход является одним из наиболее распространенных в отечественной доктрине. Его смысл заключается в том, что такой прием (способ) позволяет определить грань между преступным деянием и административно-наказуемым правонарушением в конкретном случае. По существу, этот прием или способ «трансформирует» («превращает», «преобразует»)

административное правонарушение в преступление – естественно, при соблюдении определенных в законе условий.

Например, А. В. Козлов называет административную преюдицию «приемом юридической техники, при котором повторно совершенное административное правонарушение в случае, если лицо ранее привлекалось за аналогичное административное правонарушение к административной ответственности, рассматривается как преступление и влечет уголовную ответственность» [5, с. 42].

Схожие по смыслу определения были высказаны и другими авторами.

Так, А. Г. Безверхов сущность административной преюдиции определяет в «признании» неоднократно совершенных в течение определенного периода времени административных правонарушений (после наложения за первое из них административной ответственности), «юридическим фактом, порождающим уголовно-правовые последствия». Каждое из этих действий «само по себе и в отдельности от второго является административным правонарушением, но в своем единстве они, по воле законодателя, образуют качественно новое деяние – преступление» [2, с. 48].

Одно из наиболее развернутых определений административной преюдиции как средства (приема) законодательной техники предложено С. А. Маркунцовым. Именно в этом качестве она (преюдиция), по его словам, «устанавливает сложный фактический состав, заключающийся в учете при привлечении к уголовной ответственности факта (фактов) привлечения лица к административной ответственности (наложения административного наказания) при повторном (неоднократном) совершении лицом в течение определенного периода времени после этого аналогичного деяния» [10, с. 39].

2. В социально-юридическом смысле административная преюдиция нередко определяется в качестве *средства криминализации и/или декриминализации* деяния. Здесь речь идет о понимании административной преюдиции преимущественно в качестве инструмента осуществления государственной политики в области борьбы с преступностью, своеобразного «воплощения воли» законодателя.

Подобного рода понимание административной преюдиции широко распространено среди ее и сторонников, и противников. В частности, В. П. Малков прямо говорит о том, что она является официальным «*объявлением* [курсив наш – авт.] правонарушений уголовно-наказуемыми при условии, что к лицу уже применялись меры ... административного воздействия» [9, с. 195].

Сторонники административной преюдиции называют ее средством преимущественно декриминализации в случаях, когда преюдиция вводится в уже существующие нормы уголовного законодательства. В этом отношении они, повторимся, расценивают административную преюдицию как «эффективное» средство снижения уровня репрессивности самого уголовного законодательства (как вариант – уголовно-правового воздействия). По словам В. И. Колосовой, введение административной преюдиции направлено «не столько на гуманизацию норм УК РФ, сколько на снижение социальной напряженности, сложившейся в результате неоправданно жесткой уголовной политики государства и появления вследствие этой политики большой массы людей с уголовным прошлым и постоянного роста людей с уголовным настоящим и будущим» [6, с. 247].

Противники административной преюдиции видят в ней (в рассматриваемой плоскости) прямо противоположное функциональное предназначение. По их словам, когда «преюдиционная» норма УК РФ вводится вновь, происходит «неоправданная» (в плане буквального понимания предписаний ст. 8 УК РФ об основании уголовной ответственности) криминализация административного проступка, а уровень репрессивности уголовного законодательства (уголовно-правового воздействия) необоснованно и резко повышается [8, с. 64–65].

Справедливости ради надо отметить, что некоторые сторонники административной преюдиции также видят несоответствие криминализированных «преюдиционных» норм УК РФ предписаниям ст. 8 УК РФ. В последние годы все чаще звучит мысль о том, что административная преюдиция как средство криминализации зиждется не столько на догме об общественной

опасности деяния как главного критерия (основания) криминализации деяния. В основе такой криминализации находятся «негативные» свойства (качества) самого лица. В итоге они все же признают тот факт, что в нормах УК РФ с административной преюдицией, по существу, находит свое выражение теория «опасного состояния личности». А некоторые авторы буквально говорят о том, что «при конструировании составов преступлений с административной преюдицией правомерен учет свойств повышенной опасности личности преступника» [7, с. 13].

3. В *межотраслевом («широком»)* смысле административная преюдиция представляет собой *«особую форму» взаимосвязи административного и уголовного права*. По мнению сторонников этой концепции, именно она олицетворяет родственную публично-правовую природу уголовного и административного права, и в то же время ограничивает «сферы действия» этих отраслей.

В частности, сторонники административной преюдиции говорят о том, что она является «эффективным средством ограничения преступлений от административных правонарушений», выполняя роль своеобразного «буфера» между двумя видами юридической ответственности. Далее «разделение» уголовной и административной ответственности осуществляется за счет включения в содержание статей УК РФ «материальных последствий», наличие или размер которых являются «единственными критериями» ограничения административного проступка правонарушений и «преюдиционного» преступления [1, с. 8–9].

Например, по мнению Н. И. Пикурова, административная преюдиция представляет собой «особую форму взаимосвязи уголовного и административного права», представляющую «предусмотренный законом способ коррекции границы между преступлением и проступком применительно к конкретному деянию» и обладающую значительным «превентивным» потенциалом в плане реализации задач государственной политики борьбы с преступностью. Говоря иными словами, административная преюдиция – это «способ коррекции границы между преступлением и проступком применительно к конкретному деянию, представляющему собой систему однородных действий, причиняющих совокупный вред одному и тому же объекту» [11, с. 103].

Наиболее «последовательные» сторонники такого подхода вообще называют административную преюдицию «феноменом межотраслевой интеграции» уголовного и административного (административно-деликтного) права. В частности, О. С. Капинус полагает, что административная преюдиция «при умелом ее использовании» является «весьма эффективным инструментом, обеспечивающим согласованное действие смежных предписаний деликтного административного и уголовного права», позволяющим осуществлять «точечную» профилактику противоправного поведения. Поэтому он («инструмент») должен занять «достойное место в арсенале технико-юридических средств реализации уголовной политики». Более того, использование административной преюдиции в уголовном праве (законе) позволяет, по ее мнению, не только достигать вышеперечисленных целей, но и «сужать» сферу применения самого уголовного закона, т. е. де-факто урезать границы уголовно-правового воздействия [3, с. 84–85].

Противники административной преюдиции исходят из противоположного посыла: по их мнению, ни о каком «согласованном» действии административного и уголовного права в «преюдиционных» нормах говорить нельзя. Наоборот, в силу существования таких норм происходит смешение сфер уголовно-правового и административно-правового воздействия – а включение административно-деликтного права уголовное право в «широком» смысле будет означать нарушение юридической максимы *nullum crimen sine lege* и, в целом, принципа законности [4, с. 121–122].

4. В преимущественно *криминологическом смысле* административная преюдиция нередко определяется как своеобразное *«средство предупреждения (противодействия) преступности»*, посредством которого снижается (должен снижаться) уровень «криминализации общества».

По почти однозначному мнению сторонников административной преюдиции, расширение использования в уголовном законодательстве «преюдиционных норм «повысится» эф-

фективность самого УК РФ «по предупреждению преступлений», что позволит, в свою очередь, более эффективно и успешно достигать предупредительной задачи самого уголовного закона, как она определена в ч. 1 ст. 2 УК РФ [9, с. 196; 12, с. 85; 13, с. 69–71].

Вывод

В современной доктрине существует широкое разнообразие мнений относительно юридической природы и необходимости самого существования административной преюдиции в уголовном праве (законе). Ни одну из теоретических позиций в определении сути административной преюдиции, а также обоснованности и/или целесообразности самого ее существования нельзя назвать общепризнанной и/или доминирующей. Однако можно говорить о четырех основных теоретических концептах административной преюдиции в уголовном праве (законе), обоснованных на настоящий момент:

1. В формально-юридическом смысле административная преюдиция в уголовном праве (законе) определяется как особый прием законодательной техники либо как способ конструирования уголовно-правовой нормы.
2. В социально-юридическом смысле административная преюдиция в уголовном праве (законе) обычно понимается в качестве средства криминализации и/или декриминализации деяния.
3. В межотраслевом («широком») плане административная преюдиция в уголовном праве (законе) считается «особой формой» взаимосвязи административного и уголовного права.
4. В криминологическом понимании административная преюдиция в уголовном праве (законе) чаще всего расценивается как средство предупреждения (противодействия) преступности.

Литература

1. Бавсун, И. Г. Административная преюдиция и перспективы ее применения на современном этапе / И. Г. Бавсун, И. А. Тихон, М. В. Бавсун. – Текст : непосредственный // Административное право и процесс. – 2008. – № 6. – С. 6–10.
2. Безверхов, А. Г. Возвращение «административной преюдиции» в уголовное законодательство России / А. Г. Безверхов. – Текст : непосредственный // Российская юстиция. – 2012. – № 1. – С. 48–53.
3. Капинус, О. С. Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы теории и практики / О. С. Капинус. – Текст : непосредственный // Журнал российского права. – 2019. – № 6. – С. 78–86.
4. Кибальник, А. Г. Недопустимость административной преюдиции в уголовном законодательстве / А. Г. Кибальник. – Текст : непосредственный // Библиотека криминалиста : научный журнал. – 2013. – № 2. – С. 119–125.
5. Козлов, А. В. О допустимости административно-правовой преюдиции в уголовном законодательстве России / А. В. Козлов. – Текст : непосредственный // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. – 2012. – № 1. – С. 42–50.
6. Колосова, В. И. Административная преюдиция как средство предупреждения преступлений и совершенствования уголовного законодательства / В. И. Колосова. – Текст : непосредственный // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2011. – № 1. – С. 246–254.
7. Курченко, В. Н. Парадигма административной преюдиции в уголовном праве / В. Н. Курченко. – Текст : непосредственный // Российское право: образование, практика, наука. – 2018. – № 2. – С. 10–21.
8. Лопашенко, Н. А. Административной преюдиции в уголовном праве – нет! / Н. А. Лопашенко. – Текст : непосредственный // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. – 2011. – № 3. – С. 64–71.

9. Малков, В. П. Административная и дисциплинарная преюдиция как средства декриминализации и криминализации в уголовном праве / В. П. Малков. – Текст : непосредственный // Пробелы в российском законодательстве. – 2008. – № 2. – С. 195–198.

10. Маркунцов, С. А. О понимании административной преюдиции как особого средства юридической техники и расширении ее использования в Уголовном кодексе Российской Федерации / С. А. Маркунцов. – Текст : непосредственный // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2014. – № 4. – С. 31–42.

11. Пикуров, Н. И. Превентивная функция административной преюдиции в уголовном праве / Н. И. Пикуров. – Текст : непосредственный // Двойная превенция в борьбе с преступностью: вопросы теории и практики / ответственный редактор Р. В. Жубрин. – Москва : Университет прокуратуры РФ, 2018. – С. 97–104.

12. Чернышева, Ю. А. Административная преюдиция в уголовном праве / Ю. А. Чернышева. – Текст : непосредственный // Закон и право. – 2019. – № 10. – С. 85–86.

13. Ямашева, Е. В. К вопросу о восстановлении института административной преюдиции в уголовном законе России / Е. В. Ямашева. – Текст : непосредственный // Журнал российского права. – 2009. – № 10. – С. 69–79.

А. Г. Меньшикова, Е. О. Поторочина

**«СОПРЯЖЕННОСТЬ» В УГОЛОВНОМ ЗАКОНЕ:
ВОПРОСЫ ПОНИМАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ**

Авторами в статье затрагивается вопрос единообразного понимания терминологического аппарата, в частности, признака «сопряженности», используемого при конструировании уголовно-правовых норм. На основе анализа норм уголовного закона выделяются группы преступлений, в которых законодатель использует исследуемый признак в зависимости от его функционального предназначения. Особое внимание в исследовании уделяется вопросам понимания «сопряженности» в конструкции единого сложного преступления, где с его помощью законодателем раскрывается и подчеркивается связь общественно-опасного деяния с обязательным признаком объективной стороны состава преступления. Опираясь на результаты анализа правоприменительной практики, а также доктрины уголовного права, авторы приходят к выводу о том, что термин «сопряженное» синонимично словосочетанию «совершенное с применением». В связи с чем, предлагается в уголовном законе в конструкциях единых сложных преступлений заменить употребление законодателем признака «сопряженность» на синонимичное словосочетание «совершенное с применением».

Ключевые слова: сопряженность, совершенное с применением, сложное преступление, конкуренция уголовно-правовых норм.

A. G. Menshikova, E. O. Potorochina

**«CONNECTION» IN THE CRIMINAL LAW: ISSUES
OF UNDERSTANDING AND APPLICATION**

The authors in the article touch upon the issue of a uniform understanding of the terminological apparatus, in particular, the sign of «conjugation» used in the construction of criminal law norms. On the basis of the analysis of the norms of the criminal law, groups of crimes are distinguished in which the legislator uses the investigated feature, depending on its functional purpose. The study pays special attention to the issues of understanding the «conjugation» in the construction of a single complex crime, where, with its help, the legislator discloses and emphasizes the connection between a socially dangerous act and a mandatory sign of the objective side of a crime. Based on the results of the analysis of law enforcement practice, as well as the doctrine of criminal law, the authors come to the conclusion that the term «conjugate» is synonymous with the phrase «perfect with application». In this connection, it is proposed in the criminal law in the constructions of single complex crimes to replace the use by the legislator of the sign «conjugation» with the synonymous phrase «committed with application».

Keywords: conjugation, committed with the use, complex crime, competition of criminal law.

Проблема единообразного понимания терминологического аппарата, используемого в нормативно-правовых актах, остается одной из дискуссионных как в теории права, так и правоприменительной практике. Коснулась она и Уголовный кодекс РФ, в частности, остается нерешенным вопрос о значении понятия «сопряженность», используемое при конструировании различных составов преступлений.

Почему же эта проблема не теряет своей актуальности? Смысловая определенность норм уголовного закона помогает правильно применять их в правоприменительной деятельности,

давать точную квалификацию содеянному виновным лицом. Основой уголовно-правовой нормы, ее базисом, выступают термины и понятия, которые позволяют правоприменителю установить все необходимые признаки конкретного состава преступления, чтобы делать вывод о преступности или не преступности совершенного деяния. При этом, чем четче, яснее и прозрачнее будет используемое в законе понятие, тем очевиднее становится сама норма, и, как следствие, – снижается риск совершения ошибки при квалификации преступления.

Об этом в своих трудах говорит С. С. Алексеев: «Предельная точность и правильное использование правовых понятий и юридических терминов необходимы так же, как и в технике, в математике. Ибо право – это во многом явление технического, математического порядка; оно, в отличие от других социальных регуляторов (морали, обычаев), призвано вносить в жизнь общества, в поведение людей строгую определенность, давать прямые, неуклончивые ответы: виновен – не виновен, является или не является данное лицо собственником и т. д.» [1, с. 74–75].

Отсутствие легального определения категории «сопряженность» и различный подход теоретиков к ее толкованию делают затруднительным понимание данного термина в уголовном праве России. Необходимо определиться, какой смысл законодатель вкладывал в это понятие при конструировании уголовно-правовых норм.

В последней редакции уголовного закона формула «сопряженности» в Особенной части УК РФ используется в 36 случаях. Исследуемый термин встречается, например, в составах преступлений, предусмотренных п. «в», «з», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство, сопряженное с похищением, разбоем, вымогательством, бандитизмом, изнасилованием и др.), ч. 2 ст. 110.2 УК РФ (организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства), ч. 5 ст. 159 УК РФ (мошенничество), ч. 1 ст. 171 УК РФ (незаконное предпринимательство), ч. 2 ст. 171.2 УК РФ (незаконные организация и проведение азартных игр), п. «б» ч. 2 ст. 178 УК РФ (ограничение конкуренции), ч. 1 ст. 185.3 УК РФ (манипулирование рынком), п. «б» ч. 7 ст. 204 УК РФ (коммерческий подкуп), ч. 4 ст. 211 УК РФ (угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава), ч. 1 ст. 239 УК РФ (создание некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан), п. «б» ч. 2 ст. 264 УК РФ (нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств), ст. 333 УК РФ (сопротивление начальнику или принуждение его к нарушению обязанностей военной службы), ч. 1 ст. 335 УК РФ (нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности) и ряде других.

Сравнительный анализ вышеперечисленных составов преступлений позволяет прийти к выводу, что понятие «сопряженность» используется законодателем в основном в трех значениях. С определенной долей условности в зависимости от функционального предназначения исследуемого термина можно выделить три группы преступлений, а именно:

- 1) первую группу образуют общественно-опасные деяния, где «сопряженность» выступает главным образом одним из признаков объективной стороны состава преступления. Примером наиболее часто встречающегося в данной группе преступлений выступает деяние, сопряженное с извлечением дохода в крупном или особо крупном размере. В таких случаях «сопряженность» по своей сути является количественной характеристикой деяния, либо используется законодателем в качестве способа или обстановки совершения преступления. При этом следует отметить, что «сопряженность» подлежит уголовно-правовой оценке только в совокупности с иными признаками состава преступления. К таким составам преступлений можно отнести следующие: ч. 1 ст. 171, ч. 2 ст. 314.1, п. «а» ч. 5 ст. 327.1 УК РФ и др.;
- 2) ко второй группе преступлений следует относить общественно-опасные деяния, в которых «сопряженность» включается в конструкцию единого сложного преступления как признак, подлежащий в уголовном законе самостоятельной уголовно-правовой оценке (например, деяние, сопряженное с насилием, с уничтожением или повреждением чужого имущества, с вымогательством предмета подкупа, с оставлением места совершения

преступления). Признак «сопряженность» с преступным деянием может выступать самостоятельным составом преступления, но в таких случаях с учетом правил о конкуренции уголовно-правовых норм, его необходимо рассматривать как часть целого преступления. К таким составам преступлений относятся, в частности, ч. 3 ст. 170.1, п. «б» ч. 2 ст. 172, п. «б» ч. 2 ст. 264, ч. 1 ст. 333 УК РФ и др.

- 3) к третьей группе преступлений предлагаем относить случаи, где признак «сопряженность» указывает на наличие совокупности двух самостоятельных составов преступлений. Об этом прямо указывает Верховный Суд РФ, в частности, в постановлении от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» в п. 11 говорится: «как сопряженное с разбоем, вымогательством или бандитизмом следует квалифицировать убийство в процессе совершения указанных преступлений. Содеянное в таких случаях квалифицируется по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ в совокупности со статьями УК, предусматривающими ответственность за разбой, вымогательство или бандитизм» [2]. По мнению высшей судебной инстанции, в подобных ситуациях отсутствует конкуренция уголовно-правовой нормы как части и целого, в связи с чем требуется квалификация по совокупности. К таким составам преступления следует относить: п.п. «в», «з», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ и ч. 4 ст. 211 УК РФ.

Таким образом, уже на этом этапе можно говорить о том, что понятие «сопряженность» является многозначным и используется в уголовном законе, как нам представляется, в трех значениях. При этом правильная квалификация преступления напрямую зависит от того, в каком значении в каждом конкретном случае используется данное понятие.

Почему же законодатель использует именно это понятие в отдельных составах преступлений? Изменится ли понимание содержания уголовно-правовых норм, если его заменить другим или совсем исключить из УК РФ?

В данной работе мы уделим внимание анализу значения понятия «сопряженность» в преступлениях, которые отнесли ко второй группе, рассматривая его в конструкции единого сложного преступления. Анализ данной группы преступлений, на наш взгляд, позволит найти ответы на отдельные поставленные вопросы.

Стоит отметить, что в основной своей массе комбинации составов преступлений зависят от набора обязательных и факультативных признаков, в том числе и признаков объективной стороны состава преступления. И в большинстве своём факультативным признакам законодатель придает значение обязательных (составообразующих) или квалифицирующих признаков, что в свою очередь влияет на квалификацию содеянного. Более того, один и тот же признак объективной стороны состава преступления (например, способ в виде применения насилия) довольно часто используется законодателем в различных составах преступления, что свидетельствует о схожести юридико-технической конструкции многих составов преступления. Примером подобного законодательного приема являются следующие составы преступлений: ч. 1 ст. 333 УК РФ и ч. 1 ст. 162 УК РФ. Для наглядности сравнения признаков представлена таблица.

Таблица 1

ч. 1 ст. 333 УК РФ	ч. 1 ст. 162 УК РФ
Соппротивление начальнику, а равно иному лицу, исполняющему возложенные на него обязанности военной службы, или принуждение его к нарушению этих обязанностей, <i>сопряженные</i> с насилием или с угрозой его применения	Разбой, то есть нападение в целях хищения чужого имущества, <i>совершенное с применением</i> насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия

Сравниваемые составы преступлений имеют одинаковую структуру, которую можно представить следующим образом: по конструкции оба состава преступления являются формальными, обязательными признаками объективной стороны выступают общественно-

опасное деяние и составообразующий признак в виде способа, который выражается в виде применения насилия или угрозы применения насилия.

При конструировании ч. 1 ст. 333 УК РФ способ в виде применения насилия или угрозы его применения включается в состав преступления при помощи сопряженности (используется слово «сопряженные»), в случае же с ч. 1 ст. 162 УК РФ такое включение происходит при помощи словосочетания «совершенное с применением».

Оба состава преступления являются единым сложным преступлением, где способ (насилие) может нести самостоятельную уголовно-правовую оценку (причинения вреда здоровью легкой, средней степени тяжести или тяжкого вреда здоровью предусмотрены законодателем в качестве самостоятельных составов преступления). Однако с учетом применения правил о конкуренции уголовно-правовых норм, при квалификации содеянного по ст. 333 УК РФ либо ст. 162 УК РФ, дополнительной квалификации по совокупности со ст. ст. 115, 112 или 111 УК РФ не требуется.

Таким образом, можно заключить, что использование формулы «сопряженности» не влияет на смысловую конструкцию самого состава преступления. И в том и в другом случае деяние остается деянием, способ – способом. Употребление словосочетания «сопряженные с ... » только подчеркивает связь одного признака с другим. Аналогичную функцию выполняет словосочетание «совершенное с применением», соединяя деяние со способом.

В связи с чем представляется, что использование словосочетаний «сопряженное» и «совершенное с применением» является синонимичным. В подобных составах преступления сопряженность не несет в себе какой-то иной, отличной от любого другого схожего состава преступления смысловой нагрузки.

Соответственно, формулировка ч. 1 ст. 333 УК РФ могла бы выглядеть следующим образом: сопротивление начальнику, а равно иному лицу, исполняющему возложенные на него обязанности военной службы, или принуждение его к нарушению этих обязанностей, *совершенные с применением* насилия или с угрозой его применения.

Равно как и формулировка ч. 1 ст. 162 УК РФ может звучать как разбой, то есть нападение в целях хищения чужого имущества, *сопряженное* с насилием, опасным для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия.

К аналогичным выводам позволяет прийти анализ законодательных конструкций составов преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 110.2 (организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства путем распространения информации о способах совершения самоубийства или призывов к совершению самоубийства, *сопряженное* с публичным выступлением, использованием публично демонстрирующегося произведения, средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»)) и п. «д» ч. 2 ст. 110 УК РФ (доведение лица до самоубийства или до покушения на самоубийство путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего, *совершенное* в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»)), ч. 3 ст. 170.1 (внесение в реестр владельцев ценных бумаг, в систему депозитарного учета заведомо недостоверных сведений путем неправомерного доступа к реестру владельцев ценных бумаг, к системе депозитарного учета, если оно было *сопряжено* с насилием или с угрозой его применения) и ч. 2 ст. 139 УК РФ (незаконное проникновение в жилище, совершенное против воли проживающего в нем лица, *совершенное с применением* насилия или с угрозой его применения).

Показательным в связи с этим является и правоприменительная практика, поскольку свидетельствует об аналогичном подходе к пониманию «сопряженности» в составе преступления.

Так, в приговоре Братского городского суда по уголовному делу № 1-389/2018 правоприменитель указывает, что «находит доказанным факт совершения подсудимым двух раз-

бойных нападений, *сопряженных с угрозой применения насилия опасного для жизни и здоровья*, с применением предмета, используемого в качестве оружия» [3].

Еще одним решением, схожим с выше обозначенным, является приговор по уголовному делу № 1-178/2014, вынесенный Семилукским районным судом: «оценив показания потерпевших и показания подсудимых в совокупности с другими доказательствами, суд приходит к выводу о том, что действия подсудимых О., Г. и Г. при совершении разбойных нападений были *сопряжены с применением насилия, опасного для жизни и здоровья и с угрозой применения такого насилия*, поскольку подсудимые в ходе действий, обусловленных и направленных на хищение имущества у потерпевших, умышленно наносили последним множественные удары по голове и другим жизненно важным органам, закрывали подручными средствами лица потерпевших, отчего они задыхались и теряли сознание, о чем свидетельствуют показания Б., К., М., Ж., Т. и других, кроме того, подсудимые, используя подручные материалы и связывая потерпевших, действовали со значительной силой, предвидя, таким образом, во всех случаях возможность причинения телесных повреждений и желали этого, то есть действовали с прямым умыслом» [4].

Таким образом, данные примеры подтверждают высказанное ранее мнение о том, что словосочетания «сопряженное с ...» и «совершенные с применением» синонимичны друг другу, правоприменительной практикой они не разделяются, а, наоборот, свободно замещаются. Более того, проведенный анализ судебных решений (было изучено 300 приговоров) по обвинению лица в совершении преступления, предусмотренного ст. 162 УК РФ, показал, что в каждом тридцатом решении суд заменяет словосочетание «*совершенное с применением*» на «*сопряженное с применением*», при этом значение данного признака для квалификации деяния остается неизменным [5].

Анализ судебных решений (было изучено 70 приговоров) по обвинению лица в совершении преступления, предусмотренного ст. 333 УК РФ, показал аналогичную тенденцию с одним отличием. Разница заключается в том, что суды в каждом десятом приговоре из формулировки опускали использование словосочетание «сопряженное с ...», не рассматривали в качестве обязательного признака, а, значит, не придавали ему значение [6].

Так, в мотивировочной части приговора по уголовному делу № 1-8/2015 Тульского гарнизонного военного суда указано следующее: «исследованные доказательства в их совокупности суд находит достоверными, а виновность подсудимого считает установленной. Действия Р., который 26 октября 2014 года, около 17-ти часов, оказывая сопротивление ФИО7, исполнявшему обязанности дежурного по полку, угрожал при этом тому применением ножа, суд расценивает, как *сопротивление начальнику с угрозой применения насилия*, и квалифицирует по ч. 1 ст. 333 УК РФ» [7].

Аналогичное решение было принято и по делу № 1-22/2012, вынесенному Грозненским гарнизонным военным судом, в котором ФИО2 был признан виновным «в совершении преступления предусмотренного ч. 1 ст. 333 УК РФ, а именно *в сопротивлении лицу, исполняющему возложенные на него обязанности военной службы, с применением насилия...*» [8].

Таким образом, правоприменительная практика показывает, что «потеря» в формулировке уголовно-правовой нормы термина «сопряженное» никоим образом не отражается на ее содержании. Связь между деянием и обязательным признаком объективной стороны не теряется, она сохраняется даже без использования сложной и неоднозначной конструкции «сопряженность».

Подтверждением данному положению является и то обстоятельство, что правоприменители не только исключают в своих решениях из формулировки термин «сопряженность», но и заменяют его другим синонимичным понятием. Так, в приговоре по делу №1 -92/2012, вынесенному Волгоградским гарнизонным военным судом, указывается, что «органами предварительного следствия действия Ц., Б. и У., *связанные с угрозой применения насилия* потерпевшему, были квалифицированы по п. «а» ч. 2 ст. 333 УК РФ, как сопротивление начальнику, исполняющему возложенные на него обязанности военной службы, а также принуждение его к нарушению этих обязанностей, *сопряженные с угрозой применения насилия, совершённые*

группой лиц» [9]. Соответственно, для суда понятия «связанные» и «сопряженные» – синонимичные.

В толковом словаре С. И. Ожегова данным терминам даются следующие определения: сопряженный – взаимно связанный, сопровождаемый чем-нибудь [10, с. 750], связать – связанный, сопряженный с чем-нибудь, влекущий за собой что-нибудь [10, с. 706]. Очевидно, что терминологического различия в понимании между указанными терминами нет, определение одного понятия дается через другое, что говорит об их созвучности, синонимичности.

Иными словами, подобная правоприменительная практика свидетельствует о том, что в рассматриваемых законодательных конструкциях существенным является не использование термина «сопряженное», а установление определенной связи между преступным деянием и иным объективным признаком состава преступления, которая может быть обозначена различными синонимичными словосочетаниями. Такая связь является своего рода характеристикой единого составного преступления, а именно взаимосвязи части и целого, когда одно деяние подпадает одновременно под действие нескольких норм, одна из которых охватывает совершенное деяние в целом, а другая – лишь отдельную его часть [11, с. 433].

Данное рассуждение созвучно с мнениями отдельных ученых. Например, В. Н. Баландюк и Н. Н. Салева относительно составных преступлений (на примере ст. 333 УК РФ), утверждают, что «имеет место так называемая законодательно учтенная идеальная совокупность преступлений, исключаяющая дополнительную квалификацию по статье УК РФ, предусматривающей ответственность за соответствующую разновидность насилия, то есть законодатель в данных случаях использовал термин «сопряженное (-ые)» для обозначения взаимосвязи явлений, соотносящихся как целое и часть» [12, с. 29–30].

Такой же позиции придерживается Д. Ю. Краев, отмечая (на примере ст. ст. 333 и 335 УК РФ), что сопряженность «отражает взаимосвязь явлений, соотносящихся как часть (т. е. насилие) и целое (т. е. сопротивление начальнику или принуждение его к нарушению обязанностей военной службы и нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности)» [13, с. 30]. Понятие «сопряженность» использовано в смысле неопременного сопутствия указанных явлений друг другу, так как если не будет насилия, то не будет преступлений, предусмотренных ст. ст. 333 и 335 УК РФ (их основных составов) [13, с. 30].

Таким образом, следует заключить, что понятие «сопряженность» в уголовном законе используется в трех значениях. И по характеру такого значения все преступления, в которых фигурирует данный признак, мы с определенной долей условности разделили на аналогичные три группы, уделив особой внимание исследованию значения «сопряженности» второй группы. Именно в преступлениях второй группы признак «сопряженность» представляет собой характеристику объективной стороны состава преступления в конструкции единого сложного преступления, который раскрывает и подчеркивает связь общественно-опасного деяния с другим обязательным признаком объективной стороны состава преступления.

Проведенное исследование, основанное на анализе правоприменительной практике, позволило утверждать, что признак «сопряженное» синонимично словосочетанию «совершенное с применением», а также терминам «соединенное», «связанное», в связи с чем, замена одного понятия другим никоим образом не отражается на смысловой нагрузке содержания уголовно-правовой нормы. Акцент на взаимосвязи преступного деяния с иным признаком объективной стороны преступления сохраняется.

Представляется целесообразным для решения проблемы неоднозначного понимания признака «сопряженности» в уголовном законе исключить его использование законодателем в конструкциях единых сложных составов преступлений, заменив на синонимичное словосочетание «совершенное с применением». Подобное решение станет первым этапом в унификации и единообразном понимании терминологического аппарата, используемого при конструировании уголовно-правовых норм, главным образом признака «сопряженности».

Литература

1. Алексеев, С. С. Государство и право. Начальный курс / С. С. Алексеев. – 3-е издание, переработанное и дополненное. – Москва : Юридическая литература, 1996. – 192 с. – ISBN 5-7260-0828-6. – Текст : непосредственный.
2. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) : постановление Пленума Верховного суда РФ от 27.01.1999 г. № 1 : в редакции от 03.03.2015 г. – Текст : непосредственный // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1999. – № 3.
3. Приговор Братского городского суда от 28.12.2018 по уголовному делу №1-389/2018. – Текст : электронный // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» : [сайт]. – URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html?id=3d5530db9eba08706ae235a0d2bbe816&shard> (дата обращения: 20.02.2021).
4. Приговор Семилукского районного суда г. Семилуки от 28.10.2014 по уголовному делу №1-178/2014. – Текст : электронный // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» : [сайт]. – URL: https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html?id=3_a670894faa3bccaf65f56237bfea3331&shard (дата обращения: 20.02.2021).
5. Обвинительные приговоры судов общей юрисдикции, в которых лицо признается виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 162 УК РФ – Текст : электронный // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» : [сайт]. – URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (дата обращения: 20.02.2021).
6. Обвинительные приговоры судов общей юрисдикции, в которых лицо признается виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 333 УК РФ. – Текст : электронный // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» : [сайт]. – URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (дата обращения: 20.02.2021).
7. Приговор Тульского гарнизонного военного суда от 23.03.2015 по уголовному делу №1-8/2015. – Текст : электронный // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» : [сайт]. – URL: https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html?id=3_7aa49175c268770ffb4232fb81475c35&shard (дата обращения: 20.02.2021).
8. Приговор Грозненского гарнизонного военного суда от 16.02.2012 по уголовному делу №1-22/2012. – Текст : электронный // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» : [сайт]. – URL: https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html?id=3_e9757f4b773f6ac0324a4e0575dd80f6&shard (дата обращения: 20.02.2021).
9. Приговор Волгоградского гарнизонного военного суда от 21.11.2012 по уголовному делу №1-92/2012. – Текст : электронный // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» : [сайт]. – URL: https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html?id=3_5b0839ea0a15f29fd2bf5c757281d9e7&shard (дата обращения: 20.02.2021).
10. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е издание, дополненное. – Москва : ИНФОТЕХ, 2010. – 944 с. – ISBN 978-5-904343-04-0. – Текст : непосредственный.
11. Уголовное право. Общая часть : учебник / ответственный редактор И. Я. Козаченко. – 4-е издание, переработанное и дополненное. – Москва : Норма, 2008. – 720 с. – Текст : непосредственный.
12. Баландюк, В. Н. Понятие сопряженности убийства с иными преступлениями / В. Н. Баландюк, Н. Н. Салева. – Текст : непосредственный // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2010. – № 4 (8). – С. 29–37. – Текст : непосредственный.
13. Краев, Д. Ю. Основной вопрос квалификации убийств, сопряженных с иными преступлениями (ПП. «в», «з», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ) / Д. Ю. Краев. – Текст : непосредственный // Уголовное право. – 2011. – № 4. – С. 29–34.

МОДЕРНИЗАЦИЯ УГОЛОВНОГО
ЗАКОНА В КОНТЕКСТЕ
ОПТИМИЗАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ
ТЕХНИКИ

А. В. Квитко

**РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ
И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ МЕР ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ***

В представленной статье автор проводит ретроспективный анализ уголовно-правовых и криминологических (предупредительных) государственных мер обеспечения экологической безопасности и сохранения природных ресурсов. В материале автор демонстрирует видоизменение уголовного законодательства направленного действия на сбережение основных компонентов природной среды, зависимость от развития общества и его хозяйственной деятельности. Кроме этого, предметом статьи является обозначение актуальности сбережения природных ресурсов во все времена, в том числе сдерживания противоправных действий с применением уголовно-правовых и криминологических мер.

Целью статьи является обозначение автором достаточно высокой латентности экологической преступности в России. Статистические показатели исследуемой категории преступности и происходящие социально-экономические процессы в обществе подвергают сомнению ее реальное состояние.

В этой связи автором статьи выделен ряд проблемных факторов, влияющих на обеспечение экологической безопасности мерами уголовно-правового и криминологического воздействия. Вместе с тем в целях снижения латентности экологической преступности автором предложен ряд мероприятий государственного и управленческого характера, в том числе с применением современных цифровых технологий, ресурсов и систем наблюдения.

Ключевые слова: экологическая преступность, криминологические меры, латентность, природа, нарушения.

A. V. Kvitko

**ETROSPECTIVE ANALYSIS OF CRIMINAL-LEGAL
AND CRIMINOLOGICAL MEASURES TO ENSURE ENVIRONMENTAL SAFETY
THE PROBLEM OF HIGH LATENCY OF ENVIRONMENTAL CRIME
AND SOLUTIONS IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION**

In the present article, the author conducts a retrospective analysis of criminal law and criminological (preventive) state measures to ensure environmental safety and the conservation of natural resources. In the article, the author demonstrates the modification of criminal legislation aimed at preserving the main components of the natural environment, which depends on the development of society and its economic activities. In addition, the subject of the article is the designation of the relevance of the conservation of natural resources at all times, including the deterrence of illegal actions with the use of criminal and criminological measures. The purpose of the article is to indicate by the author a fairly high latency of environmental crime in Russia. Statistical indicators of the studied category of crime and the ongoing socio-economic processes in society question its real state.

*Статья подготовлена в ходе проведения научного исследования «Стратегические направления совершенствования мер противодействия преступности в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре с учетом особенностей северного региона» за счет средств гранта на развитие научных школ с участием молодых ученых федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Югорский государственный университет» (№ 13-01-20/14).

In this regard, the author of the article identifies a number of problematic factors that affect the provision of environmental safety by measures of criminal law and criminological influence. At the same time, in order to reduce the latency of environmental crime, the author proposes a number of measures of a state and managerial nature, including the use of modern digital technologies, resources and surveillance systems.

Keywords: environmental crime, criminological measures, latency, nature, violations.

Введение

На современном этапе государственно-правового развития Российской Федерации актуализируется задача обеспечения национальной безопасности [1]. Одним из элементов национальной безопасности является экологическая безопасность России. В этой связи особого внимания заслуживают уголовно-правовые и криминологические меры обеспечения экологической безопасности, нашедшие отражение в современной уголовно-правовой политике [2].

Одной из задач уголовного законодательства России является охрана жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина. Бережное отношение к природопользованию предусмотрено конституционными положениями нашей страны, в частности земля и другие природные ресурсы используются как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории. Кроме этого, Конституцией РФ провозглашено право каждого на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением [3].

Обеспечение экологической безопасности является всеобщей задачей человечества в целом, независимо от международных, экономических или политических взглядов государств. Современный прорыв в технологическом и цифровом развитии должен обеспечивать не только экономический подъем и выход из кризиса, а еще и способствовать более бережному отношению к окружающей среде и сохранению природного достояния.

Взаимодействие человека с природой может быть гармоничным только тогда, когда мы, как общество, относимся к ней как к дару, с уважением, совестью и заботой. Люди едины с окружающей средой, поэтому они должны солидарно нести ответственность за свои действия и оценивать их последствия [4].

В последнее время появляется все больше сведений о том, что древнейшие цивилизации не только погибли от нашествия завоевателей, но и не смогли справиться из-за экологических проблем. Даже образование пустынь, особенно пустыни Сахара, в основном обусловлено деятельностью человека. Территория нынешней пустыни Сахара представляла собой процветающий регион, богатый тропическими растениями и разнообразными животными так называемого эфиопского типа, еще 8 тысяч лет назад. Одной из причин опустынивания в этой части Земли считается обезлесение.

Площадь орошения в Центральной Азии в древности превышала площадь орошения в наше время. Простираясь от Южной Палестины до северной Сирии, Месопотамии и восточного Ирана, эта обширная территория, родина сельского хозяйства 10 000 лет назад, превратилась в пустыню из-за неправильного орошения, засоления и истощения почвы. Сначала исчез лес, затем вторичная растительность, затем почва.

«Вся история цивилизаций, – пишет К. С. Лосев, – особенно на первых этапах, это процесс разрушения дикой природы, уничтожения лесных экосистем, что сопровождалось продовольственными кризисами и связанными с ними социально-экономическими потрясениями» [5].

Важно отчетливо осознавать, что происходящие природные явления, катастрофы и другие катаклизмы являются некими сигналами природы для человечества. Соответственно, обществу необходимо тщательно взвешивать и сопоставлять факторы приобретаемой личной выгоды и ресурсных издержек, направленных на сохранение окружающей среды [6].

Эволюция уголовно-правовых и криминологических мер обеспечения экологической безопасности

Автором предлагается немного погрузиться в историю государственно-правового влияния на урегулирование вопросов экологической безопасности, а также разумного отношения к природным ресурсам на разных этапах развития нашего государства. Итак, зарождение нормативных правовых актов России, предохраняющих хозяйственную деятельность человека и влияющих на безопасность флоры, фауны и других природных компонентов, уходит далеко вглубь русской истории.

В качестве прообраза нормы об исследуемых деяниях приводится ст. 223 Соборного уложения (1649 г.), в соответствии с которой: «А кто по недружбе учнет, в чьем лесу огонь класти и от кого в том лесу учинится пожар ..., что такой пожар от кого учинится нарочным делом, или Пастуховым небрежением за такое пожарное разорение взяти пеня, что государь укажет». Приведенная норма провозглашает ответственность человека перед государством за умышленный поджог леса или неосторожные противоправные действия, приведшие к возникновению лесного пожара.

Со временем началось возведение заводов, фабрик, монетных дворов, на строительство которых требовались природные ресурсы в виде земли, леса, воды. Эти факторы послужили принятию специальных норм поведения для недопущения бесконтрольного истощения природных запасов и деградации экосистем. К числу законодательных актов можно отнести уставы и указы Петра I (Устав о рыбной ловле 1704 г., Указ 1703 г. о запрещении вырубке лесов, пригодных для кораблестроения, Указ 1718 г. о запрете сбрасывать мусор в реки и каналы). Таким образом, постепенно охватывались все аспекты хозяйственной жизни человека и правовое регулирование его поведения во благо сохранения даров природы.

Позднее, уже в 1832 году, был напечатан Свод законов Российской Империи, который являлся официальным собранием действующих законодательных актов Империи. Том пятнадцатый Свода назывался «Уложение о наказаниях». 7 раздел Свода содержал составы правонарушений, выразившихся в посягательствах на постановления о нарушении в казенных и частных лесах. Правовым актом предусмотрена ответственность за упущения лесного чиновника за недобросовестное исполнение обязанностей (ст. 825), а также любому за угрозы и сопротивление лесным чинам и их стражам (ст. 823-824). Раздел 8 Свода содержал ряд составов преступлений, предусматривающих ответственность за нарушение уставов карантинных, а также за нарушение правил охраны чистоты воздуха, безвредности воды и безвредности съестных запасов.

Постепенно законодательная деятельность императоров России все более охватывала разные стороны поведения человека, влияющие на безопасность природы и ее составных компонентов. И уже к моменту принятия Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. в России сложилась определенная система законодательных актов (Свод законов), регулировавших общественные отношения в области обеспечения защиты практически всех компонентов природной среды, которые в большей степени подвергались негативному воздействию в результате антропогенного фактора. В их число входили леса, воздух, водные объекты, дичь и другие биоресурсы.

По содержанию законодательной мысли Уложение следует считать первым уголовным кодексом Российской Империи, актом специального направления и действия. Однако спустя практически полвека, 22 марта 1903 года, императором Николаем II утверждено новое Уголовное уложение. Данный законодательный акт был основан на Уложении 1845 года, но принят с учетом условий преобразования государственной и общественной жизни и быта. При этом нормы, содержащиеся в уголовном законе, предусматривающие ответственность за противоправные действия в области охраны природы, располагались в разных его главах. Это говорит об отсутствии на тот момент у законодателя необходимости выделять исследуемые общественные отношения в отдельный объект посягательства. Таким образом, в России

происходило формирование уголовно-правовых мер за обеспечение бережного и безопасного использования природных ресурсов.

После свержения самодержавия в России народные власти взамен законодательства, изданного во времена Империи, стали формировать законодательные меры по обеспечению экологической безопасности с учетом советско-социалистических взглядов. Существует мнение, что первым государственным актом по охране природной среды в СССР стал декрет «О земле» от 08.11.1917 г., принятый на Втором Съезде Советов, заложивший основы природопользования в стране. Далее можно отметить специальный нормативный правовой акт, посвященный уголовно-правовому обеспечению безопасности леса и лесных насаждений, который был принят 27 июля 1920 г. в виде постановления Совета Труда и Оборона «О борьбе с лесными пожарами». Ввиду недостаточности превентивных мер по борьбе с лесными пожарами постановление предусматривало перед судом ответственность за пожар по причине неосторожного разведения огня в лесу, на пашне, выгоне, покосе как за умышленный поджог.

Позднее основы специальных норм легли в основной закон, регулирующий уголовно-правовые отношения, а именно в Уголовный кодекс РСФСР, утвержденный Постановлением ВЦИК от 1 июня 1922 года. В данном законе можно выделить лишь 2 состава преступлений, непосредственно связанных с обеспечением экологической безопасности, в том смысле, в котором мы сегодня ее воспринимаем. Первый состав предусмотрен статьей 99 УК РСФСР. Нарушение законов и обязательных постановлений, установленных в интересах охраны лесов от хищнической эксплуатации и истребления, а равно и ведение лесного хозяйства с нарушением установленного плана; охота и рыбная ловля в недозволенное время, в недозволенных местах и недозволенными способами и приемами; выборка камней, песка и прочего без разрешения подлежащих властей, а равно и разработка недр земли с нарушением установленных правил. Очевидно, что рассматриваемая диспозиция статьи и вобрала в себя множество непосредственных объектов преступного посягательства в виде флоры, фауны и недр земли. Законодатель решил попробовать уравнивать противоправные действия, независимо от наступления общественно опасных последствий, с однообразным подходом применения правовой санкции. Такие условия значительно упрощали деятельность правоохранительной и судебной системы. Второй состав преступления, затрагивающий отношения в природоохранной сфере, по мнению исследователя, то есть меня, заложен в главе VIII. Нарушение правил, охраняющих народное здоровье, общественную безопасность и публичный порядок, который выражен в неисполнении или нарушении при производстве строительных работ установленных законом или обязательным постановлением строительных и санитарных правил (ст. 217 УК РСФСР). Исходя из поверхностного анализа уголовно-правовых норм в области исследования, очевидно, что редакция Уголовного кодекса РСФСР была далека от совершенства. Уголовно-правовая политика в области охраны окружающей природной среды требовала существенных изменений.

Руководством СССР продолжаемая законодательная работа повлекла принятие нового, более совершенного Уголовного кодекса РСФСР, утвержденного Постановлением ВЦИК от 22.11.1926 года. Особенная часть кодекса претерпела существенные изменения в исследуемой автором тематике. А именно во второй главе закона содержалось уже 8 отдельных составов преступлений, предусматривающих уголовную ответственность за противоправные действия, посягающие на общественные отношения в области экологической безопасности. При этом законодатель не посчитал необходимым выделить в структуре уголовного закона отдельную главу для данной категории преступлений, и поэтому они вошли в главу 2 «Преступления против порядка управления».

По мере изменения жизнеустройства и народного хозяйства после окончания Великой Отечественной войны стала преобразовываться и законодательная составляющая страны. В Союзе Советских Социалистических Республик разгорается горячая пора освоения недр, восстанавливается и развивается производственная и лесоперерабатывающая промышлен-

ность, иные добывающие промыслы. Социально-экономические процессы, происходящие в обществе, направленные на скорейшее оздоровление экономики, диктовали приоритеты государственной политики.

С учетом применения новых технологических процессов производства и промышленной добычи природных ресурсов, а также территориального устройства государства, со временем требовалось видоизменение уголовно-правовых и криминологических мер предупреждения преступности. На фоне этого у руководства страны наступила потребность регулирования правоотношений в уголовно-правовом порядке в форме разработки законодательства, отвечающего времени. На рисунке представлен перечень правовых актов, устанавливающих и регулирующих общественные отношения, а также применение уголовно-правовых мер обеспечения экологической безопасности периода середины XVII – конца XX вв.

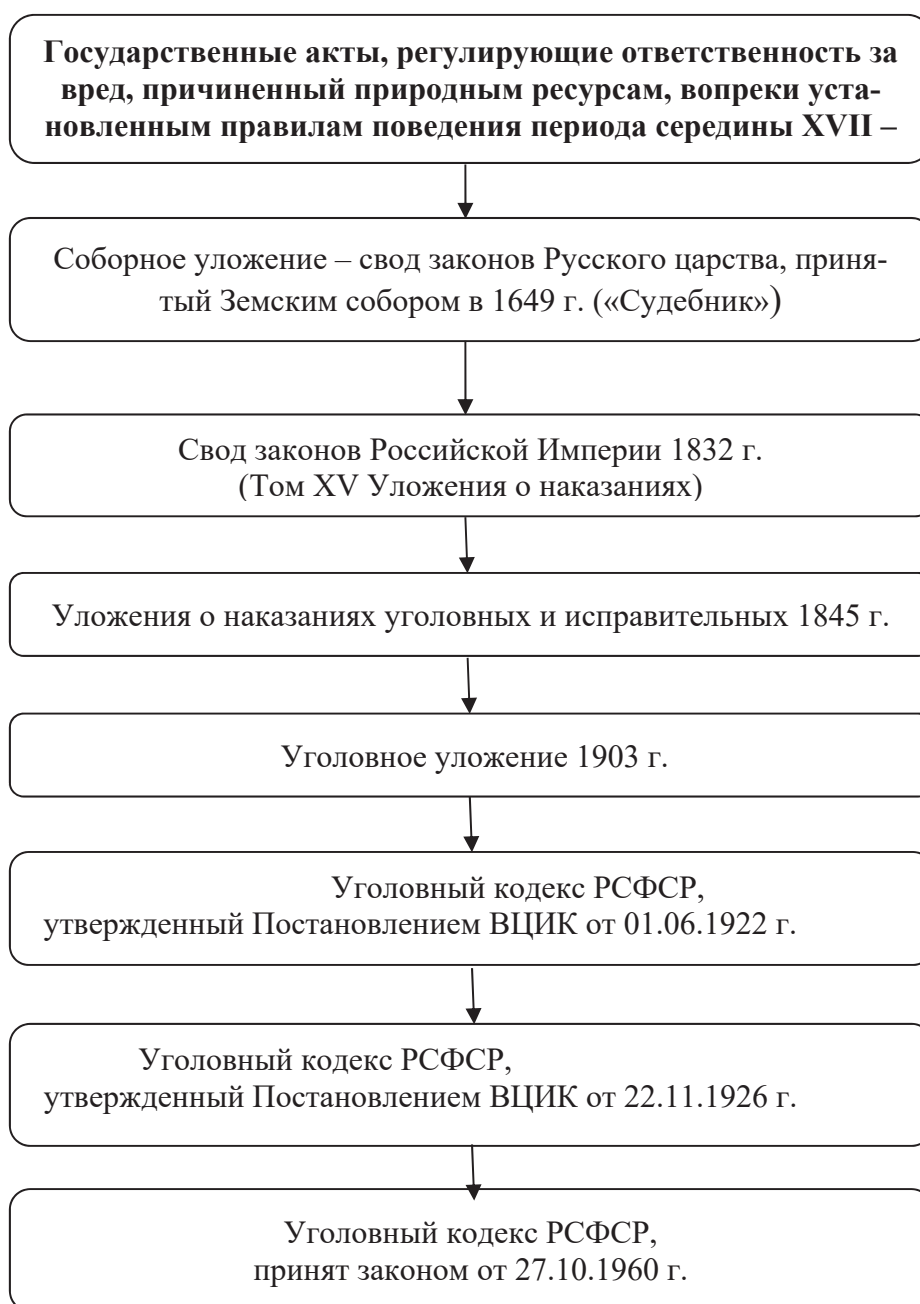

Рисунок 1 – Формирование уголовно-правовых мер обеспечения экологической безопасности периода середины XVII – конца XX вв.

На фоне необходимости видоизменения государственного регулирования экологической безопасности, отвечающих условиям времени, 27 октября 1960 года принят Закон РСФСР «Об утверждении Уголовного кодекса». Принятый Уголовный кодекс РСФСР за время юридического существования также многократно подвергался дополнениям и изменениям в части составов преступлений, объектами которых являлась экологическая составляющая. В редакцию постепенно включались абсолютно новые составы преступлений, такие как нарушение законодательства о континентальном шельфе СССР (ст. 167.1 УК РСФСР), загрязнение водоемов и воздуха (ст. 223 УК РСФСР), загрязнение моря веществами, вредными для здоровья людей или для живых ресурсов моря, либо другими отходами и материалами (ст. 223.1. УК РСФСР), нарушение правил хранения, использования, учета, перевозки радиоактивных материалов и других правил обращения с ними (ст. 223.5. УК РСФСР). Следует отметить, что территория континентального шельфа страны впервые стала объектом правоотношений, регулируемых уголовно-правовыми нормами, с учетом условий развивающихся международных отношений и вытекающих из них нормативных правовых актов.

Представленные автором составы преступлений структурно находились в 5, 6 и 10 главах Уголовного кодекса РСФСР. По сути, законодатель был последователен и не считал целесообразным выделить преступления исследуемой категории в отдельную однородную группу общественных отношений, охватываемых одной главой Уголовного кодекса. При этом одна часть преступлений в области защиты природных ресурсов относилась к хозяйственным преступлениям, а видовыми объектами другой части являлись общественный порядок, общественная безопасность и здоровье населения.

В Уголовном кодексе РСФСР, действовавшем в период с 1960 по 1996 год, содержалось 22 состава преступлений, непосредственными объектами посягательств которых являлись общественные отношения в области охраны окружающей среды. Вместе с тем уничтожение или существенное повреждение лесных массивов в результате неосторожного обращения с огнем или иными источниками повышенной опасности (ст. 150 УК РСФСР) содержалось в составе 5 главы Уголовного кодекса РСФСР «Преступления против собственности».

Криминологические, предупредительные меры обеспечения экологической безопасности в России осуществлялись в различных формах и способах, также применяемых и отвечающих соответствующему историческому развитию государственно-правовых отношений. В целях сохранности благоприятной водной и воздушной среды Свод законов Российской Империи содержал запрет на строительство предприятий, способных нанести вред природе. В XVIII веке работа фабрик и кузниц ближе 200 км от города Москвы также была запрещена. В процессе активной индустриализации страны в XIX веке проблема засорения водоемов и воздуха еще более обострилась. В этой связи были приняты специальные промышленные уставы, нарушение которых влекло существенные денежные штрафы и другие меры наказания. В первой четверти XIX века леса и лесное хозяйство оказывали значимое влияние на экономику России. В целях сохранения лесных ресурсов от массовых вырубок и обеспечения пожарной безопасности появилась должность лесничего, в помощь которому с 1831 г. давали рекрутов и солдат.

Если заглянуть вглубь истории, то изначально правительственные меры по защите лесов были приняты Иваном III в 1485 году. Охранная грамота запрещала самовольную рубку леса в обозначенных территориях Московского государства. Была введена специальная должность, в обязанности которой вменялись надзор за этими лесами, поимка и штрафование браконьеров. Такие меры принимались из-за проблемы истребления лесов центральных районов страны ввиду неурегулированного хищнического отношения к этому природному ресурсу.

Наше государство существенно снизило влияние на сохранение благоприятной природной среды в период развития народного хозяйства при выполнении пятилетних планов. Страна взяла курс на строительство гигантских заводов (химия, металлургия, машиностроение). Экономическая политика, основанная на принципе «производство ради производства», приводила к общему ухудшению экологического благосостояния.

Краткий экскурс в историю уголовно-правового и криминологического обеспечения экологической безопасности нашего государства представляет своеобразную картину. Формирование и установление правил поведения человека диктовались угрозами истощения природных ресурсов и загрязнения окружающей среды, возникающими в конкретный исторический период времени. В этой связи с учетом риска угроз природному благосостоянию лидеры государства принимали уголовно-правовые и другие предупредительные (криминологические) меры обеспечения экологической безопасности [7]. История России повествует, что введение таких государственных инструментов воздействия было поэтапным, по мере развития народного хозяйства и освоения природных ресурсов.

В этой связи актуализируется рассмотрение проблемы высокой латентности экологической преступности и пути снижения в условиях современных возможностей. Сохранение благоприятной окружающей среды для будущих поколений является приоритетной миссией во всем мире. В целях обеспечения этой стратегически важной задачи необходимо эффективное государственное влияние, в том числе выраженное в виде правового сдерживания негативного воздействия на климат, почву и другие природные ресурсы.

Состояние уголовно-правового и криминологического обеспечения исследуемой категории преступлений нельзя считать надлежащим и соответствующим вызовам современности. Несмотря на невысокие показатели зарегистрированных в России преступлений рассматриваемой группы в отдельные периоды времени, их число остаётся относительно стабильным, а изменения количественных показателей в отдельные годы обуславливаются протеканием скрытой преступности.

Количество экологических преступлений, совершенных на территории Российской Федерации за 2013–2020 годы, автором наглядно представлено на рисунке.

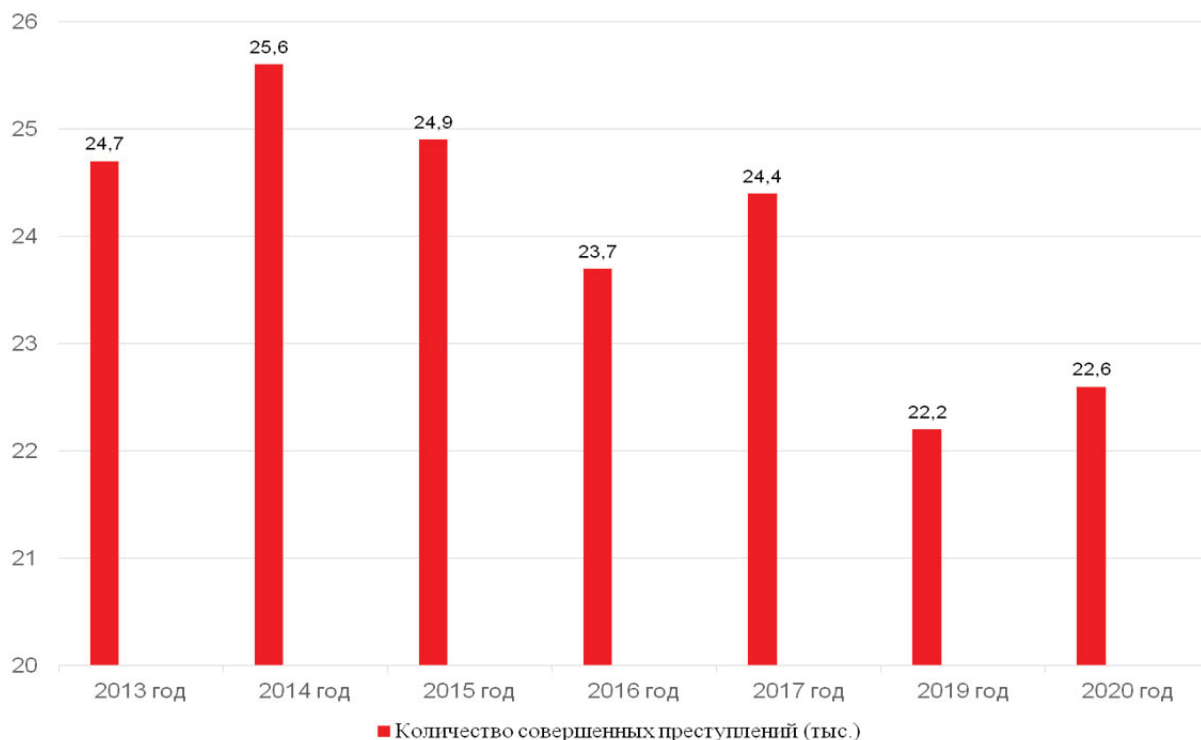

Рисунок 2 – Количественные показатели уровня преступности в России за 2013–2020 гг.

Очевидно, что эпоха массового освоения природных ресурсов, масштабной развернутой промышленности по добыче и переработке углеводородного сырья, а также протекания кризисных социально-экономических явлений в стране не может способствовать снижению преступности в области экологии.

В этой связи статистические показатели экологической преступности в России, представленные на диаграмме, по убеждению автора исследования, не отражают действительность ее состояния.

В связи с этим в процессе научной работы проводятся исследования на предмет достаточности принятия современных криминологических мер по обеспечению экологической безопасности страны.

В свою очередь проведенный и представленный автором анализ количественных показателей осужденных за экологические преступления демонстрирует стабильную динамику снижения количества лиц, привлеченных к уголовной ответственности и осужденных по приговорам, вступившим в законную силу. Количественные показатели осужденных за экологические преступления в России также автором представлены на рисунке.

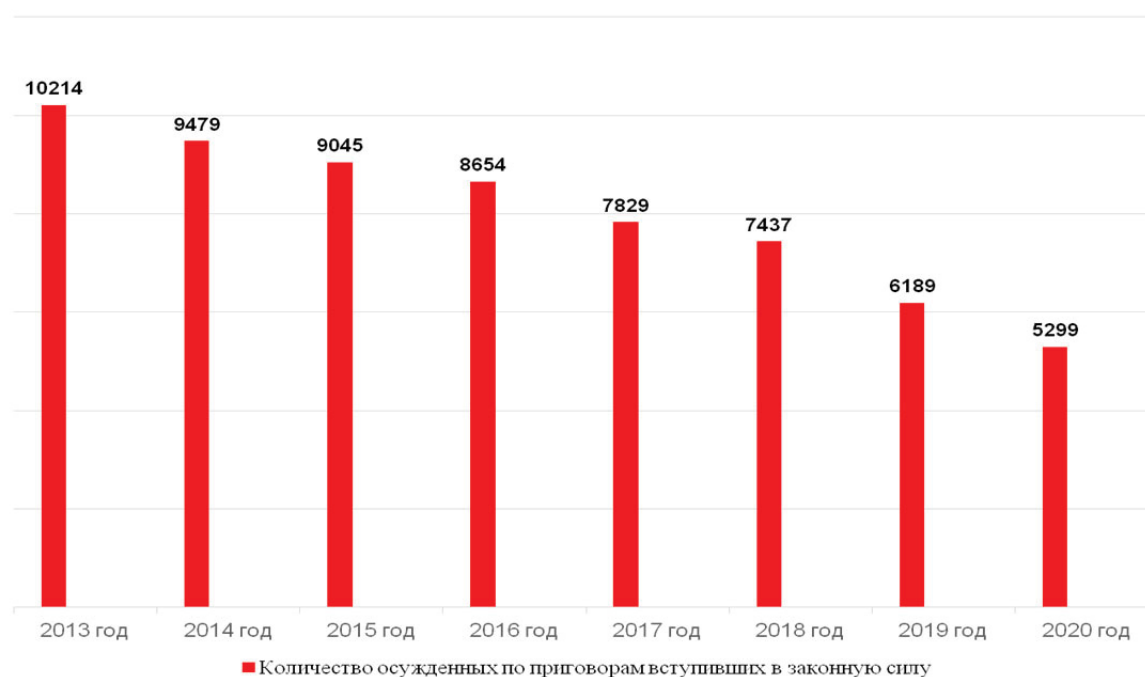

Рисунок 3 – Количественные показатели осужденных по приговорам за экологические преступления в России за 2013–2020 гг., вступившим в законную силу

Представленная автором тенденция указывает на ряд проблемных аспектов, указывающих на недостаточную уголовно-правовую эффективность, в качестве уголовно-правового и криминологического воздействия на общественность.

Это отчетливо можно наблюдать на пропорциональном соотношении количества осужденных за совершение противоправных уголовных деяний в области экологии к количеству возбужденных уголовных дел по рассматриваемой категории преступлений.

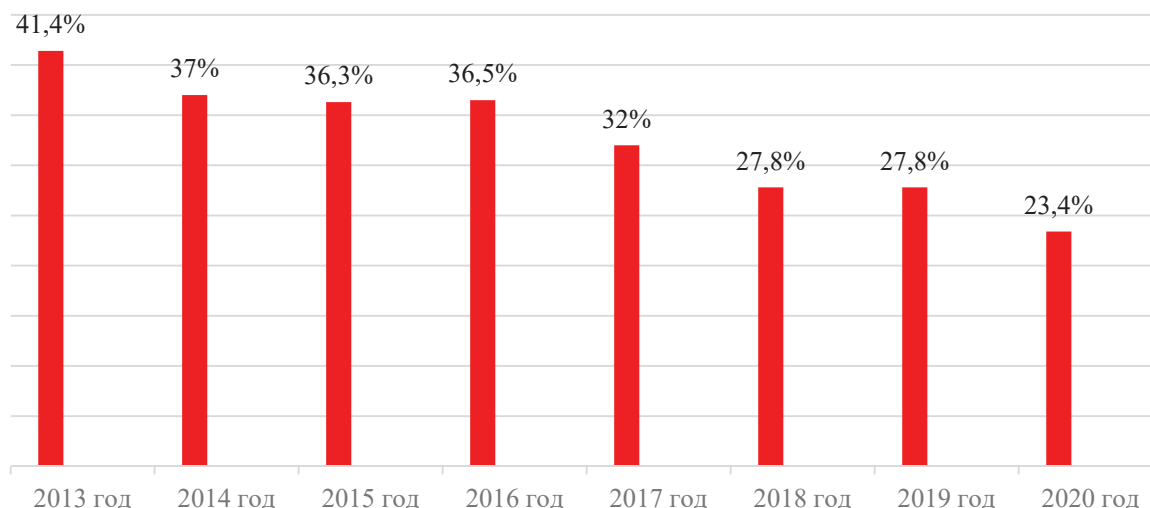

Рисунок 4 – Соотношение количества осужденных за экологические преступления к количеству возбужденных уголовных дел в России за 2013–2020 гг.

Исследователи отмечают, что структура диспозиций ряда составов преступлений, включенных в главу 26 УК РФ, носит бланкетный характер, то есть отсылает к другим нормативным правовым актам, которые в свою очередь не имеют конкретики в правилах поведения граждан, влекущих уголовную ответственность.

Кроме этого, ряд составов являются материальными, диспозиции которых предусматривают правовые последствия в виде создания угрозы причинения существенного вреда здоровью человека или окружающей среде; причинения вреда здоровью человека; распространению эпидемий или эпизоотий; либо иные тяжкие последствия (ст. 247, 248, 254 УК РФ).

Правоприменитель сталкивается с проблемой установления взаимосвязи между действиями и наступившими негативными последствиями, так как процессуальные сроки расследования ограничены, а процессы деградации или наступления тяжких последствий для природных компонентов могут проявиться гораздо позднее. Соответственно, заключения специалистов, проводимые в рамках уголовных дел по экологическим преступлениям, носят вероятностный характер, что не позволяет следственным органам применить норму Уголовного кодекса РФ.

Конструктивный недостаток ряда составов экологических преступлений позволяет безнаказанно, в части уголовного преследования, загрязнять окружающую среду и ухудшать ее состояние.

В таблице автором представлены статистические показатели возбужденных уголовных дел за экологические преступления на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

Таблица 1 – Статистические показатели экологической преступности в ХМАО-Югре за 2015–2020 гг.

г/г	Ст. 246	Ст. 247	Ст. 250	Ст. 254	Ст. 255	Ст. 256	Ст. 258	Ст. 260	Ст. 261	Ст. 262	Всего
2015	1	2	2	2	1	44	42	177	16	0	287
2016	1	2	0	2	0	27	33	160	15	0	240
2017	2	2	0	6	0	58	50	157	7	0	282
2018	0	3	0	6	0	131	15	130	15	0	300
2019	0	4	1	10	0	77	57	138	11	1	299
2020	0	1	0	5	0	92	48	127	12	4	289

Как видно из таблицы, из 18 составов экологических преступлений на территории Югры уголовные дела возбуждались по 10 из них, при этом по 6 составам отмечаются единичные факты.

Автор отмечает, что сложилась стабильная правоприменительная практика по 4 видам преступлений экологической направленности.

- Ст. 256 УК РФ – Незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов (вылов запрещенных рыбных ресурсов);
- Статья 258 УК РФ – Незаконная охота;
- Статья 260 УК РФ – Незаконная рубка лесных насаждений;
- Статья 261 УК РФ – Уничтожение или повреждение лесных насаждений [4].

Проблема высокой латентности экологической преступности и пути решения в условиях цифровизации

Исследователь отмечает ряд проблемных аспектов, сопутствующих, по мнению автора, достаточно высокой латентности экологической преступности:

- конфликт норм уголовного и административного законодательства в области охраны окружающей среды;
- нежелание правоохранительных и надзорных органов учитывать преступные деяния экологической направленности ввиду их негативного влияния на оценку эффективности органов (ведомств);
- слабая коммуникативность взаимодействия правоохранительных и надзорных органов в области охраны окружающей среды, которая не консолидирует потенциальные возможности, полномочия и ресурсы каждого отдельно взятого органа или ведомства;
- совершение экологических преступлений в условиях неочевидности, то есть вдали от взора систем наблюдения и постоянного пребывания человека.

Выводы и предложения

В результате проведенного исследования соискателем отражена историческая последовательная уголовно-правовая политика обеспечения экологической безопасности, а также принимаемых государственных мер, направленных на сохранение природных ресурсов и основных ее компонентов.

Вместе с этим автором выделены и аргументированы проблемные аспекты, выраженные в высокой латентности экологической преступности и недостаточности правового сдерживания и профилактики преступных деяний исследуемой категории.

В совокупности это требует комплексного государственного подхода в предупреждении и выявлении экологических преступлений. В этой связи, по убеждению автора, назрела острая необходимость внедрения современных модернизированных ресурсов и технологий (цифровых, спутниковых и др.), способствующих решению проблем, изложенных исследователем.

В этой связи автором предлагается ряд предложений по решению перечисленных в материале проблемных аспектов по снижению латентности экологической преступности:

- совершенствование норм уголовного законодательства;
- исключение из оценки эффективности надзорных и правоохранительных органов количественных показателей преступлений в области экологии;
- определение природоохранной прокуратуры координирующим звеном между органами и ведомствами в целях максимального использования их потенциала в профилактике экологической преступности и установления лиц, виновных в их совершении;
- внедрение современных цифровых технологий, спутниковых и биллинговых систем по обеспечению мониторинга состояния окружающей среды, в том числе в целях установления естественной латентности экологической преступности.

Литература

1. Всемирный энциклопедический словарь / главный редактор М. В. Адамчик ; главный научный редактор В. В. Адамчик. – Минск : Современный литератор, 2007. – 1640 с. – Текст : непосредственный.
2. Справочник по теории государства и права: основные категории и понятия / автор-составитель А. А. Иванов. – 2-е издание, стереотипное. – Москва : Экзамен, 2007. – 510 с. – Текст : непосредственный.
3. Краткий юридический словарь / ответственный редактор А. В. Малько. – Москва : Проспект, 2010. – 496 с. – Текст : непосредственный.
4. Морковкин, В. В. Большой универсальный словарь русского языка / В. В. Морковкин, Г. Ф. Богачёва, Н. М. Луцкая ; под редакцией В. В. Морковкина. – Москва : АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2018. – 1456 с. – Текст : непосредственный.
5. Семенов, А. В. Этимологический словарь русского языка / А. В. Семенов. – Москва : ЮНВЕС, 2006. – 704 с. – Текст : непосредственный.
6. Юридический словарь / под редакцией А. Н. Азрилияна. – 2-е издание. – Москва : Институт новой экономики, 2014. – 1152 с. – Текст : непосредственный.
7. Юридический энциклопедический словарь / под редакцией А. В. Малько. – 2-е издание. – Москва : Проспект, 2017. – 1136 с. – Текст : непосредственный.

А. И. Ситникова

**СТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ПРЕДПИСАНИЙ
ГЛАВЫ 22 УК РФ С ПОЗИЦИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ТЕКСТОЛОГИИ**

В статье предпринята попытка обозначить и дать решения ряда проблем, связанных с конструктивными особенностями уголовно-правовых предписаний главы 22 УК РФ. Методологической основой данной научной публикации является диалектический метод познания, взятый в единстве с инструментальными методами исследования. В результате проведённого исследования автор пришел к выводу, что в тексте главы 22 УК РФ можно выделить структурные единицы, в качестве которых выступают заголовки статей, описательно-тематические элементы уголовно-правовых предписаний, их композиционно-графические признаки и примечания к статьям.

Ключевые слова: законодательно текстологический подход, заголовки статей, описательно-тематические элементы уголовно-правовых предписаний, композиционно-графический облик статей, модели примечаний.

A. I. Sitnikova

**STRUCTURAL ORGANIZATION CRIMINAL LAW REGULATIONS
OF CHAPTER 22 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION
FROM THE STANDPOINT OF LEGISLATIVE TEXTOLOGY**

The article attempts to identify and provide solutions to a number of problems related to the design features of the criminal law prescriptions of Chapter 22 of the criminal code of the Russian Federation. The methodological basis of this scientific publication is the dialectical method of cognition, taken in unity with instrumental research methods. As a result of the study, the author came to the conclusion that in the text of Chapter 22 of the criminal code of the Russian Federation, it is possible to distinguish structural units, which include the headings of articles, descriptive and thematic elements of criminal law regulations, their compositional and graphic features and notes to articles.

Keywords: legislative textual approach, article titles, descriptive and thematic elements of criminal law regulations, compositional and graphic appearance of articles, models of notes.

В современной уголовно-правовой литературе к исследованию структурных особенностей Уголовного кодекса Российской Федерации сформировались два подхода: законодательно-технический и законодательно-текстологический. Первый подход, считающийся традиционным, в качестве средства объективации уголовного закона признаёт естественный язык, с которым связаны такие понятия, как «язык права», «язык закона», «язык и стиль уголовного законодательства». Данный подход основан на отождествлении разных понятий – языка и речи. Однако в лингвистической литературе, в отличие от юридической, общепризнана дихотомия языка и речи. При этом необходимо отметить, что исследователи уголовного законодательства фактически рассматривают не столько языковые единицы, сколько особенности нормативного текста, то есть единицы письменной речи (текста) закона. На это указывает стремление установить ясность, точность, простоту изложения нормативного текста [2, с. 157]. Формальный подход к исследованию нормативных предписаний демонстрируют авторы работ, которые используют словосочетания «текст закона», «текст права», «юридический текст», хотя объектом их исследования является юридическая терминология, а не нормативный текст [1, с. 72–83].

Законодательно-текстологический подход позволяет рассмотреть уголовный закон как целостное единство нормативных текстов, которое состоит из различных конструктивных элементов и обладает социально-ориентированным дискурсом [5, с. 341]. В соответствии с данным подходом, в тексте УК РФ можно выделить следующие структурные элементы: заголовки, конструктивные единицы уголовно-правовых предписаний, композиционно-графические особенности статей и примечания к статьям.

Заголовки статей. Структурной доминантой уголовно-правовых предписаний об ответственности за экономические преступления выступают заголовки статей. Кроме того, заголовки являются системообразующим фактором уголовного закона. Специалисты по законодательной технике вполне обоснованно считают, что заголовок, выполняя информативную функцию, должен быть кратким, точным, ясным, оптимальным и отражать суть нормативно-правового текста [4, с. 221]. Тем не менее, в ряде случаев законодатель допускает отступление от данных требований и формулирует заголовки, которые включают перечень преступных действий (ст. 171.1, 191.1 УК), перечень предметов преступления (ст. 170.2, 185.5, 189 УК), полностью либо частично воспроизводит диспозиции статей (ст. 172.2, 199.2, 200.3 УК), включает в заголовки метафоры (например, отмывание денег – ст. 174, 174.1 УК). Перечневые заголовки трудно воспроизводимы в речевой практике. Для приведения их в соответствие с требованиями законодательной техники и законодательной текстологии необходимо сократить перечни путём переформулировки для придания им воспроизводимости. Объём заголовков, повторяющих полностью или частично диспозиции статей, чрезмерно велик, воспроизводимость минимальна. Для приведения таких заголовков в оптимальный вид необходимо сократить перечни уточняющих признаков за счёт их интегрирования. С точки зрения законодательной техники наличие метафор недопустимо в нормативном тексте.

Вместе с тем, законодатель для повышения качества нормативного текста уделяет определённое внимание заголовкам и регулярно осуществляет их корректировку (ст. 169, 180, 184, 185.1, 185.3, 186, 187, 193, 198, 199, 199.2 УК). Заголовки указанных статей вполне отвечают требованиями, которым должны соответствовать качественные структуры уголовного закона. Для них характерны такие признаки, как информативность, оптимальный объём и воспроизводимость.

Конструктивные особенности текста главы 22 УК РФ. Обязательным свойством законодательного текста является его структурность, то есть упорядоченность нормативного текста. В качестве структурных схем построения уголовно-правовых предписаний нормодатель использует схемы построения простых, сложносочинённых и сложноподчинённых предложений.

В главе 22 УК РФ часть предписаний построена по минимальной модели, определяемой рамками простого предложения (ст. 172.3, 173.1, 1173.2, 174, 174.1, 175, 176, 177 УК РФ и др.). Однако в ряде случаев законодатель формулирует предписания в виде сложных предложений, которые не соответствуют минимальной модели. В уголовном законе такие предписания считаются нежелательными, поскольку воспринимаются как громоздкие и недостаточно проработанные. Подобные предписания имеют место в нововведённых статьях и предписаниях, подвергнутых редакционным изменениям.

Показательным примером громоздких и недостаточно читабельных текстов являются предписания, сформулированные, например, в ст. 172.1, 184, 185.3, 193 УК РФ, а в ч. 1 ст. 185.5 УК РФ нормодатель демонстрирует сверхобъёмный нормативный текст, который содержит многочисленные перечневые признаки, имеющие линейное строение, в том числе указывающие:

- 1) *место проведения* – общее собрание акционеров, общее собрание участников общества с ограниченной (дополнительной) ответственностью, заседание совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества;
- 2) *способ искажения результатов голосования или воспрепятствования свободной реализации права при принятии решений* – внесение заведомо недостоверных сведений, составление недостоверного списка лиц, недостоверный подсчёт голосов, недостоверный

подсчёт бюллетеней, блокирование или ограничение доступа к голосованию, несообщение сведений о проведении общего собрания, заседания совета директоров, сообщение недостоверных сведений о времени и месте проведения собрания, совета директоров, голосование от имени акционера, члена совета директоров или лица, заведомо не имеющего полномочий;

- 3) *средства совершения преступных действий* – протокол общего собрания акционеров, выписка из него, протокол заседания членов совета директоров;
- 4) *цель* – незаконный захват управления, принятие незаконного решения о внесении изменений в устав общества, одобрение крупной сделки, изменение состава органов управления, избрание членов органа управления, досрочное прекращение полномочий, избрание управляющей организации, избрание управляющего, увеличение уставного капитала, реорганизация или ликвидация хозяйственного общества.

Как итог: ч. 1 ст. 185.5 УК РФ содержит 27 строк, 297 слов. Несоблюдение законодателем правил законодательной техники и законодательной текстологии ведёт к тому, что юристы-практики и массовый адресат сталкивается с труднопреодолимой проблемой так называемого «раскодирования» законодательного текста. В подобного рода предписаниях законодатель не проявил профессионализм в изложении нормы об умышленном искажении результатов голосования в акционерных обществах.

Повысить качество нормативного предписания, содержащегося в ч.1 ст.185.5 УК РФ, на наш взгляд, можно за счёт включения линейных признаков, таких как место, способ фальсификации, средства совершения преступных действий, цель фальсификации, в примечания к статье. Законодателю следует избегать конструирования избыточных и сверхизбыточных текстов, не допускать поспешного введения новых статей, диспозиции которых не отвечают требованиям законодательной техники и законодательной текстологии.

Уголовно-правовые предписания формулируются как повествовательные предложения и в этой связи можно выделить такие структурные элементы, как тема и рема. Тема – это предмет информации, которая обозначает правоприменительный ориентир, рема – изложение содержания темы, которая состоит из описательных (дескриптивных) признаков конкретного состава преступления.

Анализ конструктивных элементов уголовно-правовых предписаний главы 22 УК РФ позволяет отметить следующее:

1. Для усиления императивности предписания тема может быть обозначена в наиболее сильной позиции – вначале предписания (ст. 171, 171.2, 172, 177, 178, 179, 185.2, 185.3, 185.4, 194 УК и др.).

2. При смещении смыслового фокуса тема уголовно-правового предписания располагается между описательными признаками, характеризующими элементы и признаки состава преступления, как это имеет место, например, в статьях 169, 170.2 УК и других предписаниях.

3. В некоторых уголовно-правовых предписаниях главы 22 УК РФ законодатель отступил от классического способа конструирования нормативного текста. Об этом свидетельствует непоследовательность изложения признаков преступлений в ч. 1 ст. 185.3 УК РФ и ч. 1 ст. 185.5 УК РФ. Обращает на себя внимание, что обе статьи введены либо отредактированы примерно в одно время: ч. 1 ст. 185.3 УК РФ подвергнута редакции Федеральным законом от 11 июля 2011 г. № 200-ФЗ, ч. 1 ст. 185.5 УК РФ введена 1 июля 2010 г. № 147-ФЗ.

Законодательно-текстологический анализ позволяет отметить, что в ч.1 ст.185.3 УК РФ чётко указана тема предписания – «манипулирование рынком» и раскрыто содержание темы после словосочетания «то есть». Такая конструкция статьи соответствует апробированной наукой и практикой схематике построения уголовно-правовых предписаний, например, в ст.105, 158, 159 УК РФ и др. В ч.1 ст.185.5 УК РФ отсутствует тема, а диспозиция состоит из громоздкого перечня признаков фальсификации решений общего собрания акционеров, совета директоров.

4. При формулировании большинства предписаний главы 22 УК РФ законодатель необоснованно применил оговорку «если», что повлекло введение в законодательный оборот

нового состава преступления с рестриктивными, то есть ограничительными признаками. Для данного состава преступления характерно присутствие союза «если», наличие которого свидетельствует о признании вреда, обозначенного в диспозиции статьи, условием криминализации деяния. В случае отсутствия обозначенного в статье вреда, лицо не подлежит уголовной ответственности даже за покушение на совершение преступления. Примерами нормативного текста с рестриктивной оговоркой являются уголовно-правовые предписания, содержащиеся в ст. 169, 170, 170.2 УК РФ и др. (всего 13 статей).

Композиционно-графический облик статей главы 22 УК РФ. Одним из требований, предъявляемых к структурному оформлению уголовно-правовых предписаний, является их композиционно-графическое строение. К композиционно-графическим особенностям текста главы 22 УК РФ относятся заголовки главы, заголовки статей, их нумерация, буквенная литерация квалифицированных составов преступлений и абзацное членение статей.

Абзацно-литерное членение имеет место в статьях, содержащих квалифицирующие признаки составов преступлений. Использование такого законодательно-текстологического приёма позволяет сконцентрировать внимание правоприменителя и произвести квалификационную запись содеянного, точно отражающую характер совершённых действий.

Однако необходимо отметить, что законодатель при оформлении уголовно-правовых предписаний об ответственности за преступления в сфере экономики не в полной мере соблюдает законодательно-текстологический приём дифференциации квалифицирующих признаков. Отход законодателя от классических форм построения уголовно-правовых предписаний привёл к тому, что в одной части статьи или под одной буквенной литерой сгруппированы разные квалифицирующие признаки.

Неравноценность признаков имеет место в ч. 2 ст. 169 УК РФ, где объединены причинение крупного ущерба от воспрепятствования предпринимательской или иной деятельности и совершение преступных действий в нарушение вступившего в законную силу судебного акта. Уголовно-правовые предписания, сконструированные подобным образом, довольно часто встречаются в тексте главы 22 УК РФ. Так, извлечение дохода в крупном размере от незаконной организации и проведения азартных игр приравнивается с совершением преступных действий в составе группы лиц по предварительному сговору (ч. 2 ст. 171.2 УК), извлечение дохода в особо крупном размере при незаконной организации и проведения азартных игр – к извлечению дохода в особо крупном размере (ч. 3 ст. 171.3 УК), причинение крупного ущерба в результате незаконного использования средств индивидуализации товаров фактически приравнивается к неоднократности совершения преступных действий (ч. 2 ст. 180 УК).

В действиях законодателя имеет место стремление уравнивать способы группового соучастия путём указания в одной части статьи разных по степени общественной опасности форм соучастия: группы лиц по предварительному сговору и организованной группы (ч. 2 ст. 171.1, ч. 2 ст. 172.2, ч. 2 ст. 191 УК и др.). Упущения можно отметить в отношении неравноценного соотношения других признаков, предусматривающих ответственность за нарушение порядка учёта прав на ценные бумаги в составе группы лиц по предварительному сговору, организованной группы либо причинившей особо крупный ущерб (ч. 2 ст. 185.2 УК), манипулирование рынком, совершённое организованной группой, причинившее ущерб в особо крупном размере, обеспечившее извлечение дохода в особо крупном размере или позволившее избежать убытков в особо крупном размере (ч. 2 ст. 185.3 УК), незаконные действия с древесиной, совершённые в особо крупном размере, в составе организованной группы или лицом с использованием своего служебного положения (ч. 3 ст. 191.1 УК) и так далее.

Вместе с тем, законодатель, следуя требованиям законодательной текстологии, с должным вниманием относится к композиционно-графическому построению нормативного текста и ранжирует квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки в разных частях статей главы 22 УК РФ. В частности, в ст. 180 УК РФ законодатель указал групповой способ по предварительному сговору в ч. 2 ст. 180, ч. 2 ст. 185 УК РФ, а более опасный способ соучастия – организованную группу – поместил в ч. 3 ст. 180, ч. 3 ст. 185 УК РФ.

Обзор композиционного строения текста главы 22 УК РФ позволяет сделать вывод: традиционное оформление композиционного строения статей Особенной части являются действенным средством выделения актуальных фрагментов уголовно-правовых предписаний. Дифференциация квалифицирующих признаков составов преступлений по способу совершения преступления, размеру причинённого вреда, признакам специального субъекта, целям и мотивам позволяет придать тексту статей структурно-смысловое значение и тем самым повысить возможность точной квалификации содеянного.

Примечания как структурные элементы уголовно-правовых предписаний. Уголовно-правовые примечания являются структурно необходимыми элементами нормативного текста, которые конкретизируют и дополняют основные уголовно-правовые предписания, сформулированные в статьях. Информация, закреплённая в примечаниях, способствует созданию оптимальных по объёму статей, поскольку исключает усложнение основного нормативного текста за счёт обособления дополнительных сведений в примечаниях.

Законодательно-текстологический подход в зависимости от конструктивных особенностей примечаний позволяет выделить в главе 22 УК РФ примечания-дефиниции, примечания-уточнения, примечания-исключения и примечания-калькуляции.

Примечания-дефиниции – это нормативные предписания, разъясняющие уголовно-правовые понятия. Законодатель активно использует этот вид примечаний, так как он даёт возможность правоприменителю исключить неверную интерпретацию понятий, применяемых в статьях Особенной части уголовного закона. В главе 22 УК РФ примечания-дефиниции имеют место в п. 1 к ст. 171.2, п. 1,2 к ст. 171.4, 173.1, 173.2, п. 3 к ст. 185.3, п. 1 к ст. 198, п. 5 к ст. 200.1 УК РФ. Необходимо отметить, что дефиниции, содержащиеся в примечаниях к статьям, сформулированы кратко благодаря указанию существенных признаков определяемых понятий.

В данной главе уголовного закона достаточно большую группу представляют примечания-уточнения, которые содержат указание на денежный эквивалент причинённого вреда в виде ущерба, полученного дохода, образовавшейся задолженности, сокрытых денежных средств (ст. 169, 170, 171.1, п. 2 к ст. 171.2, 171.3, 172.3, 174, п. 1,2 к ст. 178, 180, п. 1 к ст. 184, 185.3, 185.6, 191, 193, 193.1, 194, п. 2 к ст. 198, п. 1 к ст. 199, п. 1 к ст. 199.1, п. 1 к ст. 199.3, п. 1 к ст. 199.4, п. 1,2 к ст. 200.1, п. 1 к ст. 200.2, п. 1 к ст. 200.3, п. 1 к ст. 200.5 УК). Примечания-уточнения к статьям об ответственности за экономические преступления выполняют роль инструмента уголовной политики за счёт существенного изменения размера причинённого вреда. Так, размеры крупного ущерба в примечаниях к статьям, введённым в действие в 1997 г., в дальнейшем изменились следующим образом: в 12 раз (ст. 193 УК), в 24 раза (ст. 194 УК), в 161 раз (ст. 198 УК), в 179 раз (ст. 199 УК); особо крупного ущерба: в 11 раз (ст. 198 УК). Указанные изменения размеров причинённого ущерба свидетельствует о стремлении законодателя либерализовать уголовную ответственность за совершение экономических преступлений и декриминализовать деяния, которые ранее признавались преступлениями в сфере экономики. В этой связи Г. В. Назаренко справедливо отмечает, что примечания в уголовном законодательстве используются как действенный инструмент уголовно-правовой политики [3].

В примечаниях-исключениях сформулированы специальные условия освобождения лиц, совершивших экономическое преступление, от уголовной ответственности. Иными словами, наличие в главе 22 УК РФ этой группы примечаний позволяет правоприменителю исключить реализацию репрессивных мер в отношении виновных лиц. Примечания-исключения содержатся в десяти примечаниях к статьям: п. 3 к ст. 178, п. 2 к ст. 184, п. 3 к ст. 198, п. 2 к ст. 199, п. 2 к ст. 199.1, п. 2 к ст. 199.3, п. 2 к ст. 199.4, п. 4 к ст. 200.1, п. 2 к ст. 200.3, п. 2 к ст. 200.5 УК РФ. Конструктивными особенностями примечаний, исключающих уголовную ответственность, являются добровольность действий виновных, направленных на возмещение причинённого вреда, сообщение о совершении преступления, активность в раскрытии

преступления, совершение преступления впервые, отсутствие в действиях виновного иного состава преступления.

Примечания-калькуляции – это нормативные тексты, в которых закреплён механизм расчёта предметов преступлений, стоимости денежных средств, денежных инструментов, контрабандной алкогольной и табачной продукции. Данный вид примечаний является достаточно новым для уголовного закона. Такого рода примечания введены Федеральными законами в 2010, 2013, 2014 годах и содержатся в п. 2 к ст. 185.3, п. 3 к ст. 200.1, п. 2 к ст. 200.2 УК РФ.

Таким образом, уголовно-правовые примечания – это нормативные предписания, которые дефинируют уголовно-правовые понятия, раскрывают денежный эквивалент причинённого вреда, формулируют специальные условия освобождения от уголовной ответственности, устанавливают правила расчёта причиненного вреда. Примечания следует рассматривать как структурно необходимый нормативный текст, призванный улучшить качество уголовного закона и упростить восприятие, усвоение и применение уголовно-правовых предписаний.

В заключении необходимо отметить, что законодательно-текстологический подход как новое направление научного поиска повышает исследовательский арсенал анализа текста главы 22 УК РФ за счёт установления особенностей конструирования нормативного текста с применением описательно-тематических признаков уголовно-правовых предписаний, их композиционно-графического оформления, определить поверхностный (конструктивный) и глубинный (доктринальный) уровни текста закона, выявить недостатки уголовно-правовых предписаний и внести научно обоснованные предложения по улучшению качества нормативного текста.

Литература

1. Давыдова, М. Л. Юридическая техника. Общая часть : учебник / М. Л. Давыдова. – Москва : Проспект, 2018. – 232 с. – Текст : непосредственный.
2. Иванчин, А. В. Законодательная техника и её роль в российском уголовном правотворчестве / А. В. Иванчин. – Москва : Юрлитинформ, 2011. – 208 с. – Текст : непосредственный.
3. Назаренко, Г. В. Уголовно-правовая политика: новый этап либерализации / Г. В. Назаренко. – Текст : непосредственный // Среднерусский вестник общественных наук. – 2016. – Т. 11, № 2. – С. 94–98.
4. Нормография: теория и методология нормотворчества / под редакцией Ю. Г. Арзамасова. – Москва : Трикта : Проект, 2007. – 557 с. – Текст : непосредственный.
5. Ситникова, А. И. Законодательная текстология уголовного права / А. И. Ситникова. – Москва : Юрлитинформ, 2011. – 344 с. – Текст : непосредственный.

О. А. Степанов

**О РАЗВИТИИ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ
ИНСТИТУТА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РФ**

Цель исследования состоит в изучении результатов деятельности ученых, представляющих теоретическую уголовно-правовую научную школу Института законодательства и сравнительного правоведения, при Правительстве РФ с момента его создания в 1923 г. и до настоящего времени. Особое внимание уделено научной деятельности М. Н. Гернета, связанной с его исследованиями в области криминологии и тюрьмоведения и результатам работы его последователей.

В заключении дается периодизация истории развития теоретической уголовно-правовой научной школы Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ.

Ключевые слова: теоретическая уголовно-правовая школа; М. Н. Гернет

О. А. Stepanov

**ON THE DEVELOPMENT OF THE THEORETICAL CRIMINAL LAW RESEARCH
SCHOOL OF THE INSTITUTE OF LEGISLATION AND COMPARATIVE LAW
UNDER THE GOVERNMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION**

The aim of the study is to examine the results of the activities of scientists representing the theoretical criminal law scientific school of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation since its establishment in 1923 up to the present time. Particular attention is paid to the scientific activity of M. N. Gernet related to his research in the field of criminology and prison science and the results of the work of his followers.

In the conclusion we present the periodization of the history of development of theoretical criminal law scientific school of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

Keywords: theoretical criminal law school; M. N. Gernet

Введение

На всем протяжении существования Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ научным исследованиям в сфере уголовно-правовых наук уделялось значительное внимание. Начиная с августа 1923 г. в течение не менее десяти лет ведущие позиции в Институте занимала научная теоретическая уголовно-правовая школа, развивавшая сложившиеся в конце XIX – начале XX в. прогрессивные течения российской юридической мысли. Ее основателем стал Михаил Николаевич Гернет (1874–1953), автор фундаментальных криминологических и уголовно-правовых исследований, опубликованных еще до революции¹ [5], который принимал участие в написании комментария к первому Уголовному кодексу СССР.

¹ В частности, в 1914 г. была опубликована монография ученого «Преступление и борьба с ним в связи с эволюцией общества», в которой автор исследует вопросы истории преступности и борьбы с ней, а в период с 1914 по 1916 г. под его редакцией вышло пять томов комментария Устава уголовного судопроизводства.

Этапы становления и развития теоретической уголовно-правовой научной школы

На базе «Кабинета по изучению личности преступника и преступности», целью создания которого было «сделать борьбу с преступностью наиболее безболезненной, а вместе с тем наиболее действенной» [6], в 1923 г. М. Н. Гернет сплотил вокруг себя крупнейших ученых в области теории и практики уголовного права – А. А. Жижиленко, С. В. Познышева, А. Н. Трайнина, М. М. Исаева, А. А. Пионтковского, П. И. Люблинского и др.

Одним из основных результатов работы научного коллектива Кабинета в этот период является сборник статей «Преступный мир Москвы» (1924), в котором проводится анализ различных видов преступлений, совершенных на территории Москвы, рассматривается их специфика, исследуется психология преступников. На основании собранных данных об уголовных делах, находившихся в производстве московской милиции, была систематизирована информация о таких преступлениях, как разбой, грабеж, кража, мошенничество, поджог [17].

Преобразование в октябре 1925 г. Кабинета в «Государственный институт по изучению преступности и преступника» (ныне – Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ) связано с усилиями и активностью этих людей, внесших весомый вклад в разработку научных основ уголовного законодательства² [8]. По оценке М. Н. Гернета, их «объединяло сознание общности ответственности перед страной, ввиду вздымающей то в одну, то другую из сотни своих голов гидры преступности» [3].

В Положении о Государственном институте (приказ НКВД от 1 июля 1925 г. № 97) в качестве цели Института были определены выяснение причин, вызывающих развитие преступности, изучение успешности применяемых методов борьбы с преступностью, разработка вопросов уголовной политики (в частности, пенитенциарии), изучение отдельных преступников. Поэтому в трудах ученых Института того времени обобщался и анализировался обширный социологический материал, полученный при изучении основных тенденций в развитии преступности и наиболее распространенных преступлений 20-х и начала 30-х годов XX в.

На основе массовых криминологических исследований категорий преступности и всестороннего анализа, полученных фактических и статистических материалов в рамках разработки курса уголовной политики ими были подготовлены тематические сборники теоретических работ по уголовному праву («Растраты и растратчики», «Хулиганы и хулиганство», «Проблемы преступности»).

Труды М. Н. Гернета и возглавляемой им криминологической школы, гуманистические идеи, отстаиваемые в работах его учеников (А. А. Герцензон, Х. М. Чарыхов, А. Н. Тройнин, П. В. Всесвятский), послужили основой для возрождения в России криминологии как важнейшего теоретического направления науки уголовного права. Теоретические вопросы уголовного права, в частности, получили широкое освещение в четырех сборниках Института «Проблемы преступности», в которых исследовались проблемы динамики преступности, построение системы уголовных наказаний, особенности отдельных видов наказаний.

В 1931 г. были опубликованы результаты научных исследований, проводимых под руководством М. Н. Гернета – «Преступность за границей и в СССР» [18]. Наряду с этим, с 1930-х гг. представители криминологической школы Института принимали активное участие в разработке новых проектов и в комментировании действующих законодательных актов, в том числе Уголовного кодекса на основе гуманистических традиций российского правоведения.

Наиболее сложной для криминологов Института в то время оказалась середина 1930-х гг., когда они подверглись жесткой критике за «буржуазный уклон» в разработке социологических, психологических, институциональных параметров преступности и за повышенное внимание к личности правонарушителя. В обстановке нарастания репрессий, ужесточения

² Так, например А. А. Жижиленко в тот период издал книгу «Должностные (служебные) преступления» (под ред. М. Н. Гернета, А. Н. Тройнина. М., 1924), а позже стал соавтором 3-го выпуска «Проблем преступности» (М., 1928).

законодательной и правоприменительной практики наибольшие нападки вызывали именно гуманистические позиции сторонников криминологической школы Института.

В условиях нарастания гонений против криминологии по обвинению в идеологических извращениях и протаскивании буржуазных теорий в 1933 г. Государственный институт по изучению преступности и преступника был преобразован в Институт уголовной и исправительно-трудовой политики, а задача изучения проблем преступности, являющаяся ранее основной деятельностью Института, была сведена к минимуму.

В 1937–1938 гг. М. Н. Гернет сосредоточивается на исследовании исторических этапов становления и развития тюремного дела в самодержавной России, в ходе которого постепенно вырисовываются контуры плана капитального труда, названного им «История царской тюрьмы» [7].

В сложившейся ситуации его последователи – представители криминологической школы Института – сосредоточили свое внимание в большей мере на исследовании теории уголовного права, а также в научной разработке проблем Общей части уголовного права, его принципов. Так, в 1938 г. они приняли участие в подготовке и издании учебника по Общей части уголовного права, авторами которого были такие видные ученые-криминологи, как А. А. Герцензон, Н. Д. Дурманов, М. М. Исаев, Б. С. Маньковский, В. Д. Меньягин и А. Н. Трайнин.

Во время Великой Отечественной войны старшим научным сотрудником Института М. Д. Шаргородским была подготовлена и защищена в марте 1945 г. диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук на тему «Преступления против личности». Выступавшие на защите диссертации официальные оппоненты профессора М. М. Исаев, А. А. Герцензон, А. Н. Трайнин и неофициальные оппоненты профессора М. Н. Гернет и А. А. Пионтковский отмечали самостоятельность научного исследования, смелость и оригинальность автора в постановке и разрешении теоретических и практических проблем уголовного права, большую эрудицию соискателя, богатый русский и иностранный научный и законодательный материал, использованный им.

Особое признание научных заслуг криминологической школы Института связано с присуждением в 1947 г. профессору М. Н. Гернету Сталинской премии за его фундаментальный труд по истории царской тюрьмы.

«Тюремная политика – очень большая и важная часть уголовной политики, а эта последняя тесно и неразрывно связана со всей общей политикой государства... Политическое и экономическое состояние страны... ярко отражаются на организации всей карательной системы и в особенности мест лишения свободы, на режиме и составе заключенных...» – считал Михаил Николаевич Гернет [4].

При этом значение труда М. Н. Гернета не ограничивалось анализом фактов и истории российского тюремоведения, поскольку в нем широко рассматривались теоретические проблемы уголовного наказания и его назначения.

После окончания Великой Отечественной войны сотрудники Института И. Т. Голяков, А. Н. Трайнин принимали участие в подготовке международных правовых материалов Нюрнбергского процесса над нацистскими военными преступниками.

По материалам Нюрнбергского трибунала М. Н. Гернет подготовил монографическую работу «Преступления гитлеровцев против человечности», систематизировав в ней преступления немецко-фашистских захватчиков, за которые им пришлось отвечать перед международным трибуналом [1]. Результаты этой работы 6 июня 1946 г. М. Н. Гернет обобщил в докладе на заседании во Всесоюзном институте юридических наук (как тогда уже назывался Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ) с последующей публикацией представленных материалов [10]. В работе доказывается, что гитлеровцы нарушали целый ряд положений, правил ведения войны, закрепленных в гаагских конвенциях, проводя политику захвата и убийства заложников, массовых убийств населения. Ученый обращает внимание на лицемерие гитлеровской пропаганды, отрицавшей факты уничтожения церквей, культурных ценностей на оккупированных территориях [11].

Кроме того, в конце 40-х годов прошлого века соответствующее признание научной общественности получили работы ученых Института и по проблемам уголовно-правовой ответственности: «Соучастие в преступлении» Б. С. Утевского; «Давность и погашение судимости» Н. Д. Дурманова; «Преступления против личности» З. А. Вышинской; «Состав преступления по советскому уголовному праву» А. Н. Трайнина; «Преступления против жизни и здоровья» М. Д. Шаргородского, его же «Уголовный закон»; «Толкование советского уголовного закона» А. И. Шляпочникова; «Преступления против жизни» Н. И. Загородникова и др.

В 1950–1960-х гг. криминологическая школа Института внесла особенно большой вклад в работу по подготовке новой кодификации уголовного и уголовно-процессуального права, направленной на упразднение норм, создававших законодательные условия для массовых нарушений законности в послереволюционные десятилетия. Разработки криминологов Института были положены в основы дальнейшего теоретического обоснования необходимости укрепления законности, внедрения гуманистических начал в правоприменительную и уголовно-исполнительную практику.

Значительную роль в разработках криминологической школы Института по проблемам уголовного права в этот период сыграли исследования Б. С. Никифорова. В начале 1960-х гг. в монографии «Объект преступления по советскому уголовному праву», в статьях «Об умысле по действующему уголовному законодательству», «Субъективная сторона в формальных преступлениях» Б. С. Никифоров поднял ряд сложных и актуальных проблем теории уголовного права, касающихся его природы, предмета и метода уголовно-правового регулирования, уголовных правоотношений, которые до сих пор сохраняют свое научное значение. При этом, в отличие от большинства современных ему ученых и практиков, Б. С. Никифоров указывал на необходимость возрождения изучения предмета, метода и структуры криминологии, причин преступности и ее предупреждения.

В 1963 г. в связи с созданием Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности при Прокуратуре СССР позиции криминологической школы Института были вновь серьезно подорваны по причине перевода основной части ученых-криминологов Института во вновь созданный Всероссийский институт.

В непростой ситуации большой вклад в возрождение и развитие криминологической школы Института внесли Е. В. Болдырев, В. Н. Иванов, В. М. Галкин, которые во второй половине 1960-х и в 1970-х гг. подготовили цикл работ по теоретическим проблемам Общей части уголовного права.

Так, в 1960-е гг. в Институте возобновляются исследования эффективности уголовных наказаний, проводятся фундаментальные исследования личности несовершеннолетних правонарушителей, что положило начало ряду направлений социально-правовых исследований [2].

Важно отметить, что концептуальные подходы Е. В. Болдырева и В. М. Галкина многие годы спустя были учтены при подготовке проекта Уголовного кодекса РФ 1996 г.

В дальнейшем, развивая традиции криминологической школы Института ряд его сотрудников, в числе которых были В. П. Кашепов, А. А. Гравина, Т. А. Костарева, И. Л. Марогулова, приняли активное участие в исследовании механизмов действия Уголовного кодекса РФ 1996 г. [12–16].

Основные усилия этих и других ученых Института были направлены на совершенствование структуры отдельных уголовно-правовых норм, а также системы уголовного законодательства в целом. Ими исследовались общетеоретические основания внутреннего строения уголовно-правовой нормы, методы уголовно-правового регулирования, особенности построения уголовно-правовых норм, структура и классификация элементов уголовно-правовой нормы, их влияние на формирование составов преступлений и механизм юридической квалификации [9].

Заключение

Таким образом, в истории развития криминологической (теоретической уголовно-правовой) научной школы Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ допустимо выделить пять периодов.

Первый – период становления и активного развития криминологических и пенитенциарных исследований (1923–1933 гг.).

Второй – период, связанный с углубленным исследованием теоретических уголовно-правовых проблем (1934–1949 гг.).

Третий – период, связанный с разработкой теоретического обоснования необходимости укрепления законности, возрождения гуманистических начал в правоприменительной и уголовно-исполнительной практике (1950–1963 гг.).

Четвертый – период, связанный с разработкой теоретических проблем Общей части уголовного права (1964–1995 гг.).

Пятый – период, связанный с разработкой проблематики совершенствования структуры отдельных уголовно-правовых норм и системы уголовного законодательства в целом (1996 г. – по настоящее время).

Литература

1. Gernet, M. N. Crimes of Hitler's army against humanity / M. N. Gernet. – Moscow : Law Public House, 1946. – 32 p.
2. Власенко, Н. А. М. Н. Гернет и основные вехи развития социологической школы права / Н. А. Власенко, М. В. Залоило. – Текст : непосредственный // Журнал российского права. – 2015. – № 6. – С. 161–170.
3. Гернет, М. Государственный институт по изучению преступности в Москве / М. Г. Гернет. – Текст : непосредственный // Право и жизнь. – Москва, 1927. – Кн. 2. – С. 42–47.
4. Гернет, М. Н. История царской тюрьмы : в 5 томах. Том 1: 1762-1825 / М. Н. Гернет. – 3-е издание. – Москва, 1960. – 384 с. – Текст : непосредственный.
5. Гернет, М. Н. Преступление и борьба с ним в связи с эволюцией общества : монография / М. Н. Гернет. – Москва : Мир, 1914. – 306 с. – Текст : непосредственный.
6. Гернет, М. Первая русская лаборатория по изучению преступности / М. Гернет. – Текст : непосредственный // Право и жизнь, 1924. – Кн. 2. – С. 20–34.
7. Герцензон, А. А. Михаил Николаевич Гернет, его жизнь, общественная и научная деятельность (1874-1953) / А. А. Герцензон. – Текст : непосредственный // История царской тюрьмы : в 5 томах. Том 1: 1762–1825. – 3-е издание. – Москва, 1960. – С. 34.
8. Жижиленко, А. А. Должностные (служебные) преступления / А. А. Жижиленко ; под редакцией М. Н. Гернета, А. Н. Тройнина. – Москва : Право и жизнь, 1924. – 76 с. – Текст : непосредственный.
9. Кашепов, В. П. Об истоках криминологических теорий в уголовном праве России / В. П. Кашепов. – Текст : непосредственный // Журнал российского права. – 2015. – № 9. – С. 66–73.
10. Корабин, К. К. М. Н. Гернет – выдающийся ученый-юрист, основоположник отечественной пенитенциарной науки (к 145-летию со дня рождения) / К. К. Корабин. – Текст : непосредственный // Журнал российского права. – 2019. – № 7. – С. 168–180.
11. Луцкий, А. И. Вклад профессора М. Н. Гернета в развитие юридической науки / А. И. Луцкий, М. И. Луцкий, Б. В. Киндюк. – Текст : непосредственный // Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – Т. 13, № 3. – С. 519–529.
12. Медведев, А. М. Пределы действия Уголовного кодекса Российской Федерации / А. М. Медведев ; под редакцией В. П. Кашепова. – Москва : Юридическая литература, 1998. – 141 с. – Текст : непосредственный.

13. Уголовная ответственность несовершеннолетних / под редакцией В. П. Кашепова. – Москва : Юридическая литература, 1999 – 159 с. – Текст : непосредственный.
14. Костарева, Т. А. Дифференциация уголовной ответственности / Т. А. Костарева. – Москва : Норма, 1998. – 287 с. – Текст : непосредственный.
15. Марогулова, И. Л. Амнистия и помилование в российском законодательстве / И. Л. Марогулова. – Москва, 1998. – 140 с. – Текст : непосредственный.
16. Крахмальник, Л. Г. Лечебно-трудовые профилактории / Л. Г. Крахмальник, А. А. Гравина. – Москва, 1971. – 95 с. – Текст : непосредственный.
17. Преступный мир Москвы / под редакцией М. Н. Гернета. – Москва : Право и жизнь, 1924. – 247 с. – Текст : непосредственный.
18. Филиппов, П. А. Профессор Гернет Михаил Николаевич: жизнь и научно-творческая деятельность : монография / П. А. Филиппов. – Москва : Зерцало-М, 2015. – 88 с. – Текст : непосредственный.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ
ПОЛИТИКА РФ В СФЕРЕ
РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО
НАКАЗАНИЯ И ИНЫХ МЕР
УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО
ХАРАКТЕРА

Е. В. Авдеева

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО ШТРАФА

Предмет исследования составляют уголовно-правовые аспекты реализации штрафа как вида уголовного наказания. В этой связи проводится анализ материалов судебной практики, позволяющий раскрыть современные тенденции назначения судом уголовного штрафа. Установлена динамика назначения штрафа судом в качестве основного и дополнительного наказания.

Цель исследования заключается в раскрытии проблем реализации уголовного штрафа как вида наказания и разработке предложений по усовершенствованию механизма назначения уголовного штрафа судом. Методологическую основу исследования образует совокупность общенаучных и частно-научных методов, предопределивших комплексный подход к изучению назначения штрафа как вида наказания. В ходе достижения цели исследования использовались специально-юридические методы познания, содействующие проведению анализа нормативно-правового регулирования назначения штрафа, определения имущественного положения лица, иного дохода осужденного.

Основные результаты исследования содержат выводы и предложения, направленные на совершенствование мер по назначению штрафа в отношении несовершеннолетних, по совокупности преступлений, при замене штрафа в случае злостного уклонения от его уплаты. Сформулированы выводы относительно методологических и организационно-практических аспектов правового воздействия штрафа как вида наказания, направленного на достижение целей наказания.

Новизна темы исследования состоит в постановке и решении проблемы, связанной с назначением штрафа: 1) по совокупности преступлений; 2) в отношении несовершеннолетних.

Сформулированы выводы и предложения по совершенствованию уголовно-правовых норм, регламентирующих основание и порядок назначения уголовного штрафа.

Ключевые слова: штраф, уголовный закон, уголовные наказания, назначение наказания, совокупность преступлений, принципы уголовного права.

E. V. Avdeeva

CURRENT ISSUES OF THE IMPLEMENTATION OF A CRIMINAL PENALTY

The subject of the research is the criminal-legal aspects of the implementation of a fine as a type of criminal punishment. In this regard, an analysis of the materials of judicial practice is carried out, which makes it possible to reveal the current trends in the appointment of a criminal fine by the court. The dynamics of the appointment of a fine by the court as the main and additional punishment has been established.

The purpose of the study is to uncover the problems of implementing a criminal fine as a type of punishment and to develop proposals for improving the mechanism for imposing a criminal fine by a court. The methodological basis of the research is formed by a set of general scientific and private scientific methods that predetermined an integrated approach to the study of the purpose of a fine as a type of punishment. In the course of achieving the goal of the study, special legal methods of cognition were used to facilitate the analysis of the legal regulation of the appointment of a fine, the determination of the property status of a person, and other income of the convict.

The main results of the study contain conclusions and proposals aimed at improving the measures for the appointment of a fine in relation to minors, for the aggregate of crimes, when re-

placing a fine in case of malicious evasion from its payment. Conclusions are formulated regarding the methodological, organizational and practical aspects of the legal impact of a fine as a type of punishment aimed at achieving the goals of punishment.

The novelty of the research topic lies in the formulation and solution of the problem associated with the appointment of a fine: 1) for the aggregate of crimes; 2) in relation to minors.

Conclusions and proposals for improving the criminal law governing the basis and procedure for imposing a criminal fine are formulated.

Keywords: fine, criminal law, criminal penalties, sentencing, aggregate of crimes, principles of criminal law.

Введение

Согласно официальным статистическим данным, штраф в качестве основного вида наказания в 2018 году был назначен 85760 осужденным, в качестве дополнительного вида наказания – 7852 осужденным. Анализ статистических данных 2019 года позволил сделать вывод, что назначение штрафа в качестве наказания значительно снизилось по сравнению с 2018 годом и составило: 1) назначение в качестве основного вида наказания 75200 осужденным (-12,3 %); 2) в качестве дополнительного вида наказания назначено в отношении 6843 осужденных (-12,9 %). За 2020 год штраф как основной вид наказания назначен 62175 осужденным, в качестве дополнительного – 5283 осужденным.

Сущность штрафа как вида уголовного наказания согласно ч. 1 ст. 46 УК РФ 1996 г. заключается в назначении осужденному денежного взыскания в размере, установленном санкцией конкретной уголовно-правовой нормы. Размер налагаемого денежного взыскания определяется: 1) исходя из заработной платы или иного дохода осужденного за определенный период; 2) с учетом определенного количества минимальных размеров оплаты труда. Согласно первоначальной редакции пределы денежного взыскания составляли: 1) размер заработной платы или иного дохода осужденного, полученного за период от двух недель до одного года; 2) от двадцати пяти до одной тысячи минимальных размеров оплаты труда.

Принимая во внимание разграничение видов уголовных наказаний на основные и дополнительные, законодатель устанавливает возможность назначения штрафа преимущественно в качестве основного вида наказания. Между тем допускается назначение судом штрафа как дополнительного наказания в случаях, строго регламентированных санкциями уголовно-правовых норм Особенной части УК РФ.

Законодатель предусмотрел порядок замены штрафа при наличии факта, подтверждающего злостное уклонение от уплаты штрафа. При замене штрафа суд вправе назначить осужденному следующие виды уголовных наказаний: 1) обязательные работы; 2) исправительные работы; 3) арест.

Первые изменения в законодательную формулу, регламентирующую порядок назначения штрафа, были внесены с принятием Федерального закона от 08.12.2003 № 162-ФЗ.

В контексте проводимой уголовно-правовой политики изменения коснулись размера штрафа. Исчисление размера штрафа стало осуществляться: 1) в размере от двух тысяч пяти сот до одного миллиона рублей; 2) в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух недель до пяти лет.

Законодатель предусматривает дифференциацию размера штрафа, при совершении тяжких и особо тяжких преступлений минимальный размер штрафа составляет: 1) пятьсот тысяч рублей; 2) размер заработной платы или иного дохода осужденного за период свыше трех лет.

Законодатель в качестве дополнительного обоснования вводит: 1) учет имущественного положения семьи осужденного; 2) возможность получения осужденным заработной платы или иного дохода. При этом суд, учитывая указанные обстоятельства, вправе вынести решение о назначении штрафа с рассрочкой выплаты определенными частями в течение трех лет.

Существенные коррективы вносятся в порядок замены штрафа, назначенного в качестве основного вида наказания при злостном уклонении осужденного от уплаты. Новый порядок предполагает осуществление замены штрафа строго в соответствии с санкцией уголовно-правовой нормы. В результате замена штрафа производится на вид уголовного наказания, предусмотренного санкцией конкретного состава преступления.

Следующий этап новеллизации наметился с введением в действие Федерального закона от 07.12.2011 № 420-ФЗ. Срок выплаты штрафа в рассрочку был увеличен с трех до пяти лет.

Поправки были внесены в порядок замены штрафа, назначенного в качестве основного вида наказания при злостном уклонении осужденного от его уплаты. Штраф мог быть заменен на любой вид наказания, предусмотренный санкцией уголовно-правовой нормы, за исключением лишения свободы. Однако данное правило не распространялось на составы преступлений, предусмотренные ст. 204, 290, 291, 291.1 УК РФ.

Очередной этап модернизации оснований и порядка назначения штрафа сопряжен с принятием Федерального закона от 03.12.2012 № 231-ФЗ, детализирующего замену штрафа в случаях злостного уклонения от его уплаты осужденным. В частности, устанавливался запрет на замену штрафа наказанием в виде лишения свободы. Исключение составляло назначение штрафа в размере, исчисляемом исходя из величины, кратной стоимости предмета или сумме коммерческого подкупа или взятки. В данном случае замена штрафа могла быть произведена на тот вид наказания, который предусмотрен санкцией соответствующего состава преступления. При этом законодатель предусмотрел недопустимость назначения условного наказания при замене штрафа.

Действующая законодательная формула, регламентирующая назначение штрафа, связана с изменениями, установленными Федеральным законом от 23.04.2018 № 99-ФЗ. Введен новый порядок исчисления размера штрафа, который стал составлять: 1) от пяти тысяч до пяти миллионов рублей; 2) размер заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух недель до пяти лет; 3) размер, кратный стоимости предмета или сумме коммерческого подкупа, подкупа работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок и иных уполномоченных лиц, представляющих интересы заказчика в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, взятки или сумме незаконно перемещенных денежных средств и (или) стоимости денежных инструментов.

При этом назначение штрафа в размере от пяти сот тысяч рублей или в размере заработной платы, или иного дохода осужденного за период свыше трех лет возможно в случаях, строго регламентированных санкциями уголовно-правовых норм УК РФ. Исключение составляют случаи исчисления размера штрафа исходя из величины, кратной сумме коммерческого подкупа, подкупа работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок и иных уполномоченных лиц, представляющих интересы заказчика в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, взятки или сумме незаконно перемещенных денежных средств и (или) стоимости денежных инструментов. В этих случаях штраф устанавливается в размере до стократной суммы таких подкупа, взятки или суммы незаконно перемещенных денежных средств и (или) стоимости денежных инструментов. Однако его размер должен составлять не менее двадцати пяти тысяч рублей и не более пяти сот миллионов рублей.

Изменения в законодательную формулу ст. 46 УК РФ, внесенные Федеральным законом от 27.10.2020 № 352-ФЗ, дополнили ч. 2 ст. 46 УК РФ новым составом преступления «подкуп арбитра (третейского судьи)».

Результаты и обсуждение

Внесение изменений в законодательную формулу, регламентирующую назначение штрафа, повлекло возникновение ряда спорных вопросов на правоприменительном уровне в процессе его реализации. В этой связи стоит обратить внимание на Постановление Пленума

ВС РФ от 20.12.2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора», раскрывающее специфику производства замены штрафа в случае злостного уклонения от его уплаты осужденным.

Вопрос о соответствии положениям Конституции РФ такого вида наказания, как уголовный штраф, рассматривался в жалобегражданина В. В. Шевкунова, осужденного за совершение преступлений к 13 годам лишения свободы с дополнительным наказанием в виде штрафа в размере 400 000 рублей. По утверждению В. В. Шевкунова, статья 46 «Штраф» УК Российской Федерации не соответствует Конституции Российской Федерации, поскольку допускает возможность ухудшения имущественного положения не только самого осужденного, но и членов его семьи.

Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 19 марта 2003 года № 3-П, по правилам Федерального закона от 2 октября 2007 года № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», в частности статья 69 данного Федерального закона закрепляет, что взыскание на имущество должника по исполнительным документам обращается в первую очередь на его денежные средства в рублях и иностранной валюте и иные ценности, в том числе находящиеся на счетах, во вкладах или на хранении в банках и иных кредитных организациях; при отсутствии или недостаточности у должника денежных средств взыскание обращается на иное имущество, принадлежащее ему на праве собственности, хозяйственного ведения и (или) оперативного управления, за исключением имущества, изъятого из оборота, и имущества, на которое в соответствии с федеральным законом не может быть обращено взыскание, независимо от того, где и в чьем фактическом владении и (или) пользовании оно находится; если должник имеет имущество, принадлежащее ему на праве общей собственности, то взыскание обращается на долю должника, определяемую в соответствии с федеральным законом (части 3, 4 и 6).

Соответственно, положения статьи 46 УК Российской Федерации не могут расцениваться в качестве нарушающих права В. В. Шевкунова в обозначенном им аспекте, а потому его жалоба как не отвечающая критерию допустимости обращений в Конституционный Суд Российской Федерации не может быть принята Конституционным Судом Российской Федерации к рассмотрению [5].

Штраф может быть назначен как без рассрочки, так и с рассрочкой выплаты до пяти лет. Исходя из этого, при назначении наказания по совокупности преступлений не допускается сложение сумм штрафа, назначенного в качестве основного и дополнительного видов наказаний за разные преступления.

В правоприменительной деятельности наблюдается ряд проблемных моментов, связанных с назначением штрафа. По приговору суда Е., осужденному по п. «б» ч. 2 ст. 171 УК РФ, назначены один год и шесть месяцев лишения свободы условно. Апелляционным постановлением Волгоградского областного суда действия Е. переквалифицированы на ч. 1 ст. 171 УК РФ, а назначенное ранее условное наказание заменено реальным наказанием в виде штрафа в размере 100 тыс. рублей. Стоит отметить, что штраф в системе наказаний представляет собой более мягкий вид наказания. Между тем президиум областного суда, выступая судом кассационной инстанции, отменил решение в части назначения наказания. Поскольку, назначая наказание в виде штрафа, судухудшил положение лица, так как наблюдается замена фактически условного наказания реальным в виде штрафа. В результате осужденному Е. назначено лишение свободы сроком на один год условно [6, с. 36].

Проблемные вопросы также возникают при назначении штрафа несовершеннолетним. Так, например, приговором Московского окружного военного суда Т. осужден по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 205² УК РФ и ч. 1 ст. 282 УК РФ, к наказанию в виде штрафа в размере 200 тысяч рублей. Судебная коллегия изменила приговор по следующим основаниям. В соответствии с ч. 2 ст. 88 УК РФ несовершеннолетнему может быть назначен штраф как вид наказания в следующих размерах: 1) от одной тысячи до пятидесяти тысяч рублей; 2) в размере заработной платы или иного дохода несовершеннолетнего осуж-

денного за период от двух недель до шести месяцев. Согласно положениям закона максимально возможный размер назначения штрафа несовершеннолетнему может составлять пятьдесят тысяч рублей как за каждое преступление, так и по совокупности преступлений. Соответственно суд вынес наказание, явно превышающее максимально возможные пределы штрафа [2, с. 11].

Наиболее остро отмечена проблема на правоприменительном уровне при замене штрафа на другой вид наказания в отношении злостно уклоняющегося от его уплаты. Так, например, приговором Канашского районного суда М. осужден к штрафу по ч. 1 ст. 285 УК РФ в размере 30 тысяч рублей и по ч. 3 ст. 290 УК РФ в размере сорокократной суммы взятки – трех миллионов, по совокупности преступлений к штрафу в размере 3 млн 15 тыс. рублей.

В связи со злостным уклонением от уплаты штрафа представление судебного пристава-исполнителя о замене штрафа другим видом наказания было удовлетворено, и оставшаяся сумма неуплаченного штрафа заменена наказанием в виде лишения свободы.

Президиум ВС Чувашской Республики, рассмотрев кассационную жалобу адвоката, пришел к выводу о ее частичном удовлетворении по следующим основаниям. Согласно ч. 5 ст. 46 УК РФ в случае злостного уклонения от уплаты штрафа, назначенного в качестве основного наказания, он может быть заменен на любой иной вид наказания, за исключением лишения свободы. При этом данные положения не распространяются на осужденных, которым назначен штраф за совершение таких составов преступлений, как коммерческий подкуп или взятки. Соответственно, суд мог заменить штраф в случае злостного уклонения от его уплаты за совершение ч. 3 ст. 290 УК РФ, однако по ч. 1 ст. 285 УК РФ такая замена невозможна, данные действия суда нарушают нормы уголовного законодательства [7].

Заключение и выводы

Проблема реализации штрафа на правоприменительном уровне активно обсуждается на страницах юридической литературы. Внимания заслуживает позиция ученых, считающих, что назначение уголовного штрафа лицу, не достигшему совершеннолетнего возраста, следует признать нарушением норм и принципов уголовного закона. Так, назначение штрафа осужденному, не достигшему совершеннолетнего возраста, предусматривает возможность его взыскания с родителей или иных законных представителей. При этом уголовный закон акцентирует внимание на обязательности такого признака, как согласие родителей или иных законных представителей. Вместе с тем назначение уголовного штрафа в отношении указанной категории лиц является недопустимым ввиду его противоречия принципу вины, закрепленному в ст. 5 УК РФ. Принцип вины означает, что наказание подлежит назначению судом лишь в отношении лица, признанного виновным. Следовательно, к признанному виновным лицу суд на основании принципа личной виновной ответственности вправе назначить меру уголовно-правового воздействия, предусмотренную уголовным законом. Как гласит ст. 43 УК РФ в отношении лица, признанного судом виновным в совершении преступления, назначается мера уголовной ответственности, заключающаяся в наложении на него ограничений либо лишении предусмотренных законом прав и свобод. По мнению ученых, привлечение родителей и законных представителей несовершеннолетнего при исполнении наказания в виде уголовного штрафа также противоречит принципу индивидуализации наказания [4, с. 36]. В этой связи ученые отмечают, что обязанность претерпеть лишения или ограничения прав и свобод должна возлагаться непосредственно на то лицо, которое нарушило установленный законом правовой порядок.

Стоит отметить, что с учетом принципа личной виновной ответственности уголовное наказание не может возлагаться на такие институты общества, как «юридическое лицо, коллектив, семья, ближайшее окружение личности» [3, с. 233].

Анализируя проблему реализации вышеуказанных положений уголовного закона, следует сказать, что нормы, регламентирующие порядок назначения штрафа в отношении несовершеннолетнего лица, требуют частичной новеллизации. Вполне обоснованным является

подход специалистов к проблеме недопустимости переложения личной виновности несовершеннолетнего на его родителей либо законных представителей, не имеющих юридического отношения к совершению противоправного общественно опасного деяния. Принцип личной виновной ответственности предполагает, что установленные законом ограничения либо лишения должны применяться исключительно к виновному лицу. Это способствует реализации целей уголовного закона. В настоящее время возложение на родителей либо законных представителей несовершеннолетнего лишений, связанных с имущественными обязательствами, не обеспечивает реализацию такой цели уголовного закона, как исправление осужденного. В данном случае происходит взыскание имущественного характера с лиц, не причастных к совершению преступления. В то же время несовершеннолетний, осознавая возможность переложения своих обязательств на родителей либо законных представителей, формирует устойчивую систему представлений о допустимости безнаказанности, что способствует совершению новых противоправных деяний.

В этой связи стоит привести точку зрения известного российского ученого XIX века Н. С. Таганцева, который считал, что сущность наказания заключается в налагаемых в отношении виновного «страданиях». При этом наказание должно отбываться лицом, лично совершившим противоправное деяние. Недопустимым является закрепление в законе возможности отбывания за виновное лицо наказания другим лицом. Однако качественно иной подход может быть предусмотрен к наказаниям, связанным с «денежным взысканием». В данном случае учитывается, что государство «не в состоянии на практике устранить уплату за наказанного пени другим» [8, с. 104].

Рассматривая проблему наложения штрафа за преступления, совершенные несовершеннолетним, на его родителей или законных представителей, стоит привести точку зрения ряда ученых, предлагающих решить данную проблему путем отсрочки исполнения наказания в виде уголовного штрафа до достижения виновным лицом 18-летнего возраста.

Если рассматривать позитивный опыт реализации уголовного штрафа в зарубежных государствах, то можно обратить внимание на уголовное законодательство таких стран, как Азербайджан, Беларусь, Казахстан, Польша, и др. В указанных государствах уголовное законодательство предусматривает назначение штрафа к несовершеннолетним в тех случаях, когда они не имеют в собственности имущества либо самостоятельного дохода (заработка), которые могут быть обращены к взысканию.

Например, уголовное законодательство Польши устанавливает допустимость назначения судом уголовного наказания в виде штрафа только в том случае, если суд имеет обоснованное убеждение, что он будет взыскиваться с учетом материального положения виновного с его доходов без принудительного порядка.

Вместе с тем ученые подчеркивают преимущества уголовного штрафа как вида уголовного наказания. Отмечается, что уголовный штраф следует считать «самым мягким» видом наказания. При этом исследователи обращают внимание на размер уголовного штрафа, который достигает 5 000 000 рублей. Исходя из этого на страницах специальной литературы обсуждается вопрос, насколько реально данный вид наказания является мягким. Представляется, что главенствующую роль при оценке назначения уголовного штрафа играет имущественное положение виновного лица, которое суд обязан установить при вынесении приговора [1, с. 13].

По мнению ученых и практиков, позитивность уголовного штрафа как вида наказания состоит в его закреплении в санкциях норм, устанавливающих уголовную ответственность за преступления корыстной направленности небольшой и средней тяжести.

В процессе современной новеллизации уголовно-правовых норм, устанавливающих назначение наказания в виде уголовного штрафа, акцентируется внимание на внесение изменений в дефиницию, на основании которых следует рассматривать уголовный штраф не как «денежное взыскание», а как «имущественное взыскание в денежной форме». Также усмат-

ривается необходимость уточнения судом допустимости исчисления штрафа в виде иного дохода, учитывая возможность его налогообложения.

Заслуживают внимания в этой связи положения Федерального закона РФ «О порядке учета доходов и расчета среднедушевого дохода семьи и дохода одиноко проживающего гражданина для признания их малоимущими и оказания им государственной социальной помощи» 2003 года, предусматривающие критерии расчета имущественного положения лица и виды его дохода. В развитие данных положений действует Постановление Правительства РФ «О перечне видов доходов, учитываемых при расчете среднедушевого дохода семьи и дохода одиноко проживающего гражданина для оказания им государственной социальной помощи» от 20.08.2003 № 512 (ред. от 29.04.2020), согласно которому иным доходам следует относиться все выплаты, компенсации, выходные пособия, социальные выплаты, включающие пенсии, компенсационные выплаты, ежемесячное пожизненное содержание судей, вышедших в отставку; стипендии, пособия по безработице, материальную помощь и иные выплаты в отношении безработных граждан, ежемесячные страховые выплаты, надбавки и доплаты ко всем видам выплат, доходы от имущества, оплату работ по договорам, авторские вознаграждения, доходы от занятий предпринимательской деятельностью и по акциям.

Законодатель акцентирует внимание на учете судом доходов, которые не подлежат учету в отношении как одиноко проживающих лиц, так и семьи. Уголовно-правовая оценка штрафа позволяет разграничить его на две категории. Основанием разграничения является «степень репрессивности» уголовного наказания. В результате выделяют «обычный», то есть «ординарный» штраф. Вторую категорию составляет «конфискационный» штраф, который осуществляет функции конфискации имущества.

Между тем законодательное регулирование реализации уголовного штрафа на правоприменительном уровне требует дальнейшей конкретизации в части раскрытия специальных условий, сроков и порядка уплаты, пределов удержания доходов из заработной платы и приравненных к нему выплат, конкретизации контрольных мер по обеспечению реализации данных взысканий.

В юридической литературе отмечается, что проблемой реализации уголовного штрафа является разграничение его на единовременный и дящийся, то есть продолжаемый штраф, который предусматривает рассрочку при осуществлении выплат. Ряд вопросов возникает с проблемой индексации суммы назначенного судом штрафа. Считается, что процесс индексации денежного взыскания, налагаемого в рассрочку, будет служить осуществлению воспитательно-предупредительного воздействия на осужденного.

Активно исследуется вопрос относительно замены штрафа при наличии уважительных причин, влекущих невозможность его уплаты осужденным, на такой вид наказания, как обязательные работы.

Таким образом, в современных социально-экономических и политико-правовых реалиях ввиду осуществления принципа экономии уголовной репрессии штраф следует считать одним из наиболее эффективных видов наказания, так как оказывает воздействие не на личный, а на имущественный статус осужденного путем наложения имущественного характера лишений или ограничений.

Предлагается в целях повышения эффективности штрафа в ходе достижения целей уголовного наказания суду учитывать целесообразность его назначения в отношении таких категорий, как лица, которые ранее не совершали противоправную деятельность, и преступление стало следствием сложившихся социально негативных явлений, влекущих создание неблагоприятной жизненной ситуации; имели проявления антиобщественного поведения, совершили преступления небольшой и средней тяжести, но сохранили социально полезные качества, подтверждающиеся трудовой деятельностью и реализуемой социально полезной для общества ролью.

Литература

1. Авдеев, В. А. Международно-правовые, доктринальные и организационно – практические подходы к противодействию корыстно-насильственной преступности в РФ / В. А. Авдеев, О. А. Авдеева. – Текст : непосредственный // Вестник Югорского государственного университета. – 2020. – № 1 (56). – С. 7–16.
2. Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих ВС РФ от 21.06.2016 г. – Текст : непосредственный // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2017. – № 4. – С. 11.
3. Макушенко, А. В. Штраф как уголовное наказание имущественного характера / А. В. Макушенко. – Текст : непосредственный // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2019. – № 612. – С. 231–234.
4. Молдабаева, А. Х. Штраф как вид наказания, назначаемый несовершеннолетним / А. Х. Молдабаева. – Текст : непосредственный // Юридический факт. – 2020. – № 83. – С. 35–36.
5. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шевкунова Владимира Владимировича на нарушение его конституционных прав статьей 46 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 27.02.2020 № 300-О. – Текст : электронный // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты РФ. – URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-27022020-n-300-o/> (дата обращения: 30.08.2021).
6. Постановление президиума Волгоградского областного суда от 27 июня 2018 года. – Текст : непосредственный // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2019. – № 11. – С. 36.
7. Постановление президиума ВС Чувашской республики от 17 июля 2015 года. – Текст : непосредственный // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2016. – № 6. – С. 15.
8. Салихов, Д. Р. Штраф как мера наказания по законодательству Российской Федерации / Д. Р. Салихов. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. – 2018. – № 5. – С. 102–106.

Н. Ю. Акинина, В. Ф. Анисимов, В. Т. Галкин

**О ПРОБЛЕМАХ ПРИМЕНЕНИЯ ОБЫЧНОГО ПРАВА
ПРИ УГОЛОВНОМ ПРЕСЛЕДОВАНИИ ЛИЦ
ИЗ ЧИСЛА КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА**

Предметом исследования являются проблемы применения норм уголовного права, предусматривающих ответственность за экологические преступления в отношении представителей лиц из числа коренных малочисленных народов Севера, сутью которых является конфликт между позитивным правом и обычным правом данных народов. Целью исследования является анализ причин указанного конфликта, а также обоснование необходимости применения норм обычного права коренных малочисленных народов Севера при их уголовном преследовании за экологические преступления.

В результате исследования сделано предположение о том, что знание норм обычного права должностными лицами правоохранительных органов позволит снять социальное напряжение между коренными малочисленными народами Севера и правоохранительными органами. Именно поэтому необходимо начать работу по формированию свода обычного права, а также рекомендации по его применению, которые могли бы стать документом для использования их в качестве рекомендации при принятии правоохранительными органами решений.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы Севера, обычное право, экологические преступления, уголовное преследование.

N. Yu. Akinina, V. F. Anisimov, V. T. Galkin

**ON THE PROBLEMS OF APPLICATION OF CUSTOMARY LAW
IN THE CRIMINAL PROSECUTION OF PERSONS
OF SMALL INDIGENOUS PEOPLES OF THE NORTH**

The subject of the study is the problems of application of the norms of criminal law stipulating responsibility for environmental crimes against representatives of persons of small indigenous minorities of the North, the essence of which is the conflict between the positive law and the customary law of these peoples. The purpose of the study is to analyze the causes of this conflict, as well as to substantiate the necessity of applying the norms of customary law of indigenous peoples of the North in their criminal prosecution for environmental crimes.

As a result of the study, the assumption is made that knowledge of the norms of customary law by law enforcement officials will allow to relieve social tension between the indigenous peoples of the North and the law enforcement agencies. That is why it is necessary to begin work on the formation of a code of customary law, as well as recommendations for its application, which could become a document to be used as a recommendation for law enforcement bodies in their decision-making.

Keywords: Indigenous Peoples of the North, customary law, environmental crimes, criminal prosecution

В современной России огромное внимание уделяется вопросам сохранения этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации, соблюдение прав коренных малочисленных народов Российской Федерации [5]. В этих целях на федеральном уровне приняты законы и иные нормативные акты, гарантирующие права коренных малочисленных народов Се-

вера на защиту их исконной среды обитания, традиционного образа жизни, сохранения и культуры и языка. Среди основополагающих можно выделить Федеральный закон от 30.04.1999 № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», Федеральный закон от 07.05.2001 № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», Федеральный закон от 20.07.2000 № 104-ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации».

Вместе с тем, в настоящее время существует комплекс противоречий между декларативностью нормативных правовых актов, гарантирующих права и законные интересы коренных малочисленных народов Севера, и реальной практикой их правоприменения.

Все это приводит к снижению численности данных народов, ведущих традиционный образ жизни (например, в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре таких лиц 4 596 чел.).

Особую обеспокоенность вызывают конфликты между представителями из числа лиц коренных малочисленных народов Севера и правоохранительными органами в сфере уголовных правоотношений за совершение преступлений, возбужденных по статьям главы 26 УК РФ.

Так, по данным УМВД России по Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре, в отношении коренных жителей за совершение преступлений в области охраны окружающей среды и природопользования возбуждено: в 2016 году – 11 уголовных дел, из них за незаконную охоту – 3 дела; за незаконную рубку – 1 дело; за незаконную добычу (вылов) водных биоресурсов – 7 дел; в 2017 году – 39 уголовных дел, из них за незаконную охоту – 6 дел; за незаконную рубку – 18 дел; за незаконную добычу (вылов) водных биоресурсов – 15 дел; в первом полугодии 2018 года – 29 уголовных дел, из них за незаконную охоту – 3 дела; за незаконную рубку – 5 дел; за незаконную добычу (вылов) водных биоресурсов – 21 дело.

Доля уголовных дел за совершение коренными жителями преступлений в области охраны окружающей среды и природопользования от общего количества дел, возбужденных в отношении данной категории граждан, составила: в 2016 году – 3,6 %, в 2017 году – 12,5 %, в 1-м полугодии 2018 года – 20,6 %, что указывает на значительное увеличение данного показателя [2, с. 207].

В рамках расследования уголовных дел в отношении КМНС из незаконного оборота было изъято: огнестрельного оружия: в 2016 году – 3 ед., в 2017 году – 10 ед., в первом полугодии 2018 года – 6 ед.; орудий лова: в 2016 году – 7 ед., в 2017 году – 16 ед., в первом полугодии 2018 года – 22 ед.; бензопил: в 2016 году – 0 ед., в 2017 году – 17 ед.; в первом полугодии 2018 года – 5 ед. [2, с. 207–208].

Изъятие оружия происходит несмотря на то, что для северных народов охота является одним из основных законных источников средств к существованию, соответственно, изъятие орудий охоты существенно влияет на условия их жизни. Кроме того, орудия охоты крайне необходимы коренному населению как для защиты от диких животных своей семьи, так и для сохранения поголовья оленей.

Вышеобозначенный конфликт обусловлен формальным применением норм позитивного права и теми традициями, которые сложились у данных народов на протяжении многовекового периода их существования.

Показательным является пример формального подхода к квалификации как уголовно-правового деяния факта добычи трех особей медведей четырьмя коренными жителями Сургутского района из числа субъектов права традиционного природопользования.

Следственным отделом ОМВД России по Сургутскому району указанным гражданам было предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного статьей 258 УК РФ, выразившегося в осуществлении незаконной охоты группой лиц по предварительному сговору с применением механических транспортных средств. По мнению правоохранителей, охотники причинили крупный материальный ущерб на общую сумму 270 тысяч рублей.

При этом причина данного события была обусловлена следующими обстоятельствами [3]. 25 марта 2017 года коренной житель югорской тайги Анатолий Сопочин приехал в гости

к своему соседу, Якову Покачеву, чтобы помочь собрать оленей. Собирая стадо, они наткнулись на медведя, который убегая, ударил лапой по голове шестнадцатилетнего внука Якова Покачева. На следующий день четверо охотников отправились на поиски опасного зверя, который был отстрелен.

Добытого зверя привезли к дому Якова Покачева, разделали по традиции (шкуру оставили хозяину угодий, мясо поделили между охотниками). Разделявая тушу, обнаружили, что это кормящая медведица. Охотниками было принято решение отыскать медвежонка. На следующий день они вернулись к берлогу, но медвежонка не нашли. При этом обнаружили большие следы двух годовалых медведей, выследили их и также отстрелили. При разделке медведей в их желудках были обнаружены остатки медвежонка, которого те сожрали от голода, прямо в берлоге, уже в отсутствие матери.

Несмотря на то, что статья 14 Федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» дает право при рассмотрении в судах дел в отношении малочисленных народов принимать во внимание их традиции и обычаи, не противоречащие действующему законодательству, обычное право коренных малочисленных народов Севера практически не применяется правоохранительными органами по причине отсутствия знания о нем. Так, судебными инстанциями в решениях [6] упоминается только о принадлежности осужденного к числу КМНС без исследования обстоятельств традиционного образа жизни и (или) традиционного природопользования.

Кроме того, конфликт обостряется тем, что преследование коренных малочисленных народов Севера, ведущих традиционный образ жизни, осуществляется за экологические преступления. Если быть более точными, преступления, посягающие на отношения по обеспечению экологической безопасности отдельных природных (природно-антропогенных) объектов и ресурсов (ст. 249, 250, 251, 254, 255, 256, 257, 258, 258.1, 259, 260 и 261 УК РФ)» [9, с. 20].

Под объектами данной группы преступлений принято понимать конкретные общественные отношения по охране, рациональному использованию отдельных видов природных богатств [4, с. 197; 8]. Соответственно, данными уголовными преступлениями ущерб наносится природе, ее рациональному использованию.

Вместе с тем, культуру коренных малочисленных народов Севера исследователи рассматривают как пример экологичности и рациональности. Так, к примеру, Адеев В. Н. отмечает, что «в основе традиций рационального природопользования хантов и ненцев лежит идея поддержания равновесия с окружающей средой и ее обитателями. Ею пронизаны основополагающие принципы взаимоотношений обоих народов с природной средой, которые играют первостепенное значение в формировании экофильных тенденций: глубокое знание среды обитания, принципы всеобщего уважения, непротивопоставления (уподобление), всеобщей взаимосвязи» [1]. Им также отмечается, что в свете растущей заинтересованности современного общества в решении экологических задач нельзя не заметить тот ценный потенциал, который заложен в их традиционном экологическом знании.

Помимо рационального отношения к природе, у северных народов отмечается и особые мировоззрение и культура. Так, обращаясь к исследованиям этнографов об обрядах, обычаях, ритуалах, традициях, нормах морали и права коренных малочисленных народов Севера, получаешь представление об уникальных особенностях духовного мира и культурном своеобразии этих народов, их тесной связи с природой.

Отмечается, что в регулировании жизнедеятельности особое значение имеют религиозные нормы. Коренные малочисленные народы Севера в течение веков традиционно исповедовали свои собственные религии, основанные на страхе перед природными стихиями, которым можно противостоять только постоянной заботой о сохранности окружающей природы, включая животный и растительный мир. Животный мир нередко рассматривается ими как кровный родственник человек [7, с. 5].

Основанные на таких убеждениях религиозные обычаи обязывали жителей Севера бережно относиться к плодородию земли, растительному и животному миру, сохранение которых обеспечивало выживание человека и целых народов в экстремальных северных условиях [7, с. 7].

У северных народов главными социальными нормами являлись ритуалы как специфические правила поведения. Их цель – внушить людям определенные чувства. Обряды также являлись социальными нормами, которые давали возможность выразить радость, жалось. Специфическими социальными нормами являлись мифы, которые учили тому, как себя нужно вести и как не нужно. Общеизвестными социальными нормами служили и обычаи – сложившиеся исторически правила поведения, которые регулируют устойчивые общественные отношения на протяжении длительного периода [7, с. 43]. Нормы морали также выполняли важнейшие функции в регулировании, т. к. определяли, что есть добро и зло.

Анализ социальных норм Северных народов позволяет проследить трепетное отношение к природе, к ее рациональному использованию.

Для Северных народов характерно особое отношение к охоте на медведя, которая полностью воспринимается, как сакральный ритуал. Например, ненцы при встрече с медведем вступали с ним в разговор. Его просят уйти по-доброму, если же зверь стал добычей, его приглашают быть гостем. Медведю посвящён праздник обских угров «Медвежьи Игрища», суть которого – особое поклонение убитому медведю. При этом они говорили: «Твой отец и мать разрешили тебя убить! Не считай это грехом! Разреши мне тебя и в будущем убивать, и оставаться здоровым!». Эти обрядовые действия имели цель возрождения зверя, его задабривание.

Некоторые северные народы имели традицию вскармливания медведя. Так, например, гиляки добывали медвежонка в тайге, затем его несколько лет вскармливали, до того, как он превращался в упитанного зверя, а затем устраивали праздник, где его кормили и затем осуществляли ритуал убиения [7, с. 141]. Данный обряд объясняется тем, что, когда на охоте выпадает случай добыть молодых животных, гиляку их невыгодно убивать. Пример данной традиции свидетельствует о рациональном отношении к окружающему миру, то есть у природы взять ровно столько, сколько необходимо для выживания и жизнедеятельности в суровых условиях северной природы.

В этой связи при рассмотрении дел о несанкционированной охоте на медведя необходимо учитывать обычаи коренных народов, суть которых – обеспечить свое выживание, в том числе ритуальный характер такой охоты, от которой, как считают носители культуры, зависит не столько пропитание, сколько судьба конкретной общины.

Понимание культуры коренных малочисленных народов Севера, обусловленность традиционного природопользования крайне суровыми условиями выживания позволяют по-другому оценивать деяния таких лиц, которые формально обладают уголовно-правовыми признаками состава экологического преступления.

Обычное право по преимуществу является предметом исследования этнографии (антропологии) и первобытной истории. Юридическая наука уделяет этому вопросу не столь большое внимание. Между тем, именно правовой обычай был основным источником формирования позитивного права в эпоху ранних цивилизаций, когда первобытное общество в вопросах правового регулирования уступало место государству, оставаясь при этом на периферии правового поля.

В настоящее время в правоведении отношение к правовому обычаю неоднозначно: с одной стороны, в теории права признаётся, что правовой обычай может быть источником права в случае включения его в нормативные правовые акты. С другой стороны, в правоприменительной практике обычай как источник права не признаётся равным нормам позитивного права и при принятии судебными органами решения правовой обычай не учитывается.

Вместе с тем, несмотря на данную неоднозначную оценку, ничто не мешает в настоящее время в ходе принятия судебных решений учитывать нормы обычного права, тем более что санкция государства на это существует. Однако подобная процедура наталкивается на очень простое, но почти непреодолимое препятствие: отсутствие единого документа, описывающего подобные нормы. Именно поэтому необходимо начать работу по формированию свода

обычного права, а также рекомендации по его применению, которые могли бы стать документом для использования их в качестве рекомендации при принятии решений правоохранными органами.

Природа подобного свода, как документа, двояка: с одной стороны, он представляет собой результат научных изысканий профессиональных учёных (правоведов, историков, этнографов, лингвистов), а, с другой стороны, – представляет собой список норм обычного права, в удобной и краткой форме разъясняющей поведение представителя коренного народа в той или иной правовой ситуации.

При этом, на наш взгляд, наличие свода обычного права, его понимание и применение должностными лицами правоохранных органов позволит снять социальное напряжение между коренными народами и правоохранными органами. При этом мы считаем, что общественный ущерб от такой охоты и иных деяний, обусловленных традиционным природопользованием коренных народов, преувеличен, а вот ущерб от нарушения государством норм традиционной морали может оказаться гораздо большим, оказывающим влияние на сохранение народности.

Литература

1. Адаев, В. Н. Традиционная экологическая культура хантов и ненцев Западной Сибири: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук : 07.00.07 / В. Н. Авдеев. – Новосибирск, 2004. – 17 с. – Текст : непосредственный.
2. Гарантии прав коренных малочисленных народов севера, их реализация и защита в ханты-мансийском автономном округе – Югре : специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре : составитель Н. В. Стребова. – Ханты-Мансийск : Принт-Класс, 2019. – 344 с. – Текст : непосредственный.
3. Корниенко, О. Год под знаком медведя. Как прожить в лесу, не нарушая закона? / О. Корниенко. – Текст : электронный // МК Югра. – URL: <https://ugra.mk.ru/articles/2018/03/24/god-pod-znakom-medvedya.html> (дата обращения: 30.09.2021).
4. Жевлаков, Э. Н. Экологические преступления: понятия, виды, проблемы ответственности : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук : 12.00.08 / Э. Н. Жевлаков. – Москва, 1991. – 496 с. – Текст : непосредственный.
5. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года : указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666. – Текст : непосредственный // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 52. – Ст. 7477.
6. Приговор № 1-20/2014 от 18 июля 2014 г. / Красноселькупский районный суд (Ямало-Ненецкий автономный округ). – Текст : электронный // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/FBGU7R1lGrx> (дата обращения: 30.09.2021).
7. Приговор № 1-131/2017 от 28 декабря 2017 г. / Дудинский районный суд (Красноярский край). – Текст : электронный // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/WofSYPvqU9Uo/> (дата обращения: 30.09.2021).
8. Харючи, С. Н. Социальные нормы коренных малочисленных народов Севера России. Обряды, обычаи, ритуалы, традиции, мифы, нормы морали, нормы права : монография / С. Н. Харючи, К. Г. Филант, И. Ю. Антонов. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2009. – 279 с. – Текст : непосредственный.
9. Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник / под редакцией А. В. Бриллиантова. – 3-е издание, переработанное и дополненное. – Москва : Проспект, 2021. – 1184 с. – Текст : непосредственный.
10. Хлупина, Г. Н. Экологические преступления: теоретический и практический анализ, проблемы разграничения с административными проступками : учебное пособие / Г. Н. Хлупина, Н. В. Качина, А. В. Молодкин. – Красноярск, 2012. – 298 с. – Текст : непосредственный.

Е. И. Думанская

**УСТАНОВЛЕНИЕ МОТИВОВ КАК УСЛОВИЕ ДЛЯ ВЫРАБОТКИ
МЕР ПРОФИЛАКТИКИ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ**

Статья посвящена анализу мотивации и мотивов преступлений, связанных с домашним насилием. Авторизлагает свои предположения относительно факторов, обуславливающих динамику в преступлениях, связанных с домашним насилием, в целях улучшения качества криминологической, в том числе виктимологической, профилактики. Учитывая, что домашнее насилие обладает устойчивым системным и цикличным характером, а также нередко случаи смены ролей «агрессор» – «жертва», в статье сделана попытка осмысления процессов, приводящих к такому поведению, причины которых в значительной степени можно отнести к сфере неосознаваемой психической деятельности.

Ключевые слова: мотивация, мотив, домашнее насилие, профилактика

E. I. Dumanskaya

**MOTIVE'S RESEARCHING AS A CONDITION FOR IMPROVING
THE QUALITY OF DOMESTIC VIOLENCE PREVENTION**

The article is devoted to the analysis of the motivation and motives of crimes related to domestic violence. The author presents his assumptions about the factors of domestic violence in order to improve the quality of prevention. There was an attempt to approach the causes of domestic violence from the standpoint of the influence of unconscious factors because this behavior has a stable systemic and cyclical character and the roles of the «abuser»-«victim» are changing.

Keywords: motivation, motive, domestic violence, prevention

На современном этапе идет достаточное активное обсуждение вопросов домашнего насилия, необходимости правового регулирования данного вопроса, а также способов реагирования и профилактики. Однако полагаем, что в отсутствие конкретных правовых решений в данной сфере следует сосредоточиться на возможностях современного состояния законодательства для разрешения указанной проблемы. В частности, нам бы хотелось остановиться на вопросах корректного установления мотивации и мотивов в данной категории преступлений и подходов к ним сложившейся судебной практики.

Общество на данный момент остро нуждается в разработке эффективных средств воздействия на личность (причем как преступника, так и жертвы, поскольку эти роли очень часто меняются) в целях предупреждения домашнего насилия. Это невозможно сделать без понимания процессов, влияющих на преступное поведение, без анализа мотивации и мотивов такого поведения.

Представляется, что для целей эффективной профилактики следует фокус внимания сместить со следствия – совершенного преступления на саму личность и те ее черты, которые обуславливают возникновение домашнего насилия.

Государству очень трудно, а подчас и невозможно контролировать происходящее в конкретной семье. Но это не означает, что государству в лице своих правоохранительных и судебных органов не нужно понимать механизмы и обусловленность такого поведения.

Понятия, используемые судебной практикой для обозначения мотивов, например такие, как склонность к садизму, личные неприязненные отношения и т. п., практически никак не способствуют выработке эффективных профилактических мер.

Отдельно стоит остановиться на формулировке «личные неприязненные отношения», которую судебная практика очень часто использует для обозначения мотива в случаях домашнего насилия.

Так, согласно приговору № 1-119/2016 от 13 июля 2016 г. по делу № 1-119/2016 Плесецкого районного суда Архангельской области: «Воронцова Н. Н., зная о том, что ее сын, не достигший четырнадцатилетнего возраста, осознавая, что он в силу своего малолетнего возраста, психического и физического состояния не может оказывать ей сопротивление и сообщить в правоохранительные органы о ее (Воронцовой Н. Н.) противоправных действиях, вследствие чего находится в беспомощном состоянии, используя данное беспомощное состояние ребенка, а также используя нахождение сына от нее (Воронцовой Н. Н.) в материальной и иной зависимости, поскольку Воронцов Я. Д. находится на ее иждивении, не имеет источника дохода и собственного жилья, а постоянно проживает совместно с ней, осознавая систематический характер своих действий, умышленно причиняла малолетнему физические и нравственные страдания путем систематического нанесения побоев и иных насильственных действий, высказывая оскорбления и грубую нецензурную брань. Так, она в один из дней в период времени с 14 часов до 18 часов, находясь в состоянии алкогольного опьянения в квартире, на почве личной неприязни (*выделено автором*) к сыну из-за неудовлетворительных оценок сына по предметам обучения, с целью причинения физических и психических страданий, высказывая оскорбления в адрес малолетнего, умышленно нанесла ему не менее двух ударов ремнем в область спины, чем причинила сыну физическую боль и психические страдания» [8].

Далее следует описание еще нескольких эпизодов применения насилия на «почве личной неприязни к сыну».

Хотя нормативного определения понятия неприязни не существует, и в Уголовном кодексе РФ неприязнь в качестве мотива совершения преступления не упоминается, она описывается лишь как один из мотивов простого убийства в п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве».

В связи с этим некоторыми авторами предпринимается попытка дать определение личной неприязни через выделение таких элементов, как:

- основания возникновения – поступки, слова, жесты и другие проявления одной стороны, способные вызвать непонимание и неприятие другой;
- субъект – носитель (индивид), имеющий неприятие поведения другого лица;
- объект – индивид, чье поведение (поступки, высказывания и т. п.) вызывают неприятие другой стороны;
- содержание личной неприязни – внутреннее неприятие поведения другого лица и его внешнее выражение» [3, с. 223].

Если мы говорим о криминологической картине преступлений, совершенных по мотиву личной неприязни, следует сказать, что личная неприязнь может быть внезапно возникшей и устойчивого характера. Безусловно, неприязнь устойчивого характера весьма схожа с описанной выше картиной домашнего насилия.

Но, как нам представляется, мотивы в упомянутом случае связаны с желанием получить контроль над жертвой, заставить ее подчиняться. К сожалению, мать может ненавидеть собственного ребенка по целому ряду причин. И причины эти, как правило, будут связаны с личностью самого агрессора, его внутренними проблемами, усвоенными моделями и паттернами поведения.

Традиционно считается, что истоки неприязни коренятся в социальном чувстве «я» и базируются на чувстве обиды. Причиной личной неприязни может быть неприятное воспоминание

нение, разные взгляды на мир и т. д. Алкоголь, наркотики и неблагополучное материальное положение обычно являются катализирующими факторами проявления неприязни.

Исходя из вышеизложенного, сложно согласиться, что в описанной ситуации между матерью и ребенком существовали устойчивые неприязненные отношения. Нам непонятно, каким образом ребенок мог вызвать ущемление собственного «я» агрессора-матери для квалификации мотива как неприязни.

Приведем пример еще одного случая квалификации мотива преступления в сфере домашнего насилия как мотив личных неприязненных отношений. В данной ситуации происходит смена ролей «агрессор» – «жертва» и данному обстоятельству не дается надлежащая правовая и криминологическая оценка.

«Осуждённая Ксенофонтова З. П. в судебном заседании признала свою вину в убийстве мужа и показала, что последние двадцать лет её муж К. применял к ней насилие, издевался над членами семьи. 20 сентября 2016 года у неё с К. возник конфликт, так как ему не понравилось, что она отказалась идти в магазин за спиртным. К. взял топор и сказал, что если она не принесет спиртное, он отрубит ей голову. Потом совершил с ней насильственные действия сексуального характера, ударил в голову и в грудь, а затем лёг на кровать. Она вышла в коридор дома, где хотела подождать, когда муж уснёт, однако когда (Ксенофонтова) вернулась в комнату, он не спал, лежал на кровати. На требование К. сходить за спиртным она отказалась, тогда он разозлился. Испугавшись, что К. начнёт её бить, вышла в коридор, взяла металлическую трубу, вернулась в комнату и ударила трубой лежавшего на кровати К. в правый глаз. К. вскочил с кровати и пополз на кухню, где находился топор. Она испугалась за свою жизнь и ещё раз ударила трубой в голову К., после чего убежала в баню... Мотивом совершения Ксенофонтовой З. П. преступления являлись возникшие у неё *личные неприязненные отношения к К. из-за того, что последний требовал, чтобы она сходила в магазин за спиртным (выделено автором)*, что подтверждается исследованными в судебном заседании доказательствами» [9].

На наш взгляд, сложно согласиться с тем, что мотивом в описанной ситуации явились «личные неприязненные отношения к К. из-за того, что последний требовал, чтобы она сходила в магазин за спиртным».

По логике суда преступление вызвано обычным конфликтом-ссорой из-за похода в магазин за спиртным, которая ущемила «я» Ксенофонтовой, вызвала «личную неприязнь». При такой постановке вопроса суд абсолютно не учитывает длительное насилие, носящее системный характер, при формировании мотивации.

Полагаем, что при рассмотрении различных преступлений, связанных с домашним насилием или из-за домашнего насилия, совершенно неприемлемо использовать такие формулировки, как личная неприязнь, ссора и т. д., так как они не дают понимания о причинах и мотивах преступления, совершенного в рамках семейных отношений.

Семья представляет собой сложную систему, в которой все взаимосвязано и взаимообусловлено. Как правило, для людей, находящихся в ситуации домашнего насилия, характерно состояние зависимости и созависимости, а также пребывание в состоянии стресса или хронического посттравматического стрессового расстройства.

Все вышеперечисленное накладывает отпечаток на формирование мотивации в подобного рода преступлениях, распределение ролей «агрессор» – «жертва» и т. д. Выявление настоящих причин и мотивов действий, в свою очередь, необходимо для индивидуализации наказания и выработки эффективных мер как общей, так и специальной криминологической профилактики.

К сожалению, проблемы разработки «реадаптационных» мер воздействия на личность преступника (и жертвы) остаются вне фокуса внимания субъектов правоприменения.

В случаях домашнего насилия мы имеем дело с систематически повторяющимися сценариями, паттернами противоправного и преступного поведения в рамках семейной системы.

Какова же причина таковых раз за разом повторяющихся паттернов?

Как было замечено выше, на наш взгляд, точно не «неприязненные отношения», которыми оперирует судебная практика.

В рассматриваемых нами случаях существует «привыкание к насилию» со стороны жертвы, принятие его в качестве своеобразной «нормы». Это обуславливает длительность насилия со стороны агрессора. Безусловно, такой сценарий может начинаться с родительской семьи: дети воспроизводят модели семейных отношений в родительской семье.

В науке исследуются механизмы, лежащие в основе передачи моделей поведения из поколения в поколение, включая социальное обучение, криминогенную среду, биологическую предрасположенность и т. д. [см. 6]. Также имеется ряд работ, посвященных влиянию семейных паттернов (употребление наркотиков родителями, преступное поведение и тюремное заключение родителей) на риск вовлечения ребенка в преступную деятельность [см. 7].

Некоторые авторы идут еще дальше и усвоение паттернов «агрессор» – «жертва» связывают даже с перинатальным периодом: «...при рождении и даже во чреве ребенок получает определенное количество посланий: ему передают фамилию и имя, ожидание ролей, которые ему придется играть или же избегать. Эти ролевые ожидания могут быть позитивными и/или негативными. Из ребенка сделают «козла отпущения»..., ему много всего предскажут – предписания, сценарии, будущее. Это будет сказано явно или останется невысказанным и будет подразумеваться «по умолчанию» и храниться в строгой тайне. Однако явные или неявные ожидания начнут «программировать» ребенка. Затем семья и окружение начнут вводить эту программу в психику ребенка: его жизнь и смерть, брак или безбрачие, профессия или призвание, будущее станут, таким образом, производной от всего семейного контекста – высказанного и невысказанного» [5, с. 196].

Обусловленность отдельного индивидуального преступного поведения в сфере домашнего насилия множеством факторов в значительной степени затрудняет объяснение поведения агрессора и жертвы. Тем более эти роли могут поменяться. Иногда создается впечатление, что роль жертвы «комфортна» для нее, и жертва «специально» выбирает себе агрессора-тирана. Иногда судебная практика ставит такое положение вещей в «вину» жертве, считая, что такое положение «устраивает» жертву домашнего насилия, и указанное насилие никак не влияет на последующую мотивацию. Представляется, что данная практика может рассматриваться как некая форма виктимблейминга.

Так, в приговоре Первоуральского городского суда Свердловской области указано следующее: «Архипова И. В., находясь в состоянии алкогольного опьянения, в ходе ссоры с ФИО5, возникшей на почве личных неприязненных отношений, действуя умышленно, с целью причинения тяжкого вреда здоровью потерпевшего, взяла на вышеуказанной веранде кухонный нож и, используя его в качестве оружия, нанесла им не менее одного удара в область груди ФИО5... Поведение Архиповой И. В. было вызвано аморальным поведением потерпевшего и основано на *личных неприязненных отношениях (выделено автором)* ... Более того, конфликтная ситуация в момент совершения преступления не была для Архиповой И. В. внезапной и неожиданной, поскольку в тот же день между ней и потерпевшим уже возникала ссора на почве употребления спиртных напитков, в связи с чем у Архиповой И. В. не имелось никаких препятствий, чтобы покинуть место происшествия после первоначального конфликта. Кроме того, Архипова пояснила, что они и раньше ссорились и дрались, но она не уходила сама и не выгоняла ФИО21, так как жалела его. Таким образом, суд приходит к выводу, что *такие отношения были нормой жизни данной семьи (выделено автором)*, и в тот день не происходило ничего, что бы могло свидетельствовать о какой-то необычной для них ситуации» [10].

Таким образом для правоприменителя ситуация совершения преступления из личных неприязненных отношений, совершенного в ходе конфликта, не отличается от преступления, связанного с домашним насилием. И мотивы описанных выше действий (и, как следствие, личностная характеристика преступника, степень общественной опасности личности) для судебной практики выглядят абсолютно одинаково, не влияя ни на индивидуализацию наказания, ни на специфику профилактических мер.

Такая постановка вопроса не способствует эффективной профилактике домашнего насилия. Как было отмечено выше, домашнее насилие является, как правило, результатом воспроизводства определенных паттернов, ролей. Причем воспроизводства неосознаваемого.

Мы неоднократно подчеркивали, что в регуляции поведения человека непрерывно взаимодействуют осознаваемые и неосознаваемые, рациональные и эмоциональные компоненты, тщательное исследование которых дает нам представление о мотивах преступления. А понимание неосознаваемых аспектов человеческой мотивации может служить ключом к раскрытию причин и мотивов поведения как преступника, так и жертвы [см. 1].

Так, Франц Рупперт в своей работе «Травма, связь и семейные расстановки» приводит следующий пример: «Обвинители задокументировали на десяти страницах страдания Сильвии Б. (имя изменено), которая уже в 1986 году в возрасте трех лет подверглась сексуальному злоупотреблению со стороны отца. В течение последующих лет ситуация усугубилась – вплоть до ежедневного изнасилования, когда в 1997 году мать из-за депрессий на год попала в клинику. Сильвии Б. пришлось «занять роль» матери и терпеть извращенные сексуальные игры обвиняемого. Отец не отстал от Сильвии даже после того, как она попала в больницу после попытки самоубийства. Впоследствии семнадцатилетняя девушка переехала жить в общежитие для психических больных, но продолжала навещать родителей, чем снова воспользовался отец. После оглашения приговора во всем сознавшийся отец не произнес ни слова сожаления» [2, с. 17]. В данном примере семейный контекст таков, что в восприятии преступника Сильвия не свой собственный ребенок, в его восприятии она лишь «занимает роль» его жены.

Раскрытие мотивов подобных преступлений позволяет оценить степень общественной опасности личности виновного. Наказанием возможно временно заставить того или иного члена семьи контролировать свое поведение, но обстановку в семье это не восстановит и слабо будет способствовать профилактике аналогичных случаев.

Эффективная профилактика возможна только в случае работы с первопричиной такого преступного поведения.

Следует подчеркнуть, что для случаев домашнего насилия характерна проблема архетипов как часто повторяющихся образов (моделей поведения) и неосознаваемых психологических или социальных ролей в преступном поведении (архетипы инцеста, суицида, детоубийства и т. д.).

Еще раз подчеркнем, что эффективная профилактика требует применения методов, непосредственно адресованных в неосознаваемую область. Естественно, одни лишь воспитательные меры и назначение наказания с данной задачей не будут справляться.

В контексте этого так называемая «реадаптационная» модель развития правоприменительной и исправительной системы, работающая с первопричинами преступного и виктимного поведения, а не с последствиями в виде преступного поведения, представляется более перспективной.

Некоторыми исследователями предлагаются даже дополнительные принудительные меры – психолого-ресоциализирующие меры, которые должны проводиться с целью оказания психологической помощи при ресоциализации преступника и корректировки его представлений о ценностях, существующих в обществе, а также и предупреждения новых насильственных преступлений [см. 4].

Не можем согласиться с принудительностью данных мер, поскольку невозможно процессы, связанные с психикой человека, осуществлять принудительно. А вот различные программы, направленные на стимулирование желания пройти психолого-ресоциализирующие меры, как раз заслуживают внимания и развития. Требуется масштабная разработка программ морально-психологической реабилитации, информационно-консультативной, правовой и медицинской помощи. Причем данные программы должны разрабатываться как по отношению к преступнику, так и по отношению к жертве домашнего насилия.

Необходимы меры с целью уменьшения уязвимости потенциальных жертв (в том числе психологическая работа со «сценарием жертвы»), меры виктимологической помощи по ока-

занию всех видов поддержки (моральной, психологической, правовой, материальной и другой). Все меры необходимо реализовывать в комплексе в рамках системы виктимологической защиты и обеспечения виктимологической безопасности реальных и потенциальных жертв домашнего насилия.

Таким образом, только на понимание выше описанных процессов, влияющих на преступное поведение, должна опираться разработка мер профилактики, выбор эффективных средств воздействия на личность в целях предупреждения противоправного поведения.

Литература

1. Думанская, Е. И. Личностные деформации как криминогенная предпосылка преступного поведения / Е. И. Думанская. – Текст : непосредственный // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2018. – № 1. – С. 69–75.
2. Рупперт, Ф. Травма, связь и семейные расстановки / Ф. Руперт. – Москва : Институт консультирования и системных решений, 2010. – 264 с. – Текст : непосредственный.
3. Севостьянов, Р. А. Личная неприязнь как мотив совершения преступления / Р. А. Севостьянов. – Текст : непосредственный // Вопросы российского и международного права. – 2018. Т. 8, № 9А. – С. 221–227.
4. Шуняев, С. В. Уголовно-правовые аспекты противодействия насилию в семье / С. В. Шуняев. – Текст : электронный // Международная ассоциация содействия правосудию. – URL: <https://www.iauaj.net/node/480> (дата обращения: 30.08.2021).
5. Шутценбергер, А. А. Синдром предков: трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциограммы / А. А. Шутценбергер. – Москва : Психотерапия, 2009. – 256 с. – Текст : непосредственный
6. A systematic review and meta-analysis of the intergenerational transmission of criminal behavior / S. Besemer, S. Ahmad, S. Hinshaw, D. Farrington // *Aggression and Violent Behavior*. – 2017. – Vol. 37. – P. 161–178/
7. Linking parental incarceration and family dynamics associated with intergenerational transmission: A life-course perspective / P. Giordano, J. Copp, W. Manning, M. Longmore. – DOI: 10.1111/1745-9125.12209 // *Criminology*. – 2019. – Vol. 57 (3). – P. 395–423.
8. Приговор № 1-119/2016 от 13 июля 2016 г. по делу № 1-119/2016 Плесецкого районного суда Архангельской области. – Текст : электронный // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/wX0xXivpHYxt/> (дата обращения: 07.07.2021).
9. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Архангельского областного суда от 24 марта 2017 года по делу № 22-717/2017. – Текст : электронный // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». – URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (дата обращения: 06.07.2021).
10. Приговор Первоуральского городского суда Свердловской области от 14 марта 2019 года по делу № 1-84/2019. – Текст : электронный // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». – URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (дата обращения: 06.07.2021).

НАШИ АВТОРЫ

Авдеева Екатерина Вадимовна	Ekaterina V. Avdeeva
Кандидат юридических наук	Candidate of Law Sciences
Доцент кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России	Associate Professor of the Department for Legal Process, East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: E_V_Avdeeva@bk.ru	E-mail: E_V_Avdeeva@bk.ru
Акинина Наталья Юрьевна	Natalya Yu. Akinina
Кандидат юридических наук	Candidate of Law Sciences
Доцент кафедры правоохранительной деятельно- сти и адвокатуры Юридического института Югорского государственного университета	Associate Professor of the Department for Law Enforcement Activities and Advocacy, Law Institute, Yugra State University
Тел.: +7 (902) 819-74-88	Phone +7 (902) 819-74-88
E-mail: anu8671@mail.ru	E-mail: anu8671@mail.ru
Анисимов Валерий Филиппович	Anisimov Valery Filippovich
Доктор юридических наук	Doctor of Law Sciences
Заведующий кафедрой правоохранительной дея- тельности и адвокатуры Юридического институ- та Югорского государственного университета	Head of the Department for Law Enforcement Activities and Advocacy, Law Institute, Yugra State University
Тел.: +7 (3467) 377-000 (доб. 421)	Phone +7 (3467) 377-000 (ext. 421)
E-mail: anisimov.vf@gmail.com	E-mail: anisimov.vf@gmail.com
Галкин Валерий Терентьевич	Valeriy T. Galkin
Кандидат исторических наук	Candidate of Historical Sciences
Доцент кафедры истории, философии и права Юридического института Югорского государственного университета	Associate Professor of the Department for History, Philosophy, and Law, Law Institute, Yugra State University
Тел.: +7 (3467) 377-000 (доб. 409)	Phone +7 (3467) 377-000 (ext. 409)
E-mail: v_galkin@ugrasu.ru	E-mail: v_galkin@ugrasu.ru
Думанская Елена Игоревна	Elena I. Dumanskaya
Кандидат юридических наук	Candidate of Law Sciences
Доцент кафедры уголовного права Уральского государственного юридического университета	Associate Professor of the Department for Criminal Law, Ural State Law University
Тел.: +7 (343) 374-30-08	Phone +7 (343) 374-30-08
E-mail: uglaw@yandex.ru	E-mail: uglaw@yandex.ru

Иголина Елена Олеговна Следователь Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по ХМАО-Югре Тел.: +7 (922) 437-06-07 E-mail: elena-law@list.ru	Elena O. Igonina Crime investigator of the Investigative Department, Investigative Committee of the Russian Federation on Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug-Yugra Phone +7 (922) 437-06-07 E-mail: elena-law@list.ru
Камалов Рамиль Наильевич Старший оперуполномоченный по особо важным делам Управления экономической безопасности и противодействия коррупции Управления Министерства внутренних дел России по Томской области Тел.: +7 (913) 853-16-24 E-mail: lazursea@gmail.com	Ramil N. Kamalov Senior Operative for Special Important Cases of the Department for Economic Security and Anti-Corruption, Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Tomsk Phone +7 (913) 853-16-24 E-mail: lazursea@gmail.com
Квитко Антон Владимирович Аспирант кафедры уголовного права и уголовно- го процесса Юридического института Югорского государственного университета E-mail: kvitko2007@yandex.ru	Anton V. Kvitko Postgraduate Student of the Department for Criminal Law and Criminal Procedure, Law Institute, Yugra State University E-mail: kvitko2007@yandex.ru
Лапшин Валерий Фёдорович Доктор юридических наук Профессор кафедры уголовного права и уголов- ного процесса Юридического института Югорского государственного университета Тел.: +7 (3467) 377-000 (доб. 559) E-mail: kapitan-44@yandex.ru	Valeriy F. Lapshin Doctor of Law Sciences Professor of the Department for Criminal Law and Criminal Procedure, Law Institute, Yugra State University Phone +7 (3467) 377-000 (ext. 559) E-mail: kapitan-44@yandex.ru
Латыпова Кристина Сергеевна Кандидат юридических наук Доцент кафедры уголовного процесса и крими- налистики Юридического факультета Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова Тел.: +7 (3012) 211-917 E-mail: krista100@mail.ru	Kristina S. Latypova Candidate of Law Sciences Associate Professor of the Department for Criminal Procedure and Criminalistics, Faculty of Law, Buryat State University named Dorzhi Banzarov Phone +7 (3012) 211-917 E-mail: krista100@mail.ru
Мамхягов Зураб Зунелевич Преподаватель кафедры уголовного права и про- цесса Северо-Кавказского социального института E-mail: zurik-92@mail.ru	Zurab Z. Mamhyagov Lecturer of the Department for Criminal Law and Procedure, North Caucasus Social Institute E-mail: zurik-92@mail.ru

Меньшикова Анна Геннадьевна	Anna G. Menshikova
Кандидат юридических наук	Candidate of Law Sciences
Доцент кафедры уголовного права Уральского государственного юридического университета	Associate Professor of the Department for Criminal Law, Ural State Law University
Тел.: +7 (343) 375-08-46	Phone +7 (343) 375-08-46
E-mail: menshikova_anna@mail.ru	E-mail: menshikova_anna@mail.ru
Поторочина Екатерина Олеговна	Ekaterina O. Potorochina
студент Уральского государственного юридического университета	Student of the Ural State Law University
E-mail: potorochinaeo@gmail.com	E-mail: potorochinaeo@gmail.com
Саранова Юлия Александровна	Yuliya A. Saranova
Ассистент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического факультета Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова	Assistant of the Department for Criminal Procedure and Criminalistics, Faculty of Law, Buryat State University named Dorzhi Banzarov
Тел.: +7 (3012) 211-917	Phone +7 (3012) 211-917
E-mail: yuliya1704@bk.ru	E-mail: yuliya1704@bk.ru
Ситникова Александра Ивановна	Alexandra I. Sitnikova
Доктор юридических наук	Doctor of Law Sciences
Профессор кафедры уголовного права Юго-Западного государственного университета	Professor of the Department for Criminal Law, South-Western State University
E-mail: orcrimpravo@yandex.ru	E-mail: orcrimpravo@yandex.ru
Степанов Олег Анатольевич	Oleg A. Stepanov
Доктор юридических наук	Doctor of Law Sciences
Главный научный сотрудник Центра уголовного, уголовно-процессуального законодательства и судебной практики Института законодательства и сравнительного правоведения при правительстве Российской Федерации	Chief Researcher of the Center for Criminal Law, Criminal Procedure and Judicial Practice, the Institute of Legislation and Comparative Law Under the Government of the Russian Federation
Тел.: +7 (965) 337-94-27	Phone +7 (965) 337-94-27
E-mail: soa-45@mail.ru	E-mail: soa-45@mail.ru
Титлова Дарья Викторовна	DariaV. Titlova
Аспирант кафедры уголовного права и криминологии Академии Федеральной службы исполнения наказаний России	Postgraduate Student of the Department for Criminal Law and Criminology, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia
Тел.: +7 (917) 757-00-12	Phone +7 (917) 757-00-12
E-mail: becelaia@mail.ru	E-mail: becelaia@mail.ru

Хармаев Юрий Владимирович	Yuriy V. Kharmaev
Кандидат юридических наук	Candidate of Law Sciences
Заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Юридического факультета Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова	Head of the Department for Criminal Procedure and Criminalistics, Faculty of Law, Buryat State University named Dorzhi Banzarov
Тел.: +7 (3012) 211-917	Phone +7 (3012) 211-917
E-mail: kharmaev@mail.ru	E-mail: kharmaev@mail.ru
Якубенко Анастасия Константиновна	Anastasia K. Yakubenko
Аспирант Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)	Post-graduate Student of the Irkutsk Institute (branch) for the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)
Тел.: +7 (395) 224-30-49	Phone +7 (395) 224-30-49
E-mail: anastasiyakubenko@yandex.ru	E-mail: anastasiyakubenko@yandex.ru

Научное издание

ВЕСТНИК ЮГОРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Выпуск 2(61)/2021

Цена свободная

16+

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Югорский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-73606 от 31 августа 2018 г.

Дата выхода в свет 28.10.2021

Формат 60x84 1/8. Гарнитура Times New Roman.
Усл. печ. л. 13,3. Тираж 1000 экз. Заказ № 263.

Адрес учредителя, издателя и редакции:
628012, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра,
г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, 16

Отпечатано в секторе редакционно-издательской работы
Научной библиотеки ФГБОУ ВО ЮГУ:
628012, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра,
г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, 16

Главный редактор – Лапшин Валерий Федорович,
тел. +7 (3467) 377-000 (доб. 559)